

Фредерик ПОЛ

ХИЧИ

ВРАТА
ЗА СИНИМ ГОРИЗОНТОМ
СОБЫТИЙ

Фредерик Пол

Врата. За синим

горизонтом событий

Серия «Мастера фантазии»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67632674
Фредерик Пол Врата. За синим горизонтом событий:
ISBN 978-5-17-145512-5

Аннотация

Ближайшее будущее.

На одном из астероидов случайно обнаружена заброшенная база с кораблями инопланетного происхождения и устройством для телепортации во все мыслимые уголки вселенной.

С легкой руки журналистов базу сразу же называют Вратами. И это действительно врата, открывающие человечеству путь к звездам. Но в то же время и смертельно опасное искушение – вероятность не вернуться из прыжка в неизвестность огромна, однако среди 25 миллиардов землян, живущих в стесненных условиях и вынужденных работать на износ, найдется немало отчаянных голов, которым нечего терять! Врата – это чудо, это ловушка, это испытание: способен ли человек совершить шаг вовне, познать самого себя? Врата – это тяжкая дорога к знанию и тончайшая диагностика человечности...

Содержание

Врата	6
1	6
2	18
3	26
4	31
5	39
6	44
7	65
8	72
9	99
10	103
11	133
12	140
13	175
14	185
15	202
16	205
17	217
18	222
19	228
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Фредерик Пол
Врата
За синим
горизонтом событий
Сборник

Frederik Pohl

GATEWAY

BEYOND THE BLUE EVENT HORIZON

Перевод с английского А. Грузберга

Художник С. Неживясов

Печатается с разрешения Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency.

Серия «Мастера фантазии»

© Frederik Pohl, 1976, 1977, 1980

© Перевод. А. Грузберг, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Врата

1

Меня зовут Робинетт Броудхед, но, вопреки своему имени, я мужчина. Мой домашний психоаналитик – я зову его Зигфрид фон Психоаналитик, хотя у него вообще нет имени, потому что он всего-навсего компьютерная программа – по этому поводу получает немало электронного удовольствия.

– Почему вас беспокоит, что некоторые считают ваше имя женским, Боб? – интересуется он.

– Меня это не беспокоит, – бодро отвечаю я.

– Тогда почему вы постоянно об этом твердите?

Он раздражает меня, напоминая о том, что я частенько завожу разговор о своем имени. Я смотрю на потолок с подвешенными мобилями и светильниками, потом в окно. Но на самом деле это не окно, а движущаяся голограмма прибора на мысе Каена.

Программа Зигфрида фон Психоаналитика очень эклектична, и это частенько заводит меня в тупик. Спустя немного времени я говорю ему:

– Меня так называли родители, и с этим я ничего не могу поделать. Когда я представляюсь Р-О-Б-И-Н-Е-Т-Т, остальные обязательно произносят мое имя неверно.

– Но вы же знаете, что его можно поменять?

– Если это сделать, – отвечаю я, будучи абсолютно уверен, что прав, – ты заявишь, что у меня навязчивое желание защитить свои внутренние дихотомии.

– На самом деле я скажу, – возражает Зигфрид со своим тяжелым механическим юмором, – что вам совсем не обязательно использовать специальные психоаналитические термины. Я был бы благодарен, если бы вы просто сообщили, что чувствуете.

– Я чувствую, что вполне счастлив, у меня никаких проблем, – в тысячный раз терпеливо отвечаю я. – Да и почему бы мне не быть счастливым?

Так мы часами играем словами, и мне это не очень нравится. Мне кажется, что в его программе заложена какая-то ошибка.

– Скажите мне, Робби, почему вы несчастны? – снова обращается он ко мне. Я ничего не отвечаю, но он упорно настаивает на своем: – Я думаю, вы чем-то обеспокоены.

– Вздор, Зигфрид, – отмахиваюсь я, испытывая легкое отвращение к этому занудному детищу научно-технического прогресса, – ты всегда пристаешь ко мне с этим дурацким вопросом. Меня ничто не беспокоит.

– Нет ничего плохого в том, что ты признаешься, как себя чувствуешь, – вкрадчиво продолжает он.

Я снова смотрю в окно и сержусь, потому что по непонятной причине начинаю дрожать.

– Ты мне надоел, Зигфрид, понимаешь? – наконец грубо заявляю я.

Он что-то отвечает, но я уже не слушаю. Сижу, гадаю, зачем я трачу здесь свое драгоценное время. Если на Земле и есть человек, имеющий все основания, чтобы чувствовать себя счастливым, то этот человек я – Робинетт Броудхед. Я достаточно богат и хорошо выгляжу. Не стар, к тому же у меня Полное медицинское обслуживание. Так что в последующие пятьдесят лет я могу быть любого возраста – по выбору. Живу я в Нью-Йорке под Большим Пузырем – такое может позволить себе только очень богатый и к тому же известный человек. У меня имеются летние апартаменты, выходящие на Тапаново море и на плотину Палисейдс. К тому же все девушки буквально сходят с ума из-за моих трех браслетов – «вылетов». Ведь на Земле не так много старателей, и даже в Нью-Йорке. Поэтому все дико хотят услышать мой правдивый рассказ о том, что там на самом деле в туманности Ориона или в Большом Магеллановом Облаке. Разумеется, я никогда не посещал ни один из этих галактических «курортов». А о том единственном интересном месте, где все же побывал, я не люблю говорить.

– Если вы действительно счастливы, – выждав положенное количество микросекунд, снова заводит свою шарманку Зигфрид, – зачем вы приходите сюда за помощью?

Терпеть не могу, когда он задает этот идиотский вопрос, на который я и сам не могу ответить. Поэтому я молчу, ежусь

на матрасе из пластиковой пены и пытаюсь снова занять удобное положение. Чувствую, что сеанс предстоит долгий и мерзкий. Ведь если бы я знал, почему мне нужна психотерапевтическая помощь, я бы никогда не обратился к психотерапевту, тем более такому.

– Роб, что-то вы сегодня неразговорчивы, – говорит Зигфрид в маленький микрофон в голове матраса. Иногда для общения со мной он использует очень жизнеподобный манекен, который сидит в кресле, постукивает карандашом по подлокотнику и время от времени насмешливо улыбается. Но я ему сказал, что нервничаю из-за этого. – Почему бы вам просто не поделиться со мной, о чем вы думаете?

– Я ни о чем особенном не думаю, – вздохнув, отвечаю я.

– Расслабьтесь. Говорите все, что придет вам в голову, Боб.

– Я вспоминаю... – говорю я и замолкаю.

– Что вспоминаете, Робби?

– Врата? – неуверенно произношу я.

– Это скорее вопрос, чем утверждение, – с легкой учительской укоризной в голосе говорит Зигфрид.

– Может, так оно и есть. Ничего не могу поделать. Именно это я и вспоминаю – Врата.

У меня есть все основания никогда не забывать Врата. Там я заработал свое состояние, браслеты и все остальное. Я вспоминаю тот день, когда покинул Врата. Это был, если не ошибаюсь, 31-й день 22-й орбиты. Значит, отсчитывая назад,

шестнадцать лет и несколько месяцев с того момента, как я оставил Землю. Тридцать минут спустя после того, как меня выписали из больницы, я получил деньги, сел на корабль и улетел. Я не мог ждать больше ни минуты.

– Пожалуйста, Робби, говорите вслух, о чем вы думаете, – вежливо пристаёт Зигфрид.

– Я думаю о Шикетее Бакине, – отвечаю я.

– Да, вы упоминали его имя, помню. А что же вы думаете о нем?

Я не отвечаю. Старый безногий Шикетей Бакин жил в соседней комнате, но я не хочу обсуждать это с Зигфридом. Я корчусь на своем круглом матрасе, думая о Шики и стараясь не заплакать.

– Вы, кажется, расстроились, Боб, – участливо интересуется Зигфрид.

На это я тоже предпочитаю не отвечать. Шики был единственным человеком, с которым я попрощался на Вратах, и это казалось мне странным. В наших статусах была большая разница. Я, как-никак, старатель, а Шики всего лишь мусорщик. Ему платили ровно столько, чтобы обеспечить плату за проживание, потому что Шики выполнял грязную работу. Ведь даже на Вратах кто-то должен был убирать мусор. Он, конечно же, понимал, что рано или поздно станет слишком старым и больным даже для этой работы. Тогда, если бы Шики повезло, его просто выбросили бы в космос и он там преспокойно умер бы. А если бы не повезло, его, возможно,

отправили бы обратно на планету. Здесь бы он тоже умер, и очень скоро, но вначале несколько недель прожил бы беспомощным калекой.

Во всяком случае, Шикетей Бакин был моим соседом. Каждое утро он с трудом вставал и тщательно вычищал каждый квадратный дюйм своей каморки. Она очень быстро становилась грязной, потому что даже на Вратах у нас никогда не было недостатка в мусоре, и это несмотря на все попытки от него избавиться. Вычистив все, даже основания маленьких кустиков, которые он с трудом вырастил своими руками, Шики брал обломки пластиковых упаковок, бутылочные крышки, клочки бумаги и снова разбрасывал там, где только что прибрался. Мне это казалось забавным, хотя я никогда не мог понять, для чего он это делает. Но Клара говорила... Клара говорила, что понимает его.

– Боб, о чем вы только что думали? – спрашивает Зигфрид. Я сворачиваюсь клубком и что-то бормочу. – Я не разобрал, что вы только что сказали, Робби.

Я молчу и размышляю, что стало с Шики. Вероятно, он уже давно умер. И вдруг мне становится невыносимо грустно от смерти Шики и мне снова хочется плакать. Но я не могу. Я лишь корчусь и извиваюсь как змея. Бьюсь о пенопластовый матрас, пока не начинают протестующе скрипеть удерживающие меня ремни. Ничего не помогает. Боль и стыд не уходят. А я мазохистски доволен собой, доволен тем, что стараюсь изгнать эти чувства, но у меня не получается, и от-

вратительный сеанс продолжается.

– Боб, вам требуется слишком много времени для ответа, – продолжает приставать Зигфрид. – Вы что-нибудь утаиваете?

– Что за нелепый вопрос? – с благородным негодованием отвечаю я. – Если бы что-то скрывал, я бы об этом знал. – Я снова замолкаю и тщательно обследую каждый уголок своего мозга в поисках того, что утаил от Зигфрида. Но не нахожу ни одной мало-мальски достойной мысли, которую мне хотелось бы скрыть от этого зануды. – Кажется, ничего нет, – наконец отвечаю я. – Во всяком случае, я не чувствую, что о чем-то умышленно умалчиваю. Скорее хочу сказать так много, что не знаю, с чего начать.

– Начинайте с любого, Робби. Первое, что приходит в голову.

Это кажется мне глупым. Откуда мне знать, что первое, а что последнее, когда в голове все перемешалось? Отец? Мать? Сильвия? Клара? Или бедный Шики, пытающийся передвигаться без ног? Он порхал, точно ласточка в амбаре, которая охотится за насекомыми, – так Шики ловил мусор в воздухе Врат.

Я постоянно касаюсь тех мест в собственном сознании, которые причиняют мне страдания. По предыдущему опыту я знаю, что будет больно. Примерно так же я себя чувствовал в семь лет, когда бегал по Скальному парку вместе с другими детьми и пытался обратить на себя внимание. Или когда

мы оказались вне реального пространства и поняли, что попали в ловушку, а из ничего появилась призрачная звезда, улыбаясь, как Чеширский кот. У меня сотни таких воспоминаний, и все они причиняют боль. Да, это так. Они само воплощение боли. В указателе моей памяти против них написано «Болезненно». Я знаю, где отыскать их, и помню, как бывает плохо, когда они всплывают на поверхность. Но пока я держу их взаперти, они не причиняют мне страданий.

– Я жду, Боб, – говорит Зигфрид.

– Думаю, – отвечаю я.

И тут мне приходит в голову, что я опаздываю на урок музыки. Воспоминание о том, что я учусь играть на гитаре, напоминает мне еще о чем-то, и я смотрю на пальцы левой руки, проверяю, не отросли ли ногти – мне хотелось бы, чтоб мозоли стали больше и тверже. Я не очень хорошо играю на гитаре, но большинство моих постоянных слушателей либо не слишком критичны, либо жалеют меня, а я получаю удовольствие от самого процесса. Правда, чтобы поддерживать нужную форму, требуется все время упражняться и помнить кучу вещей. «Сейчас посмотрим, – думаю я, – как перейти от фа-мажор к соль на седьмой струне».

– Боб, – настойчиво обращается ко мне Зигфрид, – сеанс оказался не очень продуктивным. Осталось десять-пятнадцать минут. Почему бы вам не сказать мне первое, что придет в голову... прямо сейчас?

Первое я отвергаю с порога и говорю второе:

– Первое, что приходит мне в голову, я вспоминаю, как плакала мать, когда погиб отец.

– Не уверен, что это на самом деле было первым, Боб, – с сомнением говорит он. – Позвольте высказать предположение. Первая ваша мысль была о Кларе.

В груди у меня все сжимается, дыхание перехватывает. Неожиданно передо мной возникает образ Клары, какой она была шестнадцать лет назад, и ни на час старше... И тогда я произношу:

– Кстати, Зигфрид, я думаю, что хочу поговорить о своей матери, – произношу я и позволяю себе вежливый примирительный смешок. При этом Зигфрид не вздыхает покорно, он молчит так многозначительно, что создает то же впечатление. – Понимаешь, – начинаю объяснять я, тщательно обходя все не относящееся к этой теме, – она хотела после смерти отца снова выйти замуж. Не сразу, конечно. Не хочу сказать, что она обрадовалась его смерти или что-нибудь такое. Нет, она его любила. Но теперь я понимаю, что она была здоровая молодая женщина – очень молодая. Сейчас подумаем... ей было тридцать три. И если бы не я, она, конечно, вышла бы замуж. Меня до сих пор мучает чувство вины, ведь я не дал ей вторично создать семью. Я пришел к ней и сказал: «Мама, тебе не нужен мужчина. Я буду мужчиной в семье. И я о тебе позабочусь». Но, конечно, это были только слова глупого мальчишки. Мне тогда было пять лет.

481	IRRAY (0) = IRRAY (P)	13,320
	Я думаю, вы обеспокоены.	13,325
482	XTERNAIS; 66AA3 IF; 5B	13,330
	GOTO ** 7Z3	13,335
	XTERNAIS @ 01R IF @ 7	13,340
	GOTO **7Z4	13,345
	Вздор, Зигфрид,	13,350
	ты всегда так говоришь.	13,355
	XTERNAIS c99997AA! IF c8	13,360
	GOTO ** 7Z4 IF? GOTO	13,365
	** 7Z10	13,370
	Я ни о чем	13,375
	не беспокоюсь.	13,380
483	IRRAY. ВЗДОР.. ВСЕГДА.	13,385
	.БЕСПОКОИЛСЯ/ НЕТ.	13,390
484	Почему бы не сказать	13,395
	об этом?	13,400
485	IRRAY (P) = IRRAY(Q)ВВОД	13,405
	УСПОКОИТЕЛЬНОГО ТОНА	13,410
	Нет ничего плохого в том,	13,415
	чтобы сказать,	13,420
	как себя чувствуешь.	13,425
487	IRRAY (Q) = IRRAY(R)GOTO	13,430
	** 1 GOTO ** 2 GOTO	13,435
	** 3	13,440
489	Ты мне надоел,	13,445
	Зигфрид,	13,450
	понимаешь?	13,455
	XTERNALS c1! IF! GOTO	13,460
	**7Z10 IF **7Z10! GOTO	13,465
	** 1 GOTO ** 2 GOTO ** 3	13,470
	IRRAY БОЛЬ	13,475

– Мне кажется, вам было девять, Робби.

– Да? – не очень искренне удивился я. – Сейчас подумаем. Зигфрид, кажется, ты прав... – Я стараюсь проглотить большой комок, образовавшийся в горле, давлюсь и начинаю кашлять.

– Скажите, Робби, – упорно настаивает Зигфрид, – что вы на самом деле хотели сказать?

– Будь ты проклят, Зигфрид!

– Давайте, Робби! Говорите.

– Что говорить? Боже, Зигфрид! Ты меня прижал к стене. Этот вздор никому не приносит пользы.

– Боб, пожалуйста, ответьте, что вас беспокоит?

– Заткни свою грязную жестяную пасть! – взрываюсь я. Вся боль, от которой я так старательно уходил, вырывается наружу, и у меня нет силы с ней справиться.

– Боб, я предлагаю, чтобы вы попытались...

Я бьюсь о ремни, вырываю клочья пены из матраса и истошно реву:

– Заткнись! Я не хочу тебя слушать! Я не могу с этим справиться, неужели не понятно? НЕ могу! НЕ могу справиться!

Зигфрид терпеливо дожидается, пока я не перестану плакать, что происходит совершенно неожиданно. И тут, прежде чем он успевает что-то вымолвить, я устало заявляю:

– Дьявол, Зигфрид, все это ничего не дает. Я думаю, что

нам следует прекратить. Наверно, есть люди, которым твои услуги нужны больше, чем мне.

— Что касается остальных моих клиентов, — отвечает он, — то я с ними встречаюсь в назначенное время. — Я вытираю слезы бумажным полотенцем и ничего не отвечаю. — Думаю, мы еще можем кое-чего достичь, — продолжает он. — Но решать, будем ли мы продолжать сеансы или нет, должны вы.

— Есть в восстановительной комнате что-нибудь выпить? — спрашиваю я его.

— Это совсем не то, о чем вы думаете. Но мне говорили, что на верхнем этаже этого здания очень хороший бар.

— Что ж, — говорю я, — тогда мне непонятно, что я тут делаю.

Пятнадцать минут спустя, подтвердив сеанс на следующую неделю, я пью кофе в восстановительной комнате Зигфрида и прислушиваюсь, не начал ли рыдать его следующий пациент, но ничего не слышу.

Затем я умываюсь, повязываю шарф, приглаживаю вихор на голове и поднимаюсь в бар. Официант давно знает меня и провожает к столику, выходящему на юг, к нижнему краю Пузыря. Он взглядом показывает на высокую медноволосую девушку. Она сидит в одиночестве за столиком, но я отрицательно качаю головой. Выпивая, я восхищаюсь ногами медноволосой девушки и думаю о том, где сегодня поужинать, а потом отправляюсь на урок музыки.

Сколько себя помню, я всегда хотел стать старателем. В шесть лет отец и мать взяли меня на ярмарку в Чейни. Горячие сосиски и воздушная соя, разноцветные шары, наполненные водородом, цирк с собаками и лошадьми, колесо счастья, игры, прогулки. И еще надувная палатка с непрозрачными стенами, вход стоит доллар, и там выставка предметов из туннелей хичи, найденных на Венере. Молитвенные веера и огненные жемчужины, зеркала из настоящего металла хичи, и все это великолепие можно было купить по двадцать пять долларов за штуку. Папа тогда сказал, что они не настоящие, но для меня они были самыми что ни на есть подлинными. Впрочем, мы не могли себе позволить заплатить двадцать пять долларов за такой сувенир. Да если подумать, я и не нуждался в зеркале. Лицо у меня было в веснушках, зубы выступали вперед, а волосы, которые я зачесывал, сзади были перевязаны резинкой.

Тогда только что обнаружили Врата, и я помню, как по пути домой в аэробусе папа говорил об этом. Они думали, что я сплю, но меня разбудила какая-то неизбывная тоска в его голосе. Из их разговора я понял, что если бы не мама и я, он нашел бы возможность отправиться туда. Но такой возможности у него не было.

Год спустя отец погиб, и я унаследовал от него работу, как

только достаточно подрос.

Не знаю, работали ли вы когда-нибудь на пищевых шахтах, но, конечно же, не раз слышали о них. В этой работе нет ничего привлекательного. Уже в двенадцать лет я начал трудиться с половины рабочего дня и соответственно за половинную плату. К шестнадцати у меня был статус отца – сверловщик шпуров: хорошая оплата и трудная работа. Но на самом деле заработок лишь считался хорошим. Для Полной медицины его не хватало. Этих денег недостаточно было даже для ухода из шахты, а потому мои финансовые успехи выглядели значительными лишь там, где я работал. Шесть часов вкалываешь и десять отдыхаешь. Затем восемь часов сна, и ты снова на ногах, а вся одежда насквозь провоняла сланцем. Курить можно было только в специально отведенных помещениях. Всюду на пищевых шахтах господствовал жирный маслянистый туман. А девушки, которые трудились вместе с нами, тоже пропахли и тоже были невероятно измучены работой.

Мы все жили примерно одинаково: много работали, отбивали друг у друга женщин, играли в лотерею и много пили того дешевого крепкого пойла, что делалось в десяти милях от нас. Иногда на бутылке была этикетка шотландского виски, иногда водки или бурбона, но все эти напитки делались из одних и тех же шламовых колонн и разливались в разные бутылки из одной цистерны. Я ничем не отличался от остальных работяг... и только однажды выиграл в лотерею.

Это был мой выездной билет.

Но до этого я просто жил.

Моя мать тоже работала на шахте. После гибели отца во время взрыва в штольне она вырастила меня с помощью шахтных яслей. Мы с ней нормально ладили, пока у меня не произошел первый психотический срыв. Мне тогда было двадцать шесть. У меня начались неприятности с девушкой, а потом я по утрам просто не мог подняться и меня увезли в больницу. Там я провалялся больше года, а когда меня выпустили из бокса, мать уже умерла.

Это моя вина. Нет, я не хочу сказать, что планировал ее смерть. Я имею в виду, что она жила бы, если бы так не тревожилась обо мне. На лечение нас обоих просто не хватало средств. Мне нужна была психотерапия, а ей новое легкое. Она его не получила и умерла.

После смерти матери мне ненавистна стала наша квартира, правда, выбор у меня был небольшой: либо оставаться в ней, либо переселяться в общежитие для холостяков. А мне совсем не нравилась мысль о жизни по соседству с таким количеством самых разных людей. Конечно, я мог жениться, но не сделал этого. Сильвия, девушка, с которой у меня были неприятности, к этому времени бесследно исчезла. Но я вовсе не был против брака. Может, вы решите, что я испытывал трудности из-за своих психиатрических вывихов или из-за того, что так долго жил с матерью? Это не так – мне очень нравились девушки. Я был бы счастлив жениться на

одной из них и растить ребенка.

Но только не в шахтах.

Я не хотел оставлять сыну то, что унаследовал от отца. Сверлить шпуры для зарядов – очень тяжелая работа. Сейчас для этого уже используют паровые факелы с нагревательными спиралями хичи, и сланец вежливо расходится, как парафин. Но тогда мы по старинке сверлили и взрывали. Спускаешься в шахту в скоростной клетке и начинаешь свою смену. Стена шахты, скользкая и вонючая, движется мимо со скоростью шестьдесят километров в час всего в десяти дюймах от твоего плеча. Я видел, как один подвыпивший шахтер протянул руку к стене, и вместо кисти у него остался обрубок.

Спустившись на самое дно шахты, выбираешься из клетки и еще километр или больше скользишь по дощатому настилу к забою. А уж там сверлишь стену, затем устанавливаешь заряды и прячешься в каком-нибудь тупичке. Потом, дожидаясь взрыва, молишь Бога, чтобы все было рассчитано правильно и вся эта вонючая маслянистая масса не обрушилась тебе на голову. Если же ты ошибся и тебя погребло заживо, ты можешь прожить в сланце неделю. Такое бывало. Если человека не успевали извлечь в первые три дня, он больше ни к чему не был пригоден. Потом, когда все прошло благополучно, начинаешь увертываться от погрузчиков по пути к следующему забою.

Говорят, маски задерживают большую часть углеводорода и скальной пыли. Но вонь они точно не задерживают. И,

честно говоря, я не уверен насчет углеводорода. Моя мать не единственная работница шахты, нуждавшаяся в новом легком. И конечно, не единственная, кто не сумел за него заплатить.

А когда смена окончена, куда же тебе деваться? Естественно, отправляешься в бар. Ближе к ночи прихватываешь с собой девушку и ведешь домой. Или играешь в карты, смотришь телевизор.

Выходить из дома приходилось нечасто. Да мы и не очень-то стремились, поскольку мест для прогулок почти не было, если не считать нескольких крошечных парков, на которых постоянно подсаживали растения. Кстати, в Скальном парке есть даже живые изгороди и газон. Бьюсь об заклад, вам не приходилось видеть газон, который каждую неделю моют стиральным порошком, а затем просушивают горячим воздухом, чтобы он не погиб. Парки мы в основном оставляли детям.

Ну а кроме парков, мы имели только поверхность Вайоминга, которая, насколько хватает глаз, выглядит как поверхность Луны. Нигде никакой зелени, ничего живого. Ни птиц, ни белок, ни насекомых. Несколько грязных болотистых ручьев, почему-то ярко-красных и под толстой маслянистой пленкой. Говорят, нам еще повезло: у нас шахты. В Колорадо, где открытые разработки, гораздо хуже.

Мне всегда трудно было в это поверить, да и сейчас нелегко, но я никогда не проверял.

Помимо всех этих прелестей мы имели непроходящую вонь, висящую в воздухе пыль да оранжево-коричневый закат в сизой дымке. Весь день и всю ночь несмолкаемый рев печей, которые беспрестанно перемалывают и пережигают мергель, чтобы извлечь из него кероген, и грохот конвейеров, которые где-то нагромождают отработанный материал.

Видите ли, чтобы получить нефть, приходится нагревать камень. Когда его нагреешь, он расширяется, как воздушная кукуруза. И девать его некуда. Его нельзя затолкать обратно в шахту – слишком много. Когда добываешь гору мергеля и извлекаешь из него нефть, остается два террикона отходов. Так с ним и поступают. Воздвигают все новые и новые горы. А избыточное тепло от экстракторов нагревает теплицы, и на нефти прорастает плесень. Затем ее снимают, просушивают, спрессовывают... и на следующее утро мы едим ее на завтрак.

Забавно. Говорят, в старину нефть просачивалась прямо на поверхность земли. И люди приезжали в автомобилях и поджигали ее.

ДОМ ХИЧИ

Прямо из заброшенных туннелей Венеры!
Редкие культовые предметы
Бесценные жемчуга,

принадлежавшие исчезнувшей цивилизации.
Поразительные научные открытия

**ГАРАНТИРУЕТСЯ ПОДЛИННОСТЬ
КАЖДОГО ПРЕДМЕТА!**

Скидка для учащихся и студентов

**ЭТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ
СТАРШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!**

Впервые по доступным ценам
Взрослые – \$2–50, дети – \$1–00
Дельберт Кайн, доктор философии,
старатель

Зато по телевидению постоянно идут передачи, рассказывающие, как важна наша работа, как весь мир зависит от нашей пищи. Это верно. Нам не нужно об этом напоминать. Если мы перестанем работать, в Техасе начнется голод и заболеют дети в Орегоне. Мы все это знаем и ежедневно добавляем к мировому рациону пять триллионов калорий, половину протеина для примерно одной пятой населения Земли. Это все из дрожжей и бактерий, которые выращиваются на вайомингской сланцевой нефти, а также в Юте и Колорадо. Мир нуждается в этой пище. Но нам это стоило почти всего Вайоминга, половины Аппалачей, большей части смолистых

песков Атабаски... Вот только что станут делать люди, когда последние капли углеводорода превратятся в дрожжи?

Конечно, это не моя проблема, но я о ней часто думаю.

Жизнь моя кардинально переменялась, когда я выиграл в лотерею. Произошло это на следующий день после Рождества. В том знаменательном для меня году мне исполнилось двадцать шесть.

Я выиграл двести пятьдесят тысяч долларов. Этой суммы было достаточно, чтобы по-королевски прожить целый год. У меня появилась возможность жениться и содержать семью, но при условии, если мы оба будем работать и не станем слишком много тратить.

А еще на эти деньги можно было купить билет в один конец до Врат, и, не особо раздумывая, я отнес деньги в туристическое агентство. Там мне страшно обрадовались. Похоже, у них было не слишком много клиентов.

После того как я заплатил за билет, у меня оставалось примерно десять тысяч долларов. Я не считал, сколько именно. На прощание купил выпивку всей своей смене, а это примерно пятьдесят человек. К тому же к бесплатной выпивке присосалось много посторонних, и пирушка продолжалась двадцать четыре часа.

Потом я сквозь вайомингскую пургу добрался снова до агентства. Пять месяцев спустя я уже кружил вокруг астероида, нас вызывал бразильский крейсер. Я был на пути к тому, чтобы стать старателем.

Зигфрид никогда не отказывается от намеченной темы. Он ни разу не позволил себе сказать: «Ну, Боб, я думаю, хватит с нас этого». Но иногда, когда я долго лежу на матрасе, не очень склонный отвечать, шучу или напеваю что-нибудь под нос, он, немного выждав, говорит:

– Я думаю, можно перейти к другим вопросам, Боб. Вы кое-что сказали недавно, пожалуй, это можно обсудить. Вы помните тот последний раз...

– Последний раз, когда я говорил с Кларой, ты это имеешь в виду?

– Да, Боб.

– Зигфрид, я всегда знаю, что ты собираешься сказать.

– Это не важно, Робби. Так о чем это я? Хотите поговорить о том, что вы тогда чувствовали?

– Почему бы и нет? – Я зубами чищу ноготь среднего пальца правой руки. Внимательно осматриваю его и говорю: – Я понимаю, что это был важный момент. Может быть, худший момент в моей жизни. Даже хуже, чем когда Сильвия обманула меня или когда я узнал о смерти матери.

– Может, вы предпочитаете побеседовать об одном из этих случаев, Боб?

– Вовсе нет. Ты сам предложил поговорить о Кларе. Поэтому давай о Кларе.

Я удобно усаживаюсь на пенном матрасе и ненадолго задумываюсь. Меня очень интересуют трансцендентальные проявления моего подсознания. Иногда мне нужно решить какую-нибудь важную коммерческую проблему, тогда я обращаюсь к своей мантре и получаю готовый ответ: например, продать рыбную ферму в Байе и купить на бирже водопровод. В тот раз сделка оказалась очень выгодной.

Или пригласить Рейчел в Мериду кататься на водных лыжах в заливе Кампече. Это впервые привело ее в мою постель, а ведь до этого я испробовал почти все возможные средства.

– Вы не отвечаете, Робби, – прервал мои мысли Зигфрид.

– Я обдумываю твои слова.

322	Не знаю, зачем	17,095
	я к тебе прихожу,	17,100
	Зигфрид.	17,105
323	IRRAY. ПОЧЕМУ?	17,110
324	Напомню вам, Робби,	17,115
	что вы уже	17,120
	использовали	17,125
	три желудка и, дайте	17,130
	вспомнить, почти пять	17,135
	метров кишок.	17,140
325	Язва, рак.	17,145
326	Что-то съедает	17,150
	вас,	17,155
	Боб.	17,160

– Пожалуйста, Робби, не нужно о них думать. Просто говорите. Ответьте, что вы сейчас испытываете к Кларе.

Я стараюсь честно понять это. Зигфрид не даст мне обратиться к помощи технических служб, поэтому я пытаюсь разглядеть в себе подавленные чувства.

– Почти ничего, – говорю я. – Во всяком случае, ничего серьезного.

– А вы помните, что чувствовали тогда, Боб?

– Конечно.

– Попробуйте снова воспроизвести то состояние, Боб.

– Хорошо. – Я послушно мысленно восстанавливаю ситуацию. Я разговариваю с Кларой по радио. Дэйв что-то кричит из шлюпки. Мы все без ума от страха. Внизу под нами расходится голубой туман, и я впервые вижу призрачную тусклую звезду. Трехместник... нет, это был пятиместник... ну, в общем, в нем воняет рвотой и потом. Тело мое болит.

Я все помню, хотя солгал бы, если бы стал утверждать, что способен снова ощутить тот ужас и безысходность.

– Зигфрид, там столько боли, вины, отчаяния, что я просто не могу с этим справиться, – не совсем уместно усмехаясь, отвечаю я.

Иногда я поступаю с ним так, говорю какую-нибудь крайне болезненную истину тоном, каким просят воды или коктейль на праздничной пирушке. Я так делаю, когда хочу предотвратить приступ, хотя не думаю, чтобы это срабатывало. Ведь в Зигфриде масса устройств хичи. Он гораздо совершеннее, чем машины в институте, где меня впервые лечили.

Зигфрид постоянно контролирует все мои физические параметры: проводимость кожи, пульс, бета-активность и все прочее. Он получает данные о натяжении ремней, удерживающих меня на матрасе, – это показывает, насколько яростно я вырываюсь. Он измеряет громкость моего голоса и сканирует все обертоны. И к тому же понимает смысл слов. В об-

щем, Зигфрид исключительно умен, особенно если принять во внимание, насколько он глуп.

Иногда обмануть его очень трудно. К концу сеанса я, как правило, слабею, чувствую, что еще минута, и я снова погружусь в ту ужасную боль, которая уничтожит меня. Или излечит. Хотя, может, это одно и то же.

И вот Врата все больше и больше вырастают в круглых иллюминаторах корабля с Земли. Непонятно, что это – астероид или ядро кометы. Примерно десять километров в диаметре по самой длинной оси. По форме космическое тело напоминает гигантскую грушу. Снаружи комковатый обожженный камень с голубыми проблесками. Внутри – Врата во вселенную.

Шери Лоффат плотно прижалась к моему плечу, остальные будущие старатели теснились за нами, глядя во все глаза в иллюминатор.

– Боже, Боб. Посмотри на эти крейсеры!

– Проверяют всех прилетающих, – пояснил кто-то за нами, – и вылавливают нас из космоса.

– Ничего незаконного у нас не найдут, – проговорила Шери, но фраза ее прозвучала с вопросительной интонацией.

Крейсеры выглядели зловеще, словно хищные птицы, они ревниво кружили вокруг астероида, наблюдая, чтобы никто не украл тайны. Эти тайны стоят больше, что кто-либо в состоянии заплатить.

Мы продолжали тесниться у иллюминаторов, как школьники перед клеткой со львом. Разумеется, это было глупо. Мы могли погибнуть. Конечно, маловероятно, чтобы при маневрах на орбите рядом с Вратами или бразильским крейсе-

ром мы получили бы большую дозу дельта- ν , но достаточно было небольшой коррекции орбиты, чтобы нас разбрызгало. Была и другая возможность поймать крупные неприятности. Поворот корабля всего на четверть окружности, и близкое солнце прямо у нас перед глазами. А на таком расстоянии это слепота. Но мы страстно желали видеть.

Бразильский крейсер не собирался останавливать нас. Мы видели вспышки с обеих сторон: наши документы проверяли при помощи лазеров. Это нормальная процедура. Я сказал, что крейсеры сторожили Врата от воров, но на самом деле они больше следили друг за другом, чем за кем-нибудь еще. Включая нас. Русские не доверяли китайцам, китайцы подозревали русских, бразильцы не верили венерианцам. Все вместе они недоверчиво относились к американцам.

Итак, четыре остальных крейсера внимательно следили за бразильцем, который тщательно проверял нас. Но мы знали, что, если наши кодированные навигационные сертификаты, выданные пятью разными консулатами в порту отправления, не совпадут с образцом, дальше не последует никакого выяснения. Дальше только торпеда.

Забавно. Я мог представить себе эту торпеду. Мог вообразить солдата с холодным взглядом, который нацелит на нас и выпустит снаряд, после чего наш несчастный кораблик расцветет оранжевым огненным цветком, и мы мгновенно превратимся в отдельные атомы, которые вечно будут кружить по орбите. Я уверен, что торпеду на бразильском крейсере

должен был запустить помощник оружейника Френси Эрей-ра. Позже мы с ним стали приятелями. Этого парня не назовешь хладнокровным убийцей. Я целый день плакал у него на руках после своего последнего возвращения – это было в больнице, – предполагалось, что он обыскивает меня в поисках контрабанды. Френси плакал вместе со мной.

Крейсер отодвинулся, нас потянуло в сторону, и мы снова собрались у иллюминатора – наш корабль сближался с Вратами.

– Похоже на оспу, – проговорил кто-то из нашей группы, имея в виду рябую поверхность астероида. Это действительно было так, и некоторые оспины оказались открытыми. На самом деле они являлись местами стоянок кораблей, находящихся в полете. Некоторые подобные стоянки навсегда остаются незанятыми, потому что корабли не возвращаются. Но большинство закрыты шляпками и выглядят как гигантские боровики.

Шляпки – это сами корабли, ради которых и существуют Врата. Но увидеть их нелегко. И сами Врата тоже. Прежде всего у астероида слишком низкая отражательная способность, да он и невелик: как я уже сказал, десять километров по самой большой оси, по экватору вращения. Но на него могли наткнуться наши звездочеты. После того как первая туннельная крыса вывела к нему, астрономы стали задавать себе вопросы, почему они не обнаружили его на столетие раньше. Теперь, зная, куда направлять телескопы, они легко

его находят. Иногда астероид светит ярче звезды семнадцатой величины, если смотреть с Земли. Как все просто. Можно было ожидать, что когда-нибудь его обнаружат при самом обычном составлении звездной карты. Но дело в том, что этот участок звездного неба никогда не картографировался с должной тщательностью. К тому же Врата совсем не то, что искали астрономы.

Звездная астрономия обычно нацелена в сторону от Солнца. Она сосредоточена в плоскости эклиптики, а у астероида орбита под прямым углом к этой плоскости. Поэтому Врата просто проваливались в щели.

Пьезофон захрипел и произнес: «Причаливаем через пять минут. Займите койки. Закрепите ремни».

Мы почти на месте.

Шери Лоффат протянула руку между ремнями и едва коснулась моих пальцев. Я легонько пожал ее руку. Мы ни разу не спали с ней и никогда не встречались, пока она не возникла на соседней койке на корабле. Оказалось, что вибрации, которые испытывало наше суденышко в полете, чрезвычайно способствуют сексуальным играм. Они как будто специально были созданы для занятий сексом самым наилучшим образом. Но сейчас мне было не до любовных развлечений. Мы прибыли на Врата.

Когда земляне начали рыться в поверхности Венеры, они обнаружили подземелья хичи. Никаких хичи они, конечно,

не нашли. Если те и были некогда на Венере, то их там давно не осталось. Не нашли ни одного погребенного тела хичи, которое можно было бы изучать. Были только туннели, пещеры, несколько мелких артефактов – технологические чудеса, которые поразили людей и заставили попытаться их воспроизвести.

Потом была найдена составленная хичи карта Солнечной системы. На ней располагался и Юпитер со спутниками, и Марс, в общем, все внешние планеты. Были там и пара Земля – Луна, и Венера, помеченная черным на сверкающей синей поверхности карты, и Меркурий. Был на карте и еще один объект, единственный, помимо Венеры, обозначенный черным, – тело, орбита которого заходила внутрь орбиты Меркурия и залезала за орбиту Венеры. Но странное тело кружило под углом в девяносто градусов к плоскости эклиптики и никогда не пересекалось с планетами. Тело, не отмеченное земными астрономами. Возникло предположение: это астероид или комета – в данном случае разница только семантическая, – который (или которая) по какой-то причине представлял (представляла) для хичи особый интерес.

Вероятно, рано или поздно, благодаря карте тело увидели бы в телескоп, но в этом не было необходимости. Знаменитый Сильвестр Маклен – впрочем, тогда он еще не был знаменит, всего лишь одна из туннельных крыс Венеры – обнаружил корабль хичи, улетел на Врата и умер там. Но Маклен сумел дать знать об этом людям, искусно взорвав свое судно.

Корабль НАСА, исследовавший хромосферу Солнца, получил другое задание – он добрался до Врат, и они наконец были открыты людьми.

Внутри Врат оказались звезды. Там, если быть несколько менее поэтичным и более точным, находилась примерно тысяча космических кораблей в форме толстых грибов. Они были нескольких разновидностей и разных размеров. Самые маленькие с головкой в виде пуговицы напоминали грибы, какие выращивают в шахтах Вайоминга, когда выбран весь сланец, и которые продают в супермаркетах. Самые большие – заострены, как сморчки. Внутри грибных головок находятся жилые помещения и источник энергии, действия которого до сих пор никто не понимает. Стебли – ракетные шлюпки с химическим горючим, похожие на тот аппарат, который высадился на Луну во времена первой космической программы.

Никто так и не смог установить, что приводит в движение корабли хичи и что их направляет. Это одно из тех неприятных обстоятельств, которые заставляют нас нервничать: именно нам и предстояло испытать то, чего никто не понимает.

Вылетев на корабле хичи, вы буквально ничего не можете контролировать. Курс заложен в систему управления, и никто не знает, как это сделано. Можно выбрать маршрут, но, выбрав, изменить уже нельзя, и вы не ведаете, куда он вас приведет, как не знаете, что в вашем ящике с хлопушками,

пока не откроете его.

Но корабли хичи действовали. Все еще действовали, пролежав, может быть, полмиллиона лет.

Первый парень, который решился испытать такой корабль, преуспел. Корабль послушно поднялся из своего углубления на поверхности астероида, превратился в яркую туманность и исчез. А спустя три месяца вернулся, и в нем находился изголодавшийся, но торжествующий астронавт. Счастливчик побывал у другой звезды! Он облетел большую серую планету с клубящимися желтыми облаками, сумел направить корабль назад и вернулся на то же самое место благодаря запрограммированному указателю курса.

Окрыленные удачей, земляне взяли другой корабль, большой, в форме сморчка. На нем полетел экипаж из четырех человек, который снабдили большим количеством продовольствия и инструментами. Корабль отсутствовал около пятидесяти дней. На этот раз астронавты не только достигли другой солнечной системы, но и использовали шлюпку, чтобы спуститься на поверхность планеты. Жизни там не оказалось... но когда-то она была. Они нашли свидетельства существования здесь цивилизации. Немного. Несколько искореженных кусков металла на горе, избежавшей всеобщего разрушения, которое постигло планету. В радиоактивной пыли обнаружили кирпич, керамический болт, оплавленную штукнину, похожую на хромовую флейту. И после этого началась настоящая погоня за звездами... А мы оказались

участниками этой погони.

Зигфрид фон Психоаналитик – чрезвычайно умная компьютерная программа, но временами мне кажется, что в нем все-таки что-то не так. Он каждый раз просит меня пересказывать ему свои сны. Но иногда, когда я начинаю красочно описывать Зигфриду очередной сон, который должен ему понравиться, сновидение типа «большое красное яблоко для учителя», полный фаллических символов, фетишизма, комплексов вины, Зигфрид меня разочаровывает. Он ухватывается за деталь, которая не имеет к этому никакого отношения. Я рассказываю ему сон, а он сидит, щелкает, жужжит, трещит и делает вид, будто я несущая ахинею. На самом деле, конечно, Зигфрид ничего подобного не делает, просто я это так себе представляю. А после того как я заканчиваю, он заявляет:

Стенограмма вопросов и ответов во время лекции профессора Хеграмета:

В.: Как выглядели хичи?

Профессор Хеграмет: Никто этого не знает. Астронавты не нашли ничего похожего на фотографию, рисунок или хотя бы книгу. Обнаружили лишь две-три

звездные карты.

В.: А не было ли у них какой-нибудь системы накопления знаний, наподобие письменности?

Профессор Хеграмет: Конечно, система сохранения знаний должна была у них быть. Но я не знаю, какова она, хотя у меня есть догадка... Ну, это всего лишь моя личная версия.

В.: Какова же она?

Профессор Хеграмет: Подумайте о наших собственных способах сохранения информации и о том, как они были бы восприняты в дотехнологические времена. Если бы мы дали, допустим, Евклиду книгу, он догадался бы, что это такое, хотя не сумел бы прочитать ее. Но представьте, что было бы, если бы ему вручили магнитофонную ленту? Евклиду и в голову не пришло бы, что он держит в руках какую-то запись. У меня есть подозрение, нет, убеждение, что у нас уже имеются «книги» хичи, только мы не способны их узнать. Это может быть что угодно: брусок металла хичи. Q-спираль на кораблях, назначение которой до сих пор не известно. И кстати, это не новая мысль. Все предметы тщательно исследовались в поисках магнитных кодов, микродорожек, химического рисунка — и ничего не обнаружили. Но, может, у нас просто нет инструмента для прочтения этих записей.

В.: В действиях этих загадочных хичи есть что-то такое, чего я не понимаю. Например, почему они оставили туннели Венеры и прочие места своего пребывания? Куда отправились?

Профессор Хеграмет: Юная леди, меня тоже это выводит из себя.

– Давайте поговорим о другом, Боб. Меня интересует то, что вы сказали об этой женщине, Джель-Кларе Мойнлин.

– Зигфрид, ты снова охотишься за химерами, – возмущаюсь я.

– Я так не думаю, Боб.

– Но мой сон! Разве ты не видишь, как он нагружен символами? Что ты можешь сказать о материнской фигуре в нем?

– Позвольте мне выполнять мою работу, Боб.

– А у меня есть выбор? – угрюмо спрашиваю я.

– У вас всегда есть выбор, Боб, но я хотел бы напомнить ваши же слова, произнесенные совсем недавно. – Он замолкает, и я слышу свой собственный голос, записанный где-то на его лентах. Я говорю: «Зигфрид, там столько боли, вины и отчаяния, что я просто не могу с этим справиться».

Он ждет, чтобы я как-нибудь отреагировал на это, и немного погодя я отвечаю:

– Отличная запись, но я предпочел бы побеседовать о комплексе матери в моих снах.

– Мне кажется более продуктивным исследование другого момента, Боб. Возможно, они связаны.

– Правда? – Теоретически я готов обсудить эту эфемерную связь самым отвлеченным и философским образом, но Зигфрид быстро возвращает меня на землю:

– Ваш последний разговор с Кларой, Боб. Пожалуйста, скажите, что вы чувствуете при воспоминании о нем?

– Я уже излагал тебе все, что чувствую. – Мне это совсем не нравится и кажется пустой тратой времени. Я хочу, чтобы он понял мое отношение к вопросу по несколько раздраженному тону голоса и напряжению удерживающих ремней. – Это даже хуже, чем с матерью, Зигфрид.

– Я знаю, что вы хотели бы поговорить о матери, Боб, но, пожалуйста, сейчас не надо. Лучше расскажите мне о Кларе. Что вы испытываете в данный момент?

Я стараюсь честно понять, чего он хочет. Уж это-то я могу себе позволить. В конце концов я вовсе не обязан говорить ему все. Зато могу сказать то, что считаю нужным.

– Почти ничего, – наконец заявляю я.

Немного погодя, будто собравшись с мыслями, он почти с горечью спрашивает:

– И это все? Не очень много.

– Да, уж сколько есть, – охотно соглашаюсь я и медленно скольжу по поверхности своей памяти. Я прекрасно помню, что чувствовал тогда, но очень осторожно роюсь в воспоминаниях, чтобы посмотреть, где гнездятся эти фантомы, которые не дают мне спокойно жить. Я снова опускаюсь в голубой туман. Будто впервые вижу тусклую звезду-призрак. Говорю с Кларой по радио, а Дэйн что-то торопливо шепчет мне на ухо... Затем, как шкатулку, я захлопываю свою память.

– Больно, Зигфрид, – небрежно говорю я, в который раз

пытаясь обмануть его равнодушным тоном. Я часто прибегаю к этой уловке, но давно убедился, что с ним это не срабатывает. Зигфрид замеряет интенсивность звука, слушает даже дыхание и измеряет паузы. Нет, он определенно неглупая программа, хотя мне от этого не легче.

Пять дюжих сержантов, по одному с каждого крейсера, тщательно обыскали нас, проверили удостоверения и передали мужеподобной чиновнице Корпорации «Врата». Шери смущенно захихикала, когда обыскивавший ее русский коснулся чувствительного места, и шепотом спросила меня:

– Как ты думаешь, Боб, что мы можем протащить сюда контрабандой?

– Тш-ш-ш, – зашипел я на нее. Чиновница приняла наши посадочные карточки у китайского сержанта, исполнявшего обязанности старшего, и стала вызывать нас по именам. Всего нас было восемь человек.

– Добро пожаловать на борт, – поприветствовала она. – Каждому из вас назначен сопровождающий. Он поможет вам поселиться, ответит на вопросы, подскажет, куда обращаться за медицинской помощью и где находятся ваши классы. Со счета каждого из вас вычтены по одиннадцать сотен пятьдесят долларов – это стоимость вашего пребывания на Вратах в течение десяти дней. Остальное вы можете снять в любое время, выписав П-чек. Сопровождающий покажет вам, как это делается. Линскотт! – Темнокожий человек средних лет из Калифорнии поднял руку. – Ваш сопровождающий Шота Тарасвили. Броудхед!

– Я здесь.

– Дэйн Мечников, – сказала чиновница.

Я оглянулся, но Дэйн Мечников уже направлялся ко мне. Он крепко пожал мне руку и сразу повел в сторону.

– Привет! – поздоровался он.

– Я бы хотел попрощаться со своими спутниками, – сказал я ему.

– Вы все будете жить рядом, – ответил он. – Идемте.

И вот через два часа после прибытия на Врата у меня появилась комната, сопровождающий и контракт. Я немедленно подписал соглашение, забыв даже его прочитать.

– Вам неинтересно знать, о чем там говорится? – удивленно спросил Мечников.

– Интересно, потом обязательно прочту, – ответил я. На самом деле мне хотелось сказать: «Какая разница?» Если мне не понравятся условия, я могу изменить свои намерения и вернуться на Землю, но пока об этом говорить было слишком рано. Вообще перспектива стать старателем меня ужасно пугала, я не хотел умирать. Мне ненавистна была даже мысль о смерти, мысль о том, что я перестану существовать, и все прекратится, когда я знаю, что остальные будут продолжать жить, заниматься сексом, радоваться, и все это без меня, я не буду принимать в этом участия. Но все же возвращение на шахту вызывало во мне еще большее отвращение.

Мечников подвесил самого себя за петлю на воротнике на стену, чтобы не болтаться и не мешать мне разбирать вещи.

Это был рослый бледный человек, не очень разговорчивый и непривлекательной наружности, но по крайней мере он не смеялся над моей неумелостью новичка. Ведь на Вратах почти нулевая гравитация. А я раньше никогда не испытывал низкое тяготение – в Вайоминге это невозможно, поэтому я постоянно ошибался. Когда я что-то сказал об этом, Мечников ответил:

– Привыкнете. Нет ли у вас затяжки марихуаны?

– К сожалению, нет.

Он вздохнул, слегка похожий на висящего на стене Будду с поджатыми ногами. Затем мой сопровождающий взглянул на часы и проговорил:

– Чуть позже угощу вас выпивкой. Таков обычай. Но до двадцати двух это не интересно. Вечером «Голубой Ад» будет полон людей, и я вас со всеми познакомлю. Подберете себе подходящую партнершу. Как у вас с сексом, нормально?

– Вполне.

– Ну, вот и хорошо. Тут вы сами по себе. Я вас кое с кем познакомлю, а дальше – ваше дело. Лучше привыкать сразу. Карточку получили?

– Карточку?

– Парень, она в том пакете, что вам дали.

Я начал наобум раскрывать ящики, пока не нашел данный мне конверт. Внутри оказалась копия контракта, буклет, озаглавленный «Добро пожаловать на Врата», ордер на комнату, анкета о состоянии здоровья, которую я должен заполнить

до 8.00 следующего утра... и свернутый листок. Развернув его, я увидел нечто вроде монтажной схемы с надписями.

– Вот она. Можете по схеме определить, где находитесь? Запомните номер своей комнаты: уровень Бейб, квадрат Восток, туннель восемь, комната сорок один. Запишите это.

– Это уже написано, Дэйн, в моем ордере.

– Ну, тогда не теряйте его. – Дэйн протянул руку за шею и отцепился. После этого он медленно опустился на пол. – Осмотритесь немного сами. Я зайду за вами попозже. Хотите о чем-нибудь спросить?

Я задумался. Дэйн нетерпеливо посматривал на меня.

– Ну... не возражаете, если я спрошу о вас, Дэйн? Вы уже были вне пределов Врат?

– Шесть полетов. Ну, пока. Встретимся в двадцать два. – Он распахнул гибкую дверь, выскользнул в зеленые джунгли коридора и исчез.

Я медленно и осторожно опустился на свой единственный стул и постарался осознать, что нахожусь на пороге Вселенной.

* * *

Даже не представляю, как вам объяснить, что такое Вселенная, увиденная с Врат. Ощущение волнующее: все равно что ты молод, и в твоём распоряжении куча денег и Полная медицина. Или как меню в лучшем ресторане мира, ко-

гда кто-то другой оплачивает чек. Как красивая девушка, с которой ты только что встретился и сразу понравился. Как распакованный подарок.

Первое, что поражает вас на Вратах, это теснота туннелей. Они кажутся еще теснее, потому что уставлены ящиками с растениями. Затем головокружение от слишком слабого тяготения и вонь.

Врата начинаешь воспринимать постепенно, по частям. Невозможно все увидеть сразу, в конце концов это всего лишь лабиринт туннелей в скалах. Я не уверен даже, что все эти туннели обследованы. Несомненно, есть целые мили этих извилистых проходов, куда никто никогда не забредал или бывают крайне редко.

Таковыми были хичи. Они отлавливали астероид, покрывали его металлической оболочкой и прорывали туннели. Затем они заполняли их своим имуществом. Правда, ко времени открытия туннели были совершенно пусты, как и все во вселенной, принадлежавшее хичи. А потом, по неизвестной причине, они покидали астероид.

В середине Врат расположен Хичиград. Это довольно большая пещера в форме веретена в геометрическом центре астероида. Говорят, когда хичи строили Врата, они здесь жили. Мы, то есть новички с Земли и других планет, тоже жили там, вернее, рядом. Как раз перед нами пришел корабль с Венеры. Тут Корпорация «Врата» всех нас и разместила. Позже, если разбогатеешь в старательском рейсе, можно пе-

реселиться ближе к поверхности, где чуть больше тяготения и чуть меньше шума.

Несколько тысяч человек в то или иное время уже дышали воздухом, которым приходилось дышать мне, пили воду, которую пил и я, и выпускали свои запахи в атмосферу. Большинство этих людей здесь уже нет. Но запахи остаются.

Но меня не очень беспокоили эти запахи. Меня вообще ничто не беспокоило. Врата – это мой выигрышный лотерейный билет, реальная возможность получить Полную медицину, девятикомнатный особняк, жениться, растить детей и радоваться. Однажды я уже выиграл в лотерею и стал дерзким по отношению к шансам следующего выигрыша.

Все очень возбуждало меня, хотя в то же время казалось убогим и тусклым. Особой роскоши здесь не было. За свои 238 575 долларов ты получаешь билет на Врата, жилье, десятидневное снабжение продовольствием и воздухом, краткий курс управления кораблем и приглашение записаться на следующий стартующий корабль. Или на любой другой корабль, который тебе понравится. Из всего этого Корпорация не извлекает никакой прибыли. Услуги и продукты идут по себестоимости. Это не означает, что все здесь дешево, и тем более не означает, что ты получаешь что-то очень удобное и качественное. Еда, по существу, та же, что я выкапывал и ел всю свою жизнь. Комната – размером с кабину большого грузовика, с одним стулом, множеством ящиков, складным столом и гамаком, который можно по диагонали протянуть

из угла в угол.

Моими соседями оказалась семья с Венеры. Я краем глаза заглянул к ним через открытую дверь. Только представьте себе, они вчетвером спали в таком маленьком помещении! По двое в гамаке, и гамаки были прикреплены друг над другом крест-накрест. По другую сторону – комната Шери. Я постучался в ее дверь, но она не ответила. Комната оказалась незапертой. На Вратах никто не закрывает двери, тут просто нечего красть. Шери в комнате не было. Повсюду была разбросана ее одежда.

Я решил, что она отправилась знакомиться с Вратами, и пожалел, что не заглянул чуть раньше. Мне хотелось побродить не в одиночестве, а с кем-нибудь из своих.

Прислонившись к иве, которая росла в туннеле, я достал свою карту. Она подсказала мне, что и где искать. На ней были места, обозначенные очень странно: «Центральный парк» и «Озеро Верхнее». Что это такое, можно было только догадываться. Я призадумался также над «Музеем Врат», что звучало интересно, и над «Терминальной больницей» – а это выглядело страшно. Несколько позже я узнал, что терминал – это конец рейса, когда возвращаешься из полета. Корпорация должна была понимать, как зловеще это звучит. Но она никогда не щадила чувств старателей.

Но на самом деле я страстно желал увидеть корабль! Осознав эту мысль, я понял, что не желаю ждать, когда мне его покажут. Поразмыслив, как пробраться к поверхности, где

размещаются корабли, я вцепился одной рукой в перила, а другой снова раскрыл карту. Мне не потребовалось много времени, чтобы определить, где я нахожусь. Я стоял на пятилучевом пересечении, которое на карте было обозначено как «Восток Звезда Бейб Ж». Один из пяти туннелей вел к шахте, но я не мог определить, какой именно.

Я наудачу выбрал один из туннелей, зашел в тупик, повернул назад и в поисках кого-нибудь, кто объяснил бы мне дорогу, постучал в первую попавшуюся дверь. Она открылась.

– Простите... – начал я и замолчал. Человек, открывший дверь, казался таким же высоким, как и я, хотя на самом деле таковым не был. Глаза его находились на уровне моих. Но ниже бедер он кончался – ног у человека не было.

Он что-то проговорил, но я не понял, поскольку сказал он не по-английски. Но мое внимание сейчас было привлечено к иному. За спиной калеки виднелась тонкая материя, натянутая на крылья. Он легко помахивал ими, оставаясь висеть в воздухе. При малом тяготении на Вратах это было нетрудно. Но наблюдать – забавно и удивительно.

– Простите, – извинился я, стараясь не смотреть на калеку. – Я только хотел спросить, как пройти на уровень «Таня». – Я пытался отвести взгляд от крыльев и не мог.

Пожилой калека лучезарно улыбнулся и показал свои белые крепкие зубы. У него были темные глаза и черные, коротко подстриженные волосы.

Старик протиснулся мимо меня в коридор и произнес на

превосходном английском:

– Конечно. Первый поворот направо. Идите к следующей звезде, оттуда второй поворот налево. Он будет обозначен, – и калека подбородком указал направление к звезде.

Я поблагодарил его и оставил порхающим в воздухе. Мне очень хотелось оглянуться, но я пересилил в себе это желание.

Все это казалось очень странным. До сих пор мне и в голову не приходило, что на Вратах могут обретаться инвалиды. Каким же наивным я был тогда. Столкнувшись с этим человеком, я увидел Врата такими, какими не знал их по разным руководствам и статистике. Хотя знакомили нас очень наглядно, мы все, будущие старатели, тщательно изучали информацию о Вратах. Например, мы знали, что около восьмидесяти процентов кораблей возвращаются без результатов. Где-то пятнадцать процентов вообще не возвращаются. Таким образом, в среднем один из двадцати старателей привозит из полета что-то такое, что Корпорация «Врата» – а следовательно, и все человечество – сможет использовать. Большинство же искателей сокровищ хичи будут счастливы, если просто вернут стоимость прилета сюда. Ну а если в полете вы заболите или будете ранены... дело дрянь. Терминальная больница хорошо оборудована, но до нее еще нужно добраться. А до возвращения могут пройти месяцы. Если вас ранит на противоположном конце пути – а так обычно и бывает, – мало что можно будет сделать для вас, пока вы не вер-

нетесь на Врата. Но к тому времени уже трудно бывает собрать вас целиком, а иногда и вообще сохранить вам жизнь.

Кстати, за обратный путь плату не берут. Корабли почти всегда возвращаются с меньшим экипажем, чем вылетают. Это называется естественная утечка.

Возврат бесплатный... только для кого?

Я спустился на уровень «Таня», свернул в туннель и столкнулся с человеком в фуражке и с повязкой на руке. Это был сотрудник полиции Корпорации. Он не говорил по-английски, но выглядел достаточно внушительно. Полицейский показал вверх. Я поднялся на один уровень, подошел к другой шахте лифта и снова попытался пробраться к кораблям.

– Тут пройти нельзя, – на этот раз по-английски сказал полицейский.

– Я просто хотел посмотреть корабли.

– Я понимаю, но все равно нельзя. Вначале нужно заработать голубой значок. – Он показал свой. – Его получают специалисты Корпорации, экипажи кораблей или важные персоны.

– Я из экипажа.

Он улыбнулся.

– Вы новичок с земного корабля, верно? Друг, членом экипажа ты станешь, когда подпишешься на полет, не раньше. Возвращайся назад.

– Вы ведь понимаете, что я чувствую, – попробовал убедить его я. – Просто хочу взглянуть.

– Нельзя, пока не окончишь курс. Но в процессе обучения вас приведут сюда. А после ты увидишь больше, чем захочешь.

Я еще немного поспорил, но на его стороне было слишком много аргументов. Однако когда я шел к лифту, пол подомной мощно вздрогнул и по ушам ударила звуковая волна. Мне показалось, что астероид вот-вот взорвется. Я посмотрел на полицейского, и тот равнодушно пожал плечами.

– Я сказал, что их нельзя видеть, – пояснил он. – Но слышать можно.

Я подавил в себе восклицания вроде «Ух ты!» и «Боже!», рвавшиеся из меня, и поинтересовался:

– А куда этот направился?

– Приходи через шесть месяцев. Может, тогда узнаем.

Радоваться мне было нечему. Тем не менее я испытывал необыкновенное возбуждение. После многих лет изнурительной однообразной работы на пищевых шахтах я оказался здесь. И не только на Вратах, но и рядом с легендарными, неустрашимыми старателями, которые только что отправились в путь за счастьем и несметными сокровищами. Сейчас мне наплевать было на риск. Именно это казалось мне настоящей жизнью. Поэтому я не очень думал, куда иду, и в результате снова заблудился. Но через десять минут все-таки добрался до уровня «Бейб».

По туннелю от моей комнаты шел Дэйн Мечников. Кажется, он меня не узнает. Вероятно, мой провожатый прошел бы мимо, если бы я не остановил его за руку.

– А-а-а, – протянул он. – Опаздываете.

– Я был на уровне «Таня», пытался посмотреть на корабли.

– Без синего значка или браслета нельзя.

Ну, это я уже знал и без него. Я поплелся за ним, не тратя энергию на разговор.

Лицо Мечникова поражало нездоровой бледностью, а вдоль линии челюсти росли изысканные курчавые бакенбарды. Вблизи казалось, они навощены, каждый волосок торчал отдельно. Хотя «навощены» не совсем подходящее слово. Но что-то в этих бакенбардах все-таки было странное. Они были словно приклеены, а когда Мечников говорил или улыбался, по бакенбардам проходила волна.

Попав в «Голубой Ад», мой сопровождающий наконец заулыбался. Он угостил меня выпивкой, еще раз напомнив, что такова традиция, но при этом добавил, что обычай требует только одной порции. Я купил вторую, и Мечников окончательно растаял. Когда же я, вопреки очереди, заказал и третью, мой сопровождающий проникся ко мне любовью.

В «Голубом Аду» было чрезвычайно шумно, поэтому все время надо было напрягать голосовые связки. И все же я рассказал, что слышал, как от Врат отошел корабль.

– «Вернор», – со знанием дела пояснил он и поднял ста-

кан. – Пусть у них будет хороший полет.

У Мечникова на руке было шесть браслетов из голубого металла хичи, каждый не толще проволоки. Они слабо позвякивали друг о друга и таинственно отсвечивали.

– Это они? – показал я. – По одному за каждый полет?

Мечников неторопливо отпил половину своей порции и ответил:

– Верно. А теперь я пойду танцевать.

Я наблюдал, как он направился к женщине в просторном розовом сари, и думал, что мне попался не очень разговорчивый сопровождающий. С другой стороны, при таком шуме задушевная беседа была просто невозможна. Да и танцевать можно было только молча.

«Голубой Ад» располагался в самом центре Врат в веретенообразной пещере. Центробежная сила тут была совсем маленькая, и человек весил не больше двух-трех фунтов. Начиная танцевать вальс или польку и вдруг обнаруживаешь, что летишь.

Поэтому в основном здесь предпочитали танцы, созданные для четырнадцатилетних юнцов, когда совсем не касаешься партнера. При этом танцор изо всех сил старается удержать ноги на месте, зато остальные части тела делают что хотят.

Честно говоря, мне нравилось подергаться в воздухе. Впрочем, потанцевать я любил и на Земле.

Я заметил Шери с какой-то женщиной, которая выглядела

немного постарше ее. По-видимому, это была ее сопровождающая. Я пригласил Шери на танец.

– Как тебе тут, нравится? – заорал я. Она кивнула и что-то крикнула в ответ, но что именно, я не расслышал.

Затем я танцевал с рослой темнокожей женщиной с двумя голубыми браслетами. Потом снова с Шери, потом с девушкой, которую подвел ко мне Дэйн Мечников – по-видимому, он хотел от нее избавиться. Потом с высокой девушкой со строгим лицом и такими черными густыми бровями, каких мне никогда не приходилось видеть под женской прической. Волосы она убрала в два толстых конских хвоста, и они плавали за ней, когда она двигалась. У этой девушки также было несколько браслетов. А между танцами я пил.

Столы в «Голубом Аду» были рассчитаны на группы по восемь-десять человек, но никто не рассаживался такими большими компаниями. Все сидели, где хотели, занимали места друг друга, не беспокоясь о возвращении хозяина. Вскоре за одним столом со мной расположились несколько человек в белых бразильских мундирах, но разговаривали они на португальском.

На какое-то время ко мне за столик подсел человек с одной золотой серьгой в ухе, но я не понял, что он говорит, зато довольно быстро догадался, чего он хочет. Как я потом понял, это одна из основных сложностей жизни на Вратах. И так было всегда. В этом смысле Врата похожи на большой международный съезд, на котором испортилось все оборудо-

вание для перевода. Там постоянно можно услышать нечто вроде лингва франко – смесь десятка языков типа: «Ecoulez, gospodin, tu es verruckt»¹. Я дважды танцевал с одной бразильянской, худой маленькой девушкой с орлиным носом и красивыми карими глазами, и пытался обменяться с ней несколькими простыми словами. Возможно, она и поняла меня.

Один из бывших с ней посетителей хорошо говорил по-английски, он назвал свое имя и представил всех остальных. Ни одного из имен я не запомнил, кроме его. Этого человека звали Франсиско Эрейра. Он угостил меня выпивкой, позволил угостить всех остальных, и тут я сообразил, что видел его раньше – он был в наряде, который обыскивал нас по прибытии.

Пока мы разговаривали об этом с Эрейрой, Дэйн подошел ко мне и сказал:

– Я собираюсь сходить поиграть. Если не хочешь идти со мной, счастливо оставаться.

Не самое теплое приглашение, какое я слышал за свою жизнь, и все же я его принял – в «Голубом Аду» становилось все более шумно. Я потащился за Мечниковым и совсем рядом с питейным заведением обнаружил первоклассное казино, со столами для блэкджека, покера, медленно движущейся рулеткой, костями и с отгороженным веревкой участком

¹ «Послушай, господин, ты с ума сошел» – смесь французского, русского, латинского и немецкого. – *Примеч. пер.*

для баккара.

Мечников сразу направился к столам для блэкджека. Он остановился и забарабанил пальцами по спинке стула, ожидая, пока освободится место. Примерно в это время он заметил, что я увязался за ним.

– О! – одобрительно воскликнул мой сопровождающий и осмотрелся. – Во что хотите поиграть?

– Во все это я играю, – хвастливо ответил я, для солидности слегка глотая окончания слов. – Может, немного в баккара?

Мечников впервые с уважением посмотрел на меня, но затем на губах у него заиграла насмешливая улыбка.

– Минимальная ставка – пятьдесят, – сообщил он.

На моем счету оставалось еще шесть тысяч долларов, и я пожал плечами.

– Пятьдесят тысяч, – пояснил мой сопровождающий, и у меня перехватило дыхание. А Мечников с отсутствующим видом занял место позади игрока, у которого заканчивался запас фишек. – Можете поиграть в рулетку за десять долларов. Но большинство начинают со ста. А вон где-то там, мне кажется, есть десятидолларовый автомат. – Тут он нырнул на освободившееся место, и больше я его не видел.

Я осмотрелся и увидел, что чернобровая девушка сидит за тем же столом и внимательно изучает свои карты. На меня она не смотрела. И тут до меня дошло, что я не могу себе позволить играть здесь. Я также понял, что, в сущности, не

могу себе позволить и еще хотя бы одну выпивку. Мой вестибулярный аппарат уже подсказывал мне, что я довольно сильно надрался. И еще я понял, что мне нужно как можно скорее добраться до своей комнаты.

Меморандум о соглашении

1. Я, _____, будучи в здравом уме и твердой памяти, настоящим передаю все права на любые открытия, артефакты, объекты, любые ценности, которые смогу обнаружить в результате своих исследований, ставших возможными только в результате информации, предоставленной мне Советом Врат, а также опыта, полученного благодаря Совету Врат, вышеуказанному Совету.

2. Совет Врат обладает полным правом продавать, отдавать в аренду или распоряжаться любым другим образом всеми артефактами, объектами, ценными предметами, обнаруженными в результате моей деятельности, в соответствии с настоящим контрактом. Совет Врат согласен предоставить мне 50 % (пятьдесят процентов) от доходов, полученных в результате такой продажи, отдачи в аренду или любой другой финансовой операции, связанной с находками, включая стоимость исследовательского полета, а также стоимость моего прилета на Врата и плату за проживание на них, и 10 % (десять

процентов) от последующих доходов. Я согласен, что этим ограничиваются все обязательства Совета относительно меня, и ни по каким причинам ни в какое время обязуюсь не требовать никакой дополнительной оплаты.

3. Я безвозвратно передаю Совету Врат право принимать решения любого типа относительно эксплуатации, продажи, отдачи в аренду любых открытий, включая право объединять мои открытия с другими открытиями с целью эксплуатации, аренды или продажи. В этом случае Совет Врат сам устанавливает мою долю прибыли при таком объединении. Я предоставляю Совету Врат также право воздерживаться от эксплуатации моих открытий и находок по своему решению.

4. Я отказываюсь от любых претензий к Совету Врат в случае возможного ранения, аварии и иных происшествий, возникших в результате моей исследовательской деятельности.

5. Если возникнут какие-либо разногласия, связанные с настоящим соглашением, я признаю, что спор должен быть разрешен исключительно в соответствии с законами и прецедентами самих Врат, и никакие другие законы и прецеденты не будут иметь отношения к данному случаю.

Добро пожаловать на Врата!

Поздравляем!

Вы один из немногих счастливицов, кому в этом году удалось стать партнером «Врата Энтерпрайзис, Инк.». Первая ваша обязанность – подписать меморандум о соглашении. Вы имеете право не делать этого немедленно. Можете изучить меморандум и посоветоваться с юристами, если считаете нужным.

Однако, пока не подпишете меморандум, вы не имеете права занимать помещения Корпорации, питаться в столовых Корпорации или учиться на курсах, организованных Корпорацией.

Для посетителей или тех, кто не пожелал сразу подписывать меморандум, имеется отель «Врата» и ресторан. Но помните, что Врата стоят недешево.

С целью покрыть расходы на содержание Врат все проживающие здесь должны оплачивать ежедневный расход воздуха на человека, температурный контроль, управление и другие службы.

Если вы гость, стоимость всех услуг включена в счет отеля. О расчете за остальные услуги даются специальные указания. При желании можно оплатить стоимость проживания за год вперед. Отказ от ежедневной платы за проживание вызовет немедленное удаление с Врат.

Примечание: В последнем случае наличие корабля не гарантируется.

Что такое Врата?

Врата – это артефакт, созданный так называемыми хичи. Он создан на астероиде или на ядре кометы. Время его создания неизвестно, но оно, несомненно, предшествует человеческой цивилизации.

Внутри Врат среда напоминает земную, только здесь относительно малое тяготение. На самом деле тяготения вообще нет, но центробежная сила, возникающая при вращении Врат, создает аналогичный эффект. Если вы с Земли, первые несколько дней будете испытывать некоторые трудности при дыхании из-за низкого атмосферного давления. Однако парциальное давление кислорода аналогично давлению на высоте в две тысячи метров на Земле и вполне достаточно для сохранения здоровья.

Сильвестр Маклен – отец Врат

Врата были открыты Сильвестром Макленом, исследователем туннелей на Венере, который при раскопках обнаружил пригодный к действию корабль хичи. Он сумел войти в этот корабль и прилетел на Врата – сейчас этот корабль находится в доке 5–33. К несчастью, Маклен не сумел вернуться из очередного рейса, и хотя ему удалось дать о себе знать, взорвав топливный бак посадочного аппарата, ко времени прилета исследователей он был мертв.

Маклен был смелым и изобретательным человеком, и табличка на доке 5–33 является данью памяти его уникальным заслугам перед человечеством. Представители различных религий в соответствующее время совершают службы, во время которых Сильвестр Маклен поминается как первый человек Врат.

Я лежу на матрасе, и мне не очень удобно. Я имею в виду физически. Недавно мне сделали операцию, и, вероятно, швы еще как следует не зажили.

– Мы говорим о вашей работе, Боб, – прервал мои мрачные мысли Зигфрид фон Психоаналитик. Скучная тема, но вполне безопасная для моих уставших мозгов.

– Мне ненавистна была моя работа, – лениво ответил я. – Да я и не встречал такого человека, которому нравилось бы горбатиться в пищевых шахтах.

– Но вы продолжали работать, Боб. Вы же не пытались перейти куда-то еще. А вполне могли бы трудиться, например, на морских фермах. Кстати, вы не окончили школу.

– Хочешь сказать, что я застрял в черной дыре?

– Я ничего не хочу сказать, Боб. Я спрашиваю, что вы об этом думаете? – продолжал меня пытаться Зигфрид.

– Ну, наверно, ты прав. Я думал о переменах. Много думал, – говорю я, вспоминая, как это было в самом начале с Сильвией. Я помню, как мы с ней сидели январским вечером в кокпите планера – нам просто некуда больше было деться – и говорили о будущем. Что мы будем делать. Как победим обстоятельства. Но, насколько я могу судить, в этом нет ничего интересного для Зигфрида. Я уже все рассказал Зигфриду о Сильвии, которая в конечном счете вышла замуж за

акционера. Правда, мы расстались задолго до этого. – Вероятно, – задумчиво произношу я, пытаясь получить от сеанса хоть какую-нибудь пользу за свои деньги, – у меня что-то вроде стремления к смерти.

– Я бы предпочел, чтобы вы не использовали психоаналитические термины, Боб.

– Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Я знал, что время проходит стремительно и безвозвратно. И чем дольше я остаюсь в шахтах, тем труднее оттуда выбраться. Но все остальное выглядело не лучше. Хотя и в этой фатальной беспроглядности были свои светлые моменты. Моя девушка Сильвия, например. Моя мать, пока она была жива. Было даже иногда забавно, и я чувствовал себя почти счастливым. Помню полеты на планерах над холмами. Прекрасно, с высоты даже Вайоминг выглядит не так уж плохо, а запах нефти почти не чувствуется.

– Вы упомянули свою подругу Сильвию. Вы с ней ладили?

Вопрос застал меня врасплох, и, потирая живот, я задумался. У меня в животе почти полметра новых внутренностей. Стоят такие штуки ужасно дорого, и иногда мне кажется, что прежний владелец требует их обратно. Интересно, кем он был? А может, это была она? Как умер или умерла? И умер ли? Может, донор до сих пор жив. Я слышал, что бедняки нередко продают части своего тела. Хорошенькая девушка, например, может продать грудь или ухо.

– Вы легко сближаетесь с девушками, Боб? – не дождав-

шись ответа, поинтересовался Зигфрид.

– Теперь да.

– Я имею в виду не теперь, Боб, а вообще. Мне кажется, вы говорили, что в детстве легко сходились со сверстниками.

– Разве так бывает?

– Если я правильно понял ваш вопрос, Робби, вы спрашиваете, вспоминает ли кто-нибудь детство как абсолютно счастливое время. Конечно, ответ – нет. Но у некоторых людей впечатления детства отражаются на жизни сильнее, чем у остальных.

– Да. Оглядываясь назад, я думаю, что немного боялся своей возрастной группы, Зигфрид. Я имел в виду других детей. Хотя у меня было очень много знакомых. У детей всегда есть что сказать друг другу. Тайны, игры, общие дела, какие-то интересы. Но я был одиноким ребенком.

– Вы были единственным ребенком, Робби?

– Ты это и так знаешь. Да, единственным. Может, в этом все и дело. Мои родители работали и не хотели, чтобы я играл возле шахт. Это было опасно. Там действительно детям нечего делать. Можно было пораниться у машин. Иногда отходы обваливались и вполне могли завалить насмерть. Случались и выбросы газа. Я оставался дома, смотрел телевизор, слушал кассеты. Ел. Я был толстым ребенком, Зигфрид. Любил все калорийное, с крахмалом и сахаром. Меня баловали, покупали больше еды, чем мне было нужно.

Честно говоря, мне и сейчас нравится ощущать себя изба-

лованным. Теперь у меня диета высшего класса – не по питательности, конечно, просто в тысячу раз дороже. Я часто ем настоящую икру. Мне ее привозят из аквариума в Галвестоне. У меня настоящее шампанское и сливочное масло...

– Я помню, как лежал в кровати, – продолжал исповедоваться я. – Кажется, мне было года три, не больше. У меня тогда был говорящий медведь. Я взял его с собой в постель, и он рассказывал мне сказки, а я совал ему в уши карандаш. Я его любил, Зигфрид.

Я замолк, и Зигфрид тут же ухватился за приманку:

– Почему вы плачете, Робби?

– Не знаю! – закричал я. Слезы текли у меня по щекам, я посмотрел на часы и увидел, как сквозь влагу дрожат зеленые цифры. – Ох! – обычным тоном проговорил я и сел на кушетке. Слезы по-прежнему текли по лицу, но фонтан уже иссяк. – Мне пора, Зигфрид. У меня свидание. Ее зовут Таня. Красивая девушка. Хьюстонский симфонический. Она любит Мендельсона и розы, и я хочу подобрать несколько этих темно-синих гибридов, которые подойдут к ее глазам.

– Боб, у нас осталось почти десять минут.

– В другой раз поговорим подольше. – Я знаю, что он этого не может сделать, и торопливо добавляю: – Можно мне воспользоваться твоей ванной? Мне очень нужно.

– Вы хотите заглушить свои чувства, облегчив желудок, Боб?

– О, не будь так сообразителен. Я знаю, что говорю. Я

понимаю, это напоминает типичный заместительный механизм...

– Боб.

– ...ну ладно, позже, а пока я сбегая. Мне, честное слово, нужно идти. В ванную, я хочу сказать. И в цветочный магазин. Таня особенная девушка. Красивая. Я не о сексе говорю, хотя это тоже здорово. Она может с... она может...

– Боб, что вы пытаетесь объяснить?

Я перевожу дыхание и умудряюсь выговорить:

– У нее прекрасно получается оральный секс.

– Боб?

Я узнаю этот тон. У Зигфрида большой набор интонаций, и с некоторыми я уже знаком. Он считает, что напал на какой-то след.

– Что? – как можно равнодушнее спрашиваю я.

507	IRRAY ЗРЕЛОСТЬ GOTO	26,830
	*M88	26,835
508	Может быть, именно	26,840
	вы хотите,	26,845
	а вам вместо этого	26,850
	кто-то говорит,	26,855
	чего вы хотите.	26,860
511	XTERNALS а IF а GOTO..	26,865
512	Может быть, Зигфрид,	26,870
	старый жестяной божок,	26,875
	но я чувствую, что	26,880
	зрелость — это смерть.	26,885

– Боб, как вы это называете между собой, когда женщина занимается с вами оральным сексом?

– Боже, Зигфрид, что за глупость?

– Как вы называете, Боб?

– Ты сам знаешь.

– Как называете, Боб? – продолжает настаивать Зигфрид.

– Ну, говорят, например, «она меня ест».

– А другие выражения, Боб?

– Да их множество! «Давать головку», например. Я думаю, что за свою жизнь слышал тысячу названий.

– А какие еще, Боб?

Все это время я настраивал себя на гнев и боль, и они

неожиданно прорвались:

– Не играй со мной в эти проклятые игры, Зигфрид! – истошно заорал я и почувствовал, как у меня переворачиваются внутренности. Я даже испугался, что испачкаю брюки, будто снова стал маленьким мальчиком. – Боже, Зигфрид! Ребенком я разговаривал со своим медведем. Теперь мне сорок пять лет, но я по-прежнему делюсь своими мыслями с глупой машиной, будто она живая!

– Но ведь есть и другие названия, правда, Боб?

– Их тысячи! Какое тебе нужно?

– Я хочу, чтобы вы использовали выражение, которое хотели произнести и не смогли. Боб, пожалуйста, скажите его. Это выражение имеет для вас особый смысл, поэтому вы и не можете просто так выговорить его.

Я съеживаюсь на матрасе и плачу, но на этот раз по-настоящему.

– Пожалуйста, скажите, Боб. Что это за слово?

– Будь ты проклят, Зигфрид! – вырывается у меня. – Спуститься! Вот оно. Спуститься, спуститься, спуститься!

– Доброе утро, – произносит кто-то в самой середине сна, в котором я застрял в зыбучих песках в центре туманности Ориона. – Я принес вам чаю.

Я открываю один глаз. Смотрю через край гамака в пару угольно-черных глаз на песочного цвета лице. Я лежу одетый, меня мучает дикое похмелье. Я заметил, что рядом что-то очень плохо пахнет, и вскоре начинаю сознавать, что это я сам.

– Меня зовут Шикетей Бакин, – говорит человек, принесший мне чай. – Пожалуйста, выпейте этот чай. Это вам поможет.

Я смотрю немного ниже и вижу, что он кончается у талии. Оказалось, это тот самый безногий с крыльями, которого я видел накануне.

– Ух, – тяжело вздыхаю я, стараясь изо всех сил подняться, и умудряюсь ответить: – Доброе утро.

Туманность Ориона быстро тускнеет, и с ней исчезает ощущение, что меня протаскивают сквозь быстро каменеющее газовое облако. Но плохой запах остается. Даже по стандартам Врат в комнате очень плохо пахнет, и я понимаю, что меня вырвало на пол. Кроме того, меня не оставляет ощущение, что вот-вот начнется новый приступ рвоты.

Бакин, искусно помахивая крыльями, умудряется подне-

сти к моему рту закрытый сосуд с чаем. Потом он поднимается вверх, садится на мой шкаф и говорит:

– У вас сегодня, кажется, медицинский осмотр в восемь ноль-ноль.

– Правда?

Я с трудом беру чашку трясущимися руками и делаю пробный маленький глоток. Чай очень горячий, несладкий и почти безвкусный, но он, кажется, помогает мне справиться со своими внутренностями. Рвота отступает.

– Да. Я так думаю. Так обычно бывает. Вдобавок ваш пфон уже звонил несколько раз.

Я снова произношу: «Ух».

– Вероятно, ваш сопровождающий звонит, чтобы напомнить вам. Теперь семь пятнадцать, мистер...

– Броудхед, – хрипло отвечаю я и потом более разборчиво произношу: – Меня зовут Боб Броудхед.

– Отлично. Я взял на себя смелость проверить, проснулись ли вы. Пожалуйста, пейте чай, мистер Броудхед. Наслаждайтесь пребыванием на Вратах. – Он кивнул, повалился вперед, словно ангел допорхал до двери и исчез.

При каждом изменении положения в голове у меня начинала стучать кровь. Наконец я выбрался из гамака, стараясь не ступать на отвратительные пятна рвоты на полу, и кое-как умылся. Я подумал о бритье, но у меня уже была двенадцатидневная щетина, и я решил пока не бриться. С такой порослью я больше не выглядел небритым, к тому же у меня

совершенно не было сил.

С опозданием в пять минут я добрался до медицинского смотрового кабинета. Остальные вновь прибывшие из моей группы были уже здесь, и мне пришлось ждать и проходить осмотр последним.

У меня взяли три порции крови: из пальца, из вены на руке и из мочки уха. Я был на сто процентов уверен, что с кровью у меня все в порядке. Впрочем, меня это не очень и волновало. Медицинский осмотр считался простой формальностью. Если вы пережили полет в космическом корабле к Вратам, то выжить в корабле хичи для вас не составит труда. Если только что-нибудь не произойдет. В этом случае вы, вероятно, не выживете вообще, каким бы здоровым ни оказались.

У меня нашлось время выпить чашку кофе с тележки, которую кто-то услужливо подвез к столу. До сих пор я никогда не слышал о частном предпринимательстве на Вратах, и это меня порядком удивило.

Я вовремя пришел в аудиторию на первое занятие. Мы встретились в большой комнате на уровне «Собака». Комната была узкой, с низким потолком. Сиденья располагались по два вдоль всего прохода. Аудитория походила на преобразованный в класс пассажирский автобус.

Шери пришла несколько позже, свежая и веселая, и села рядом со мной. Вся наша группа уже разместилась вдоль

стен, все семеро прилетевших с Земли, а также семья с Вены и несколько других новичков.

– Ты плохо выглядишь, – прошептала Шери, когда инструктор занялся бумагами на своем столе.

– Что, так заметно похмелье?

– На самом деле нет. Но, вероятно, оно сказывается на выражении твоего лица. Я слышала, как ты пришел вчера вечером. Вообще-то, – задумчиво добавила она, – весь туннель это слышал.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами. Запах рвоты я по-прежнему ощущал, но, очевидно, большая его часть все еще таилась внутри. Правда, при этом никто не сторонился меня, даже Шери.

Инструктор поднялся со своего места и некоторое время задумчиво нас разглядывал.

– Ну ладно, – наконец проговорил он, снова посмотрел на бумаги и покачал головой. – Я веду курс управления кораблями хичи.

Я заметил у него на запястье целую связку браслетов. Сколько, сосчитать не смог, но там было не меньше полудюжины. Затем я мимолетно подумал об этих людях, которые столько раз вылетали и все еще не разбогатели.

– Это один из трех курсов, которые вы прослушаете, – продолжил инструктор. – Второй – как выживать в незнакомой среде. Третий – как распознавать, что из находок имеет какую-то ценность, а что нет. Но мой курс по управлению

кораблем, и мы начнем с управления. А сейчас все пойдут со мной.

Мы послушно поднялись и потащились за инструктором. Выбравшись из класса, мы спустились по туннелю, вошли в шахту, миновали охранника – может, того самого, что прогнал меня накануне. На этот раз он только кивнул инструктору и равнодушно пронаблюдал, как мы проходим.

Затем мы оказались в длинном широком туннеле с низким потолком. Из пола туннеля торчало с десятков металлических прямоугольных цилиндров. Они походили на обгоревшие древесные стволы, и прошло несколько мгновений, прежде чем я догадался, что это такое.

Я судорожно сглотнул.

– Это корабли, – прошептал я Шери громче, чем собирался.

Несколько человек с любопытством оглянулись на меня. Среди них, как я заметил, была девушка, с которой вечером я танцевал, та самая, с черными бровями. Она приветливо кивнула мне и улыбнулась. Я увидел у нее на руке браслеты и удивился. Мне непонятно было, что она тут делает, тем более ей так везло за игорным столом.

Инструктор собрал нас вокруг себя и проговорил:

– Как только что кто-то сказал, это корабли хичи. Приземляющаяся часть. То есть шлюпки. В подобном суденышке вы высаживаетесь на планету, если, конечно, вам повезет и вы откроете планету. Шлюпки не очень велики, но в каж-

дом таком мусорном баке помещается пять человек. Конечно, не очень удобно, но поместиться можно. Вообще-то один человек всегда остается в главном корабле, так что в шлюпке бывает не больше четверых.

Он подвел нас к ближайшему кораблю, и все удовлетворили потребность коснуться его, царапнуть ногтем или хлопнуть ладонью. Потом он начал лекцию:

– Когда Врата открыли, на них находилось девятьсот двадцать четыре корабля. Около двухсот оказались недействующими. Как правило, мы не знаем почему – они просто не работают. Триста четыре корабля побывали в полетах хотя бы по одному разу. Тридцать три из них теперь здесь и готовы к очередному рейсу. Остальные еще не испытаны. – Он взобрался на приземистый цилиндр, сел и продолжил: – Прежде всего вы должны для себя решить, полетите ли вы в одном из этих тридцати трех кораблей или в таком, который еще не был испытан. Людями, я имею в виду. Вам нужно сделать выбор. Свои преимущества есть у каждого решения. Многие впервые испытываемые корабли не возвращаются назад, так что тут есть риск. Ну, это понятно, верно? Никто ведь не обслуживал эти корабли бог знает сколько лет, с тех пор как хичи оставили их здесь. С другой стороны, риск связан и с теми кораблями, которые уже побывали в полете и благополучно возвратились. Мы считаем, что некоторые корабли не вернулись только потому, что у них кончилось горючее. Беда в том, что мы не знаем, каково это горючее, сколь-

ко его и как определить, когда оно кончается. — Он похлопал рукой по металлическому пню. — Этот и все остальные корабли рассчитаны на экипаж из пяти хичи. Насколько мы можем судить, конечно. Но мы их посылаем с экипажем из трех человек. Похоже, хичи были терпимее друг к другу в тесном замкнутом пространстве, чем люди. Есть корабли побольше, есть поменьше этого, но в последнее время процент невернувшихся среди них очень высок. Наверно, просто полуса неудач, но... Во всяком случае, лично я отправился бы в трехместном. А вы решайте сами. Теперь вам предстоит выбрать, с кем именно вы полетите. Держите глаза раскрытыми. Ищите товарищей... Что?

Шери энергично размахивала рукой, пытаясь привлечь внимание инструктора.

— Вы сказали, что очень высок процент невернувшихся. А сколько именно не возвращаются?

— В последнее время возвращаются только три из десяти пятиместных, — терпеливо ответил инструктор. — Это самые большие корабли. На некоторых из вернувшихся экипаж оказался мертвым.

— Да, — ошарашенно проговорила Шери, — действительно очень высок.

— Но все же дела с пятиместными обстоят не так уж и безнадежно, если сравнить их с одноместными кораблями. За две орбиты вернулись только два одноместных. Вот это действительно плохо.

– А почему так происходит? – поинтересовался отец семейства туннельных крыс, фамилия которого была Форхенд.

Инструктор некоторое время с сожалением разглядывал его и потом ответил:

– Если вам удастся разгадать эту тайну, обязательно поделитесь вашим открытием с другими. А пока продолжим. Что касается подбора экипажа: лучше лететь с тем, кто уже побывал в полете, то есть с более опытным. Может, вам удастся договориться с одним из них, но, может, и не удастся. Разбогатевшие старатели обычно прекращают работу – не желают рисковать. А те, кто все еще охотится за богатством, могут не пожелать отправиться в полет с новичком. Так что большинству из вас придется лететь с такими же девственниками. Гм. – Он задумчиво осмотрелся. – Что ж, попробуем. Разбейтесь на группы по трое. Только не думайте о том, кто в вашей группе более надежен, а кто менее – партнеров для экспедиции подбирают не так. И забирайтесь в один из открытых аппаратов. Ничего там не трогайте. Считается, что они дезактивированы, но должен вас предупредить, что они не всегда остаются такими. Просто заберитесь туда и ждите инструктора.

Так я впервые услышал, что на Вратах есть и другие инструкторы.

Я осмотрелся, пытаюсь понять, кто же здесь наши учителя и кто новички, а затем инструктор спросил:

– У кого есть вопросы?

– Да, а как вас зовут? – поинтересовалась Шери.

– Неужели я снова забыл представиться? Я Джимми Чу. Рад познакомиться со всеми вами. Начнем.

Теперь я знаю гораздо больше своего инструктора Джимми Чу, включая и то, что случилось с ним орбиту спустя. Бедный старина Джимми, он отправился в экспедицию еще до моего первого вылета, и его корабль вернулся, когда я находился во втором полете. Джимми Чу нашли в его одноместнике мертвым. Говорят, его глаза запеклись, словно он побывал в духовке. Но в то время нам казалось, что Джимми знает все, и мне было очень интересно слушать его.

Мы вползли в странный эллипсовидный люк, протиснулись мимо двигателей и очутились в шлюпке. Оттуда по лестнице можно было попасть и в сам корабль.

Мы огляделись, и лично я почувствовал себя Али Бабой в пещере сокровищ. Затем мы слышали наверху шум, и вскоре в люке показалась чья-то голова. Я увидел густые брови и удивительно красивые глаза. Они принадлежали девушке, с которой я танцевал накануне вечером.

– Забавляетесь? – насмешливо спросила она. Мы жались друг к другу, стараясь держаться подальше от любых подвижных деталей, и я сомневаюсь, чтобы мы выглядели эдакими посетителями Диснейленда. – Ничего, – продолжала она. – Осматривайтесь, привыкайте. Вот эта вертикальная полоска колес с торчащими спицами, видите? Это селектор

целей. Важнее всего сейчас не привести его в рабочее состояние, а может, и не только сейчас, но и никогда. А вот эта золотая спираль рядом с вами – вон там, блондинка. Кто-нибудь хочет погадать, что это такое?

«Блондинка», одна из дочерей Форхендов, в страхе отшатнулась и покачала головой. Я последовал ее примеру, но Шери решилась.

– Может, вешалка для шляп? – сказала она.

Инструкторша задумчиво смотрела на эту штуковину и молчала. Наконец она серьезно проговорила:

– Гм. Нет, не думаю. Но, надеюсь, вы, новички, когда-нибудь узнаете ответ. Пока никто из нас представления не имеет, что это и для чего. Иногда в полете она разогревается, и никому не известно почему. Туалет вот здесь. Надеюсь, он доставит вам много приятных минут. Правда, если научиться им пользоваться, он работает. А здесь вы можете прицепить свои гамаки, чтобы спать. Впрочем, это можно сделать и в другом месте. Видите, вон в том углу углубление – это мертвое пространство. Если кто-то из экипажа захочет побыть наедине, он может отгородиться занавеской. Небольшое уединение.

– А почему никто из вас не называет своих имен? – неожиданно спросила Шери.

Инструкторша обворожительно улыбнулась.

– Я Джель-Клара Мойнлин. Хотите еще что-нибудь узнать обо мне? Я вылетала дважды, ничего не нашла и теперь уби-

ваю время в ожидании подходящего рейса. И пока работаю помощником инструктора.

– Откуда вы знаете, какой рейс подходящий, а какой нет? – поинтересовалась девушка Форхенд.

– Умница, – похвалила ее помощник инструктора. – Хороший вопрос. Один из тех вопросов, которые я хотела от вас услышать. Он означает, что вы думаете. Но если на него и есть ответ, то я его не знаю. Посмотрим. Вы уже догадались, что этот корабль трехместный. Он сделал шесть вылетов, но есть основания полагать, что топлива в нем хватит еще на пару. Я полетела бы скорее в нем, чем в одноместном. Одноместный – это для азартных игроков.

– Мистер Чу говорил об этом, но мой отец просмотрел все записи с самой первой орбиты, и с одноместными получается не так уж плохо, – сказала девушка Форхенд.

– Ваш отец мог бы спросить и у меня, – ответила Джель-Клара Мойнлин. – Дело не только в статистике. Одноместные ужасны тем, что пилот в нем долгое время находится в полном одиночестве наедине с неизвестным. К тому же, если повезет и вы что-нибудь отыщете, одному со всем не справиться, для нормальной работы нужно много рук и не одна голова. Один всегда остается на орбите, в корабле. В этом случае есть надежда, что если дела пойдут плохо, кто-то придет на помощь. А двое других садятся в шлюпку и отправляются на поиски сокровищ. Конечно, если найдешь что-нибудь действительно важное, приходится побегать всем. А ес-

ли не повезет, одна треть экипажа ничем не хуже целого.

– Но тогда не лучше ли лететь в пятиместном? – спросил я.

Клара взглянула на меня и неожиданно подмигнула. Я и не предполагал, что она помнит вчерашний танец.

– Может, да, а может, и нет, – ответила она. – Дело в том, что пятиместные имеют почти неограниченные возможности выбора цели.

– Пожалуйста, говорите по-английски, – попросила Шери.

– У пятиместных масса целей, которых не достигают трех- и одноместные корабли. Мне кажется, это потому, что некоторые из целей опасны. Корабль, который вернулся из экспедиции в худшем состоянии из всех, был пятиместным. Выглядел он ужасно – весь обожжен, побит, погнут. Непонятно, как он вообще вернулся. Никто не знает, где этот пятиместник побывал. Говорят, он был в фотосфере звезды. Экипаж ничего не смог сообщить. Все погибли. Конечно, – задумчиво продолжала она, – вооруженные трехместные имеют почти такой же разброс целей, что и пятиместные. Тут уж как повезет. Но давайте покончим с этим. Вы, – она указала на Шери, – садитесь сюда.

Мы с девушкой Форхенд съежились, чтобы освободить как можно больше места. Его было немного. Если убрать все из трехместного корабля хичи, получится помещение размером пять метров на три и на три. Но, конечно, если освободить корабль от большинства предметов, он никуда не дви-

нется.

Шери уселась перед колонной колес со спицами и поерзалась, стараясь устроиться покомфортнее.

– У хичи были такие неудобные задницы? – спросила она.

– Еще один хороший вопрос, и такой же ответ, – сказала инструкторша. – Если в экспедиции узнаете что-нибудь о задницах хичи, вернетесь и расскажете всем нам. Корпорация поместила на сиденье вот эту решетку. Так что она не относится к оригинальному оборудованию. А теперь вы смотрите на селектор целей.

Положите руку на одно из колес. Только на одно. Другие не трогайте. Затем поверните его. – Джель-Клара Мойнлин с беспокойством следила, как Шери положила руку на нижнее колесо, толкнула его пальцами, потом взялась всей рукой, уперлась в ручки кресла v-образной формы и надавила. Наконец колесо шевельнулось, и вдоль всей колонки замигали огоньки.

– Да! – покачала головой Шери. – Они, должно быть, были ужасно сильные!

Мы по очереди пробовали повернуть это колесо – во время первого занятия Клара не разрешала нам притрагиваться к другим, – и когда настала моя очередь, я удивился: мне потребовалась вся сила мышц, чтобы сдвинуть колесо. Не похоже было, что оно просто заржавело. У меня создалось впечатление, будто оно и должно поворачиваться с трудом. А если подумать, сколько неприятностей может случиться, ес-

ли в полете случайно заденешь и повернешь колесо, то становится ясно, что в этом есть большой смысл.

Конечно, теперь я знаю обо всем этом гораздо больше, чем тогда мой инструктор. И дело не в том, что я так умен. Потребовались и все еще требуются усилия множества людей, просто чтобы догадаться, как происходит выбор цели на указателе курса.

В сущности, это вертикальный ряд генераторов чисел. Огоньки означают номера. Понять это нелегко, потому что они вовсе не похожи на цифры. Цифровая система не позиционная и не десятичная. Очевидно, хичи выражали большие числа как суммы простых, но это выше моего понимания. Программисты Корпорации сумели прочесть эти номера, но не непосредственно, а при помощи компьютерного переводчика. Первые пять цифр, очевидно, обозначают положение цели в пространстве, начиная снизу вверх. Хотя Дэйн Мечников утверждал и продолжает утверждать, что правильный порядок не снизу вверх, а спереди назад, и это характеризует хичи с интересной стороны. Стало быть, они были ориентированы на три измерения, как первобытные люди, а не на два, как мы. Вам кажется, что трех чисел достаточно, чтобы указать положение любой точки во Вселенной, верно? Я хочу сказать, что если сделать трехмерное изображение Галактики, любую точку в ней можно определить тремя измерениями. Но хичи для этого требовалось пять. Зна-

чит ли это, что они воспринимали пять измерений? Мечников говорит, нет...

Во всяком случае, когда установлены пять первых чисел, остальные семь можно выбрать произвольно, и вы все равно отправитесь в путь, нажав сосок двигателя.

Обычно поступают так: наудачу выбирают четыре первых числа. Затем поворачивают пятое колесо, пока не появляется предупреждающее розовое свечение. Иногда оно слабое, иногда яркое. Если нажать плоскую овальную часть под соском, остальные огоньки начнут перемещаться, всего на несколько миллиметров туда и сюда, и свечение становится ярче. Когда огоньки останавливаются, свечение делается ярко-розовым и очень сильным. Мечников говорит, что это устройство тонкой автоматической настройки. В машине предусмотрено устройство защиты от «дурака», то есть она допускает человеческую ошибку. Прошу прощения, я хотел сказать ошибку хичи. И когда подходишь достаточно близко к цели, окончательная подгонка происходит автоматически. Вероятно, он прав.

Конечно, каждая крупица этих знаний стоила множества времени и денег, не говоря уже о человеческих жизнях. Опасно быть старателем. Но для самых первых покорителей Вселенной это походило на самоубийство.

Иногда можно пройти весь цикл с пятью огоньками и ничего не получить. В таком случае нужно выругаться. Потом изменить один из первых четырех огоньков и начать снова.

ла. Цикл занимает всего несколько секунд, но пилоты-испытатели перебирают сотни вариантов, прежде чем получают хороший цвет.

Конечно, к тому времени, как я отправился в свой первый полет, пилоты-испытатели и программисты выработали несколько сот комбинаций, чей цвет был признан удовлетворительным, но которые еще не были опробованы. Или таких установок, которые были уже опробованы, но к ним не стоило возвращаться. Были и такие варианты, после которых экипаж не вернулся. Но тогда я еще ничего этого не знал, и когда сел на модифицированное сиденье хичи, все мне казалось новым и необыкновенно захватывающим. Не знаю, сумею ли дать вам понять, что я тогда чувствовал.

Я хочу сказать, что восседал на том самом месте, где миллион лет назад сидел хичи. Передо мной располагался селектор целей. Корабль мог отправиться куда угодно, хоть к черту на рога. Куда угодно! Если я правильно подберу цель, то могу оказаться возле Сириуса, Прочиона или даже в Магеллановом Облаке.

Инструкторше надоело висеть вниз головой, она протиснулась за мной и положила руку мне на плечо.

– Ваша очередь, Бродхед. – И я почувствовал, как ее грудь коснулась моей спины.

Честно говоря, мне не очень хотелось трогать колеса, и прежде чем это сделать, я спросил:

– А вообще известно, что именно ты выбираешь? Можно

с уверенностью сказать, куда полетишь?

— Вероятно, можно, — ответила она, — если ты хичи с подготовкой пилота.

— А не значит ли один цвет, что ты отправишься дальше, чем при другом?

— Этого пока никто не смог установить. Конечно, все время стараются. Целый отряд исследователей сопоставляет установки целей вернувшихся кораблей с тем местом, где они оказались. Но до сих пор ничего не нашли. Ну, давайте, Броудхед. Положите руку на первое колесо, которое уже поворачивали другие. Толкайте его. Для этого нужно больше силы, чем вам кажется.

И действительно. В сущности, я боялся надавить слишком сильно и тем самым заставить его заработать, но колесо словно вросло в панель. Клара наклонилась, положила свою руку на мою, и я понял, что приятный мускусный маслянистый запах, который я ощущал в последнее время, принадлежит ей. Но на самом деле это не был мускус. Просто ее половые аттрактанты вошли в контакт с моими хеморецепторами. По сравнению с сортирной вонью Врат это был прекрасный запах.

Но тем не менее я не добился никакого цвета, хотя старался целых пять минут. Наконец Клара прогнала меня, и я уступил место Шери для еще одной попытки.

Когда я вернулся в свою комнату, кто-то уже ее прибрал. Я с благодарностью подумал, кто бы это мог быть, но слишком устал, чтобы долго над этим размышлять. Пока не привыкнешь, малое тяготение зверски изматывает. Все время перенапрягаешь мышцы, потому что приходится осваивать новые способы перемещений в пространстве.

Я повесил гамак, улегся и уже задремал, когда кто-то заскребся в дверь. Затем послышался голос Шери:

– Боб?

– Что?

– Ты спишь?

Очевидно, нет, но я правильно понял ее вопрос и соответственно ему ответил:

– Нет. Лежу и думаю.

– Я тоже... Боб?

– Да?

– Можно мне лечь в твой гамак? – спросила она.

Я сделал усилие, чтобы окончательно проснуться и обдумать этот не совсем своевременный вопрос.

– Мне очень нужно, – добавила она.

– Хорошо. Конечно. Я хочу сказать, что очень рад.

Шери скользнула в мою комнату, и я подвинулся в гамаке, который начал медленно раскачиваться. Она забралась в

него. На Шери были только тенниска и трусы, она была теплой и мягкой, и мы мягко раскачивались в гамаке, пока она не произнесла:

– Секса не нужно, жеребец.

– Посмотрим, как получится. Ты что, боишься?

Дыхание у Шери было сладкое, я чувствовал его у себя на щеке.

– Чем больше думаю об этом, тем больше боюсь, – ответила она.

– Почему?

– Боб... – Шери устроилась поудобнее и повернулась, чтобы смотреть мне в лицо. – Знаешь, ты иногда говоришь глупости.

– Прости.

– Посмотри, что мы делаем. Садимся в корабль и не представляем, долетит он туда, куда должен долететь. И даже не знаем, куда он направляется. Летим быстрее света, и никто не знает как. Не знаем, на сколько улетаем, не знаем, куда летим. Можем провести в корабле всю оставшуюся жизнь и никогда не вернуться сюда. Можем столкнуться с чем-то таким, что убьет нас в две секунды. Ведь так? Так. И ты еще спрашиваешь, почему я боюсь?

– Да я просто разговариваю. – Я прижимаюсь к ее спине, беру в руки грудь, не агрессивно, а просто потому, что приятно.

– И не только это. Мы ничего не знаем о тех, кто постро-

ил эти корабли. Откуда мы знаем, что это не розыгрыш с их стороны? Или ловушка. Может, таким способом они заманивают свежее мясо на небеса хичи?

– Да, не знаем, – согласился я. – Повернись.

– И корабль, который нам показали сегодня, совсем не такой, каким я его представляла, – сказала она, поворачиваясь и обнимая меня за шею.

Откуда-то послышался резкий свист, но я не смог определить источник.

– Что это? – спросила Шери.

– Понятия не имею. – Свист повторился. Он звучал и в туннеле, и еще громче – в моей комнате. – А, это фон, – наконец сообразил я. Мы слышали собственные пьезофоны и те, что были установлены на стенах. Все они заработали одновременно. Затем свист прекратился и послышался голос:

– Говорит Джим Чу. Кто хочет видеть, как выглядит корабль, вернувшийся из тяжелого рейса, приходите к станции доков четыре. Сейчас начинают.

До нас донеслись голоса из соседней комнаты Форхендов, и я расслышал стук сердца Шери.

– Пойдем, – предложил я.

– Да. Но мне... не очень хочется.

Корабль добрался до Врат, но не совсем. Один из крейсеров засек его на орбите. Теперь буксир доставил его в док Корпорации, куда обычно приземляются только ракеты, побывавшие на планетах. Здесь достаточно места и для пяти-

местника. А этот оказался трехместным... вернее, то, что от него осталось.

— О Боже, — глядя на эту рухлядь, прошептала Шери. — Боб, как ты думаешь, что с ними случилось?

— С людьми? Они умерли. — В этом ни у кого не было сомнения. Корабль превратился в утиль. Стебель шлюпки исчез, остался только сам межзвездный корабль, грибная шляпка, расколотая и обожженная до неузнаваемости. Расколотая! Металл хичи, который не поддается даже электрической дуге!

Но самого плохого мы не видели. Мы никогда не видим самого плохого, только слышим о нем. Один человек все еще находился в корабле. Вернее, он располагался по всей внутренности корабля. Его буквально расплескало по контрольной рубке, и останки прикипели к стенам. Но отчего? Вне всякого сомнения, виноваты были высокая температура и ускорение. Возможно, он оказался в верхних слоях атмосферы Солнца. Или на низкой орбите над нейтронной звездой? Разница в тяготении могла разорвать и корабль, и экипаж. Но мы этого никогда не узнаем.

Остальных членов экипажа на судне вообще не было. Не то чтобы это легко было установить. Но в перечне найденных человеческих органов фигурировали только одна челюсть, один таз, один позвоночник, разорванный на множество небольших кусков. Может, остальные двое были в шлюпке?

– В сторону!

Шери схватила меня за руку и потянула прочь с дороги. Мимо проследовали пятеро военных в мундирах: американец и бразилец – в синем, русский – в бежевом, венерианец – в белом и китаец – в черно-коричневом. Американский и венерианский военные оказались женщинами. На лицах у них у всех было одинаковое выражение – смесь профессиональной дисциплинированности и отвращения.

– Пошли. – Шери потащила меня назад. Она не хотела смотреть, как роятся в человеческих останках. Мне тоже показалось это малоприятным. Затем вся группа, Джимми Чу, Клара и остальные инструкторы потянулись к своим комнатам. Но недостаточно быстро. Мы все время оглядывались. Когда же открыли люк корабля, до нас долетел запах того, что вернулось. Даже не знаю, как описать его. Как будто перегнивший мусор долго жарили на корм свиньям. Даже в вонючем воздухе Врат это трудно было перенести.

Кому принадлежат Врата?

Врата настолько уникальны и важны для всего человечества, что всеми было сразу осознано – их нельзя передавать никакой группе лиц и ни одному правительству. Поэтому и была основана «Врата Энтерпрайзис, Инк.».

«Врата Энтерпрайзис», обычно именуемая «Корпорация», – это наднациональная корпорация, главными членами которой являются Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Объединенные Штаты Бразилии, Венерианская Конфедерация и Новый Народ Азии. Ограниченными партнерами Корпорации являются все те, кто, подобно вам, подписал меморандум о соглашении.

Правила принятия душа

Этот душ автоматически выдает воду в течение сорока пяти секунд.

Вам разрешается пользоваться душем один раз в три дня.

Внеочередное принятие душа разрешено за установленную плату путем вычета с вашего счета 5 долларов за каждые 45 секунд.

Чем занимается Корпорация?

Основной целью Корпорации является исследование космических кораблей, оставленных хичи, а

также продажа, эксплуатация или любое другое использование артефактов, предметов, сырья или других ценностей, обнаруженных при помощи этих кораблей.

Корпорация поощряет коммерческое использование технологий хичи и отдает их в аренду на основе выплаты части дохода.

Этот доход используется для выплаты доли ограниченным партнерам, таким как вы, которые совершили ценные открытия; для поддержания Врат в рабочем состоянии; для выплаты главным партнерам сумм, которые покрывают содержание крейсеров, находящихся на орбите; для создания резервов на любой непредвиденный случай; для финансирования самих исследовательских программ.

В финансовом году, завершившемся 30 февраля, общий доход Корпорации превысил 3,7 триллиона долларов США.

Корабли Врат

Корабли Врат пригодны к межзвездным перелетам со скоростью выше скорости света. Энергоносители, с помощью которых функционируют двигатели, не установлены (см. «Руководство пилота»). На корабле имеется также обычный ракетный двигатель,

использующий жидкий водород и жидкий кислород для контроля положения в пространстве и для высадки посадочного аппарата, которым снабжен межзвездный корабль.

Имеются три разновидности кораблей, обозначенные как класс один, класс три и класс пять в соответствии с числом членов экипажа. Некоторые корабли имеют дополнительные тяжелые конструкции и обозначаются как «бронированные». Большинство бронированных кораблей пятиместные.

Каждый корабль запрограммирован на автоматическое достижение ряда целей. Возврат также автоматический и практически весьма надежный. Пройденный вами курс управления кораблем достаточен для безопасного полета. Тем не менее просим вас обратить особое внимание на «Инструкцию пилота по технике безопасности».

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Откуда вам известно, что вы не унитарий?
Образуется товарищество Врат. 87–539.

Требуются бисексуалы для Сафо и Лесбии.
Вначале полет, затем счастливая жизнь
в Северной Ирландии. Постоянный

тройственный брак. 87–033 или 87–034.

Берегите силы. Сберегайте плату, не рискуйте конфискацией во время полета. Распоряжения на случай вашего невозвращения выполняются за ту же плату. 88–125.

Правила технической безопасности

для кораблей Врат

Механизм межзвездного полета, по-видимому, содержится в ящике, размещенном под центральным килем трех- и пятиместных кораблей и в санитарных устройствах одноместного.

До сих пор никто не сумел безнаказанно вскрыть эти ящики. Каждая такая попытка заканчивалась взрывом мощностью примерно в одну килотонну. Сейчас проводятся исследования с целью проникнуть в эти ящики, не вскрывая их, и если у вас имеется какая-нибудь информация относительно этого, вы должны немедленно связаться с офицером Корпорации.

Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь сами открыть ящик! Такие попытки, а также управление кораблем, в котором совершались подобные попытки,

строжайше запрещены. Наказание – немедленное лишение всех прав и последующая высылка с Врат.

Устройство выбора курса также содержит в себе потенциальную опасность. Ни при каких обстоятельствах нельзя менять установку цели, находясь в полете. Ни один корабль, в котором осуществлялись подобные эксперименты, не вернулся.

Клара осталась на своем уровне. Пожелав ей спокойной ночи, я впервые заметил, что она плачет.

Мы с Шери попрощались с Форхендами у их двери, я повернулся к ней, но она меня опередила.

– Пойду спать, – проговорила она. – Прости, Боб, знаешь, я больше ничего не хочу.

Не знаю, зачем я все время возвращаюсь к Зигфриду фон Психоаналитику? Мой сеанс проходит в среду в середине дня, и ему не нравится, если я перед этим пью спиртное или принимаю наркотики. В последнее время я слишком много плачу за удовольствие жить так, как мне хочется. Вы не представляете, сколько стоит жить, как я живу. Квартира над Вашингтон-сквер обходится мне в восемьдесят тысяч долларов в месяц. Плюс три тысячи за право жить под Большим Пузырем. Если бы я остался на Вратах, мне это стоило бы намного дешевле.

Много приходится платить за меха, вино, дамское белье, драгоценности, цветы... Зигфрид говорит, что я пытаюсь купить любовь. Хорошо, так оно и есть. А что в этом плохого? Я могу себе это позволить. И это не говоря уже о том, сколько стоит Полная медицина.

Впрочем, Зигфрид мне ничего не стоит. Плата за Полную медицину покрывает любую психиатрическую терапию по моему выбору. За ту же цену я могу получить групповой сеанс или внутренний массаж. Иногда я подшучиваю над Зигфридом:

— Даже принимая во внимание, что ты всего лишь груда ржавых болтов и проку от тебя как от козла молока, стоишь ты все же очень дорого.

– У вас возникает сознание собственной бесценности, когда вы говорите, что я ни на что не годен? – спрашивает Зигфрид.

– Нет.

– Тогда почему вы все время напоминаете себе, что я машина? Или что я ничего не стою? Или что я не могу переступить границы своей программы?

– Ты помочился на меня, Зигфрид. – Я понимаю, что подобный ответ его не удовлетворит, поэтому объясняю: – Ты испортил мне утро. Моя подруга С. Я. Лаврова осталась вчера вечером у меня. Да, она – это нечто очень значительное. – И я немного рассказываю Зигфриду о С.Я., включая, как она уходит от меня в обтягивающих брюках, с длинными золотыми волосами, свисающими до пояса.

– Звучит неплохо, – комментирует Зигфрид.

– Клянусь твоими болтами, все это абсолютная правда. Но по утрам она просыпается слишком медленно. Только С.Я. по-настоящему оживет, как мне приходится покидать свой летний дом на Таппановом море, чтобы явиться сюда.

– Вы ее любите, Боб?

Если отвечать честно, то «нет», поэтому я хочу сказать «да», но говорю:

– Нет.

– Я думаю, это честный ответ, – одобрительно произносит Зигфрид и уже без прежнего одобрения добавляет: – Поэтому вы сердитесь на меня?

– Не знаю. Просто у меня плохое настроение.

– Вы можете объяснить причины, почему оно плохое?

Он терпеливо ждет ответа, поэтому немного погодя я говорю:

– Ну, вечером я проиграл в рулетку.

– Больше, чем вы можете себе позволить?

– Боже! Нет, конечно, – с вызовом отвечаю я, но не поясняя, что это все равно раздражает, и существуют другие, не менее серьезные причины. Например, что становится холоднее. Что мой дом на Таппановом море находится не под Пузырем, поэтому завтракать на его пороге с С.Я. оказалось не такой уж хорошей мыслью. Я не хочу делиться этим с Зигфридом. Он скажет что-нибудь рациональное, например, почему бы нам не поесть в помещении. И мне придется рассказывать ему, что ребенком у меня была мечта – собственный дом, выходящий на Таппановое море, и завтрак на его пороге. Мне исполнилось двенадцать, когда перегородили Гудзон. В то время я часто мечтал о том, как стану большим человеком и буду жить, как богатые. Ну, он все это уже слышал.

Зигфрид прочищает горло.

– Спасибо, Боб, – говорит он, давая знать, что мое время закончилось. – Придете на следующей неделе?

– Как всегда, – улыбаюсь я. – Как летит время. Я сегодня хотел уйти немного пораньше.

– Правда, Боб?

– У меня свидание с С.Я., – объясняю я. – Она вечером

приезжает ко мне в летний дом. Откровенно говоря, это куда более лучшее лекарство, чем встречи с тобой.

– Это все, что вы хотите получить от взаимоотношений с женщиной, Боб?

– Ты имеешь в виду секс? – Мой ответ в этом случае «нет», но я не хочу давать ему понять, чего жду от связи с С. Я. Лавровой. И я начинаю перечислять: – Она отличается от всех моих прежних и настоящих подруг, Зигфрид. С.Я. не бедна, у нее хорошая работа. К тому же я восхищаюсь ею.

Здесь я, конечно, несколько преувеличил. Точнее, мне все равно, восторгаюсь я ею или нет. У С.Я. есть одна важная особенность, которая восхищает меня даже больше, чем самый прекрасный женский зад, какой когда-либо сотворял Господь. Она специалист в области информатики. С.Я. окончила университет в Академогорске, работала в институте компьютерного разума Макса Планка, а теперь преподает у аспирантов. Она больше знает о Зигфриде, чем сам Зигфрид о себе, и это предоставляет мне интересные возможности.

Примерно на пятый свой день на Вратах я встал рано и позавтракал. Во время завтрака меня окружали туристы, игроки из соседнего казино с воспаленными от бессонной ночи глазами и моряки с крейсеров, которые на всю катушку использовали увольнительную. Завтрак оказался роскошным, правда, и стоил он не менее роскошно. Но высокие цены компенсировались присутствием туристов. Я чувствовал на себе их уважительные взгляды. Я знал, что они говорят обо мне. Особенно тот гладколицый пожилой африканец – дагомеец или ганиец – со своей очень молодой, пухлой, как свежеиспеченная булочка, и увешанной драгоценностями женой. По их мнению, я был бесстрашным героем. Конечно, у меня не было на руке браслетов, но известно, что некоторые ветераны их не носят.

Я наслаждался своим триумфом, подумывал о заказе настоящих яиц с беконом, но это было слишком даже для моей эйфории. Поэтому я удовлетворился апельсиновым соком – к моему глубочайшему удивлению, он оказался настоящим, – бриошью и несколькими чашками черного голландского кофе. Мне не хватало только хорошенькой девушки на ручке моего кресла. В зале присутствовали две симпатичные женщины, как будто с китайского крейсера, и обе не отказывались обменяться со мной радиопосланиями с помощью

глаз, но я решил приберечь их для какого-нибудь будущего свидания. Я заплатил по счету – это оказалось довольно обременительно для моего кармана – и отправился на занятия.

По пути вниз я встретился с Форхендами. Мужчина, кажется, его звали Сесс, оторвался от ведущего вниз кабеля и подождал меня, чтобы вежливо поздороваться.

– Мы вас не видели за завтраком, – сказала его жена, поэтому я поведал им, где был. Их младшая дочь, Лу, похоже, позавидовала мне. Мать уловила это и потрепала ее по щеке.

– Не расстраивайся, милая. Мы так поедим перед возвращением на Венеру, – пообещала она дочери и после этого обратилась ко мне: – Теперь приходится считать каждый пенни. Но нам обязательно повезет, и у нас уже есть планы, как распорядиться доходами.

– Они есть у нас всех, – рассеянно ответил я, потому что в этот момент в голове у меня зрела какая-то мысль. – Вы на самом деле вернетесь на Венеру?

– Конечно, – ответили все члены семьи тем или иным образом, и по их лицам было видно, что они сами поразились своему ответу. Это удивило и меня. Мне не приходило в голову, что эти туннельные крысы считают горячие душные ямы своим домом. Сесс Форхенд, должно быть, правильно расшифровал выражение моего лица. Поэтому он улыбнулся, пожал плечами и пояснил:

– В конце концов это наш дом. Врата тоже – некото-

рым образом. Понимаю, наверное, странно такое слышать. А вообще-то мы родственники первого человека, нашедшего Врата. Сильвестра Маклена. Слышали о нем?

– Кто же о нем не слышал?

– Он нечто вроде моего двоюродного брата. Но вы, наверное, знаете всю эту историю.

Я хотел было сказать «да», но не успел. Очевидно, семья Форхендов очень гордилась своим знаменитым родственником, и я не могу их винить в этом. В общем, мне пришлось прослушать несколько видоизмененное семейное предание о пионере Врат:

– Он был в туннеле на Южном полюсе и нашел корабль. Бог знает, как ему удалось поднять корабль на поверхность, но получилось. Он вошел в него, очевидно, экспериментируя, нажал сосок двигателя, и корабль отправился туда, куда был запрограммирован, то есть сюда.

– Разве Корпорация не платит дивиденды? – спросил я. – Ведь за открытия положены деньги, а какое еще открытие больше достойно вознаграждения?

– Во всяком случае, нам не платят, – невесело сказала Луиза Форхенд, из чего я понял, что с деньгами у Форхендов, должно быть, плохо. – Конечно, Сильвестр и не собирался открывать Врата. Вы ведь слышали, что нам говорили в классе, – у кораблей автоматический возврат. Прилетишь куда-нибудь, нажмешь сосок двигателя и возвращаешься сюда. Но Сильвестру это не помогло, он ведь уже был здесь. Об-

ратный рейс после бог знает когда происшедшей остановки.

– Он был умен и силен, – подхватил Сесс. – Таким и должен быть настоящий первооткрыватель. Сильвестр не запаниковал. Но когда прилетели исследователи, у него кончились запасы жизнеобеспечения. У него была возможность прожить немного дольше. Он мог бы использовать жидкий кислород и H_2 из шлюпки, чтобы получать воздух и воду. Я часто думаю, почему он этого не сделал.

– Потому что он все равно умер бы с голоду, – вмешалась Луиза, защищая своего родственника.

– Да, наверно. Экспедиция обнаружила его мертвое тело, в руке он держал записи. Сильвестр перерезал себе горло.

Форхенды показались мне хорошими людьми, но я все это уже неоднократно слышал, а из-за них я опаздывал на занятия.

Разумеется, занятия вовсе не были такими уж захватывающими. Мы проходили подвешивание гамаков – основной курс и смывание туалета – продвинутый курс. Может, вы спросите, почему нас почти не учили управлению самими кораблями. Это очень просто. Эти штуковины летят сами по себе, как и говорили мне Форхенды и все остальные. А вскоре выяснилось, что даже шлюпками управлять не так уж и трудно, хотя тут нужно было приложить руку к приборам. Оказавшись в шлюпке, требовалось лишь отыскать на трехмерном голографическом изображении окружающей местности тот пункт, куда вы хотите отправиться, и совместить

с ним светлое пятнышко. Шлюпка туда и отправляется. При этом она сама рассчитывает траекторию полета и корректирует ее в случае необходимости. Конечно, требуется определенная мышечная координация движений, чтобы научиться совмещать это пятно, но система управления снисходительна.

Между уроками развешивания гамаков и смывания туалетов мы говорили о том, что будем делать, когда закончим обучение. Расписание полетов постоянно изменялось, и нажатием кнопки можно было вызвать его на пьезоэкран в аудитории. Некоторые предстоящие вылеты сопровождалось именами пилотов, и кое-какие из этих имен мне уже были знакомы. Тикки Трамбалл – девушка, с которой я танцевал и раз или два обедал в столовой. Она пилот-перевозчик и теперь набирала себе экипаж. Некоторое время я раздумывал о том, чтобы присоединиться к ней. Но наши мудрецы сказали, что перевозка – это пустая трата времени.

Надо бы пояснить, кто такой пилот-перевозчик. Это опытный пилот, который поставляет свежие экипажи на Врата-2. Примерно с десятков пятиместников регулярно занимаются этим. В полет они берут с собой четверых старателей. Именно для этого Тикки и нужны были люди. Перевозчики отвозят на Врата-2 исследователей, а потом возвращаются, прихватив с собой тех, кому удалось вернуться из полета, если таковые окажутся, и их находки. Обычно что-нибудь, да бывает.

Мы все мечтали, чтобы нам так же повезло, как экипажу, обнаружившему Врата-2. Вот они действительно добились своего. Врата-2 – это просто другие Врата, не больше и не меньше, только находятся они на орбите другой звезды. Никаких особых сокровищ на Вратах-2 не нашли, как, собственно, и на наших Вратах, – хичи все тщательно убрали, за исключением своих космических кораблей. Да и кораблей там оказалось намного меньше, примерно сто пятьдесят. Немного по сравнению с тысячью на наших старых околосолнечных Вратах. Но и сто пятьдесят – это ценнейшая находка. Не говоря уже о том, что эти корабли нацелены на пункты, до которых не добраться со старых Врат.

До Врат-2 как будто четыреста световых лет, и полет до них занимает сто девять дней в один конец. Центральная звезда Врат-2 – яркая голубая, типа «В». Полагают, что это Альциона в Плеядах, но есть на этот счет и кое-какие сомнения. На самом деле не она центральная звезда Врат-2. Врата-2 вращаются не вокруг большой яркой звезды, а вокруг красного карлика, поблизости. Говорят, что карлик образует с яркой звездой двойную систему, но кое-кто возражает, мол, это никак невозможно из-за разницы в возрасте двух звезд. Еще несколько лет споров, и, возможно, истина будет установлена.

Можно только гадать, почему хичи поместили свой звездный перекресток рядом с такой неприметной звездой, но о самих хичи вообще ничего не известно. Правда, это никак

не отражается на счетах экипажа, обнаружившего Врата-2. Они получают проценты со всех открытий, которые сделают отсюда старатели! Не знаю, сколько они уже заработали, но, должно быть, десятки миллионов на каждого. А может, и сотни. Именно поэтому не стоит отправляться с пилотом-перевозчиком – шансов на открытия не больше, а уж делиться найденным обязательно придется.

И вот мы принялись изучать список предстоящих полетов и обсуждать их в свете своего пятидневного опыта. Хотя опыта оказалось не очень много. Поэтому мы обратились к Джель-Кларе Мойнлин за советом. В конце концов она уже дважды побывала в полетах.

Клара рассматривала список, поджав губы.

– Терри Якамора хороший парень, – сказала она. – Пардука не знаю, но, может, стоит попытать счастья с ним. О рейсе Дорлина забудьте. Там обещан миллионный гонорар, но они кое-что скрыли. Специалисты Корпорации поработали с искателем целей. Они смонтировали компьютер, который должен вмешаться в поиск целей. Я этому не доверяю. И, конечно, ни при каких обстоятельствах не рекомендую односторонний.

– А сами вы, Клара, какой бы выбрали? – спросила Лу Форхенд.

Клара задумчиво нахмурилась, сосредоточенно потерла темную левую бровь кончиками пальцев и наконец ответила:

– Может быть, Терри. Ну, любой. А вообще, я пока не со-

бираюсь вылетать. – Я хотел было спросить почему, но она уже отвернулась от экрана и устало проговорила: – Ну ладно, ребята, возвращаемся к тренировкам. Помните, мочиться – вверх, потом вниз, закрыть, считать до десяти и снова вверх.

Я решил отпраздновать окончание недельного курса и предложил Дэйну Мечникову выпить вместе. Не таким было мое первоначальное намерение. Вначале я собирался купить выпивку Шери и выпить ее в постели, но она куда-то ушла. Поэтому я поработал с кнопками пьезофона и отыскал Мечникова. Он как будто удивился моему приглашению.

– Спасибо, – поблагодарил Дэйн и ненадолго задумался. – Вот что я вам скажу, помогите перенести кое-какие вещи, и тогда я угощу вас.

Поэтому я отправился к нему, всего на один уровень ниже «Бейб».

Комната его оказалась немногим больше моей, почти пустая, если не считать трех набитых вещевых контейнеров. Мечников взглянул на меня и по-дружески сказал:

– Ну вот вы и старатель.

– Еще нет. Нужно окончить два курса.

– Во всяком случае, мы больше не увидимся. Я отправляюсь завтра с Терри Якамора.

– Разве вы не вернулись только что? – удивился я. – Кажется, всего десять дней назад.

– Оставаясь тут, денег не зарабатываешь, – вздохнул Мечни-

ков. — Я просто ждал подходящего экипажа. Придете на мой прощальный вечер? Номер Терри. В двадцать ноль-ноль.

— Договорились, — ответил я. — Можно привести Шери?

— О, конечно, она тоже приглашена. Если не возражаете, там я вас и угощу. А сейчас помогите мне перенести эти вещи.

Он собрал удивительное количество барахла. Я поразился, как он умудряется держать все это в комнатке, почти такой же крохотной, как моя: три фабричных контейнера, набитых доверху, голодиски и проигрыватель, книжные ленты и несколько настоящих книг. На Земле все это весит больше, чем я могу унести за один раз. Вероятно, пятьдесят-шестьдесят кило, но, конечно, на Вратах поднять такой груз намного легче. Трудно лишь из-за габаритов тащить все это по коридорам, спускать и поднимать в шахтах. Моим главным противником был только объем вещей, а вот Мечникову пришлось кувыркаться с предметами громоздкими и хрупкими.

Тащили мы около часу и наконец оказались в части астероида, в которой я раньше никогда не бывал. Здесь пожилая пакистанка пересчитала места, выписала Мечникову квитанцию и поволокла вещи по густо заросшему растениями коридору.

— Фью, — свистнул он. — Ну, спасибо.

— Не стоит, — ответил я, и мы двинулись назад к стволу. Вероятно, Мечников понимал, что он у меня в долгу, поэтому все время поддерживал разговор.

– Ну, как курс?

– Только что окончил и по-прежнему понятия не имею, как управлять этими проклятыми кораблями.

– А вы и не должны понимать, – раздраженно ответил он. – Инструктор не может научить вас этому. Курс дает только общее представление о полетах. А учишься всегда на практике. Труднее всего со шлюпкой, конечно. Ну, вы ведь получили ленты?

– О да, – кивнул я, вспомнив шесть полученных кассет.

Каждому из нас после недельного курса выдали набор. На кассетах было все, что нам уже говорили, плюс сведения о различных приборах, которые Корпорация может установить на корабле хичи.

– Прослушивайте их почаще. Если у вас есть голова, вы захватите их в полет. Там будет для них достаточно времени. А корабли в основном летят сами по себе.

– Так даже лучше, – пожал плечами, ответил я, сильно сомневаясь в справедливости собственных слов. – Пока.

Мечников махнул рукой и, не оглядываясь, спустился в шахту. Очевидно, он расстроился из-за того, что я согласился появиться у него на приеме, да еще с подружкой. Где, кстати, выпивка ему ничего не будет стоить. Затем я подумал, не поискать ли Шери, но решил, что не стоит.

Я оказался в незнакомой части Врат и вспомнил, что забыл свою карту в комнате. Я брел наудачу мимо звездных перекрестков, некоторые туннели пахли пылью и запустени-

ем, народу здесь было немного. Потом я оказался в районе, заселенном преимущественно восточноевропейцами, языки которых были мне совершенно незнакомы. Правда, с вездесущих ив свисали указатели и надписи на кириллице или каком-то еще более странном письме.

Наконец я добрался до лифта, немного подумал и отправился наверх. Чтобы не заблудиться на Вратах, нужно двигаться вверх, до веретена, где всякий «верх» кончается.

Но тут я заметил, что проезжаю мимо Центрального парка, и решил немного посидеть под деревьями.

Центральный парк на самом деле парком, как таковым, не является. Это большой туннель вблизи от центра вращения астероида, отведенный под различную растительность. Тут я нашел апельсиновые деревья, что объясняло наличие натурального сока, и виноградные лозы, а также папоротники и мхи. Но никакой травы я нигде так и не увидел. Не знаю почему. Может, потому что здесь сажают только виды, способные расти при недостаточном количестве света, поскольку главным источником его на Вратах является только голубой металл хичи. Трава же не может эффективно использовать в своих фотохимических преобразованиях это слабое свечение.

Главное предназначение Центрального парка, конечно же, всасывание кислорода и возвращение кислорода в живую среду, поэтому по всем туннелям много растительности. А еще растения заглушают запахи, или по крайней мере так

считается, и дают некоторое количество пищи.

Весь парк имеет примерно восемьдесят метров в длину, а в высоту вдвое выше моего роста. Он достаточно широк для нескольких извилистых тропинок. Растения здесь как будто произрастают на настоящей земной почве. На самом же деле это гумус, изготовленный из продуктов человеческой жизнедеятельности, то есть канализационных отходов. На Вратах несколько тысяч человек пользуются туалетами, но это никак не сказывается ни на цвете, ни на запахе почвы – все тщательно переработано.

Первое дерево, достаточно большое, чтобы под ним сидеть, для этого не годилось. Это оказалась шелковица, и под ней была натянута тонкая сеть, чтобы собирать падающие плоды. Я прошел мимо по тропе и увидел женщину с ребенком.

Ребенок! Я и не подозревал, что на Вратах есть дети. Маленькая девочка, лет пяти-шести, играла большим мячом. В низком тяготении мяч передвигался медленно и больше напоминал воздушный шар.

– Привет, Боб! – услышал я и слегка ошалел от неожиданного сюрприза. Со мной поздоровалась Джель-Клара Мойнлин, молодая женщина, которая прогуливалась с ребенком.

– Я и не знал, что у вас маленькая дочь, – не задумываясь, ответил я.

– У меня ее и нет. Это Кэти Френсис, и мама иногда ненадолго отдает мне ее. Кэти, это Боб Броудхед.

– Здравствуй, Боб, – произнесла девочка, изучая меня с расстояния в три метра. – Ты друг Клары?

– Надеюсь. Она моя учительница. Хочешь поиграть в «лови и бросай»?

Кэти закончила разглядывать меня и сказала, тщательно выговаривая каждое слово, как взрослая:

– Я не знаю, как играть в «лови и бросай», но я могу собрать для тебя шесть ягод шелковицы. Больше нельзя.

– Спасибо. – Я подобрался поближе к Кларе, которая смотрела на девочку, обхватив колени руками. – Очень умная девочка.

– Вероятно. Трудно судить: здесь не с кем ее сравнивать, слишком мало детей.

– Она ведь не старатель?

Я в общем-то не шутил, но Клара громко рассмеялась.

– Ее родители входят в постоянный штат сотрудников Врат. Во всяком случае, большую часть времени они работают на Врата. А сейчас ее мать в рейсе. Те, кто здесь служит, иногда и сами отправляются в экспедиции. Согласись, трудно столько времени проводить в догадках, кем же все-таки были хичи, и не попробовать самому на практике разрешить эту загадку.

– Это опасно.

Клара велела мне замолчать, потому что вернулась Кэти. В каждой ладони она несла по три ягоды и старалась не раздавить их. Девочка шла странно, как будто не используя

мышцы бедер и икр. Она просто отталкивалась по очереди ногами от пола и до следующего толчка плыла в воздухе. Я потом и сам попытался так ходить. Оказалось, что это самый эффективный способ передвижения при почти полном отсутствии тяготения, но рефлексy все время подводили меня. Вероятно, нужно родиться на Вратах, чтобы так естественно пользоваться этим способом.

Клара в парке выглядела гораздо свободнее и женственнее, чем Джель-Клара Мойнлин инструктор. Брови, казавшиеся мужскими и сердитыми, невероятным образом посветлели и теперь выглядели дружелюбно. Кроме того, от Клары по-прежнему хорошо пахло.

Мне было очень приятно поболтать с ней, в то время как Кэти изящно расхаживала вокруг и играла мячом. Мы говорили о местах, в которых побывали, и не нашли ничего общего. Единственным совпадением оказалось то, что я родился в один день с ее братом, который был на два года моложе Клары.

– Вы любили своего брата? – спросил я, начиная древний, как сотворение мира, гамбит.

– Конечно. Он был немного странным ребенком. Овен, рожденный под Меркурием и Луной. И, конечно, это сделало его непостоянным и мрачным. Я думаю, жить ему было бы трудно.

Меня не интересовало, что стало с ее братом, гораздо больше мне хотелось спросить, на самом ли деле она верит

в этот астрологический вздор, но подобный вопрос казался мне бестактным, да и она продолжала говорить:

– Я сама Стрелец. А вы... О, конечно, вы то же, что и Дэви.

– Вероятно, – как можно вежливее ответил я. – Я... м-м-м... не очень увлекаюсь астрологией.

– Это не астрология, а генетиалогия. Первое – суеверие, второе – наука.

– Гм.

– Вижу, вы насмешник, – рассмеялась Клара. – Но это не так уж и важно. Если верите – хорошо, не верите – что ж, не нужно верить в закон тяготения, чтобы разбиться, падая с двухсотого этажа.

Кэти, которая села рядом с нами, вежливо поинтересовалась:

– Вы спорите?

– Нет, милая. – Клара ласково погладила ее по голове.

– Это хорошо, Клара, потому что мне нужно в ванную, а я не знаю, как это здесь сделать.

– Нам все равно пора. Приятно было повидаться, Боб. Не скучайте. – И они ушли рука об руку, при этом Клара старалась подражать походке девочки. Мне было очень приятно на них смотреть...

Вечером на прощальный прием Дэйна Мечникова я прихватил с собой Шери. Клара была здесь же, она выглядела еще лучше в своем костюме с голым животом.

– Я и не знал, что вы знакомы с Дэйном Мечниковым, –

сказал я.

– А который из них Мечников? – спросила она и тут же пояснила: – Меня пригласил Терри. Пошли внутрь?

Вся компания вывалилась в туннель. Я посмотрел внутрь и очень удивился, как много там места. Оказывается, у Терри Якаморы было две комнаты и каждая вдвое больше моей. Ванная комната располагалась отдельно, и в ней на самом деле была ванна или по крайней мере душ.

– Хорошая квартира, – восхищенно проговорил я и вскоре от одного из гостей узнал, что Клара живет в этом же туннеле по соседству. Это изменило мое мнение о Джель-Кларе Мойнлин, и я подумал, что если она может позволить себе такую дорогостоящую квартиру, что она все еще делает на Вратах? Почему не отправляется домой тратить деньги и наслаждаться нормальной цивилизованной жизнью? Или наоборот, если она осталась на Вратах, то почему тратит драгоценное время, работая обыкновенным инструктором, ведь это вряд ли дает ей возможность оплатить все расходы? Почему она не отправляется за новой добычей?

Я потерял Шери, но тут после медлительного, почти неподвижного фокстрота она подошла сама и привела с собой партнера. Это был очень молодой человек, в сущности, мальчик лет девятнадцати. Внешность его странным образом показалась мне знакомой: темная кожа, почти белые волосы, небольшая бородка от бачка до бачка полоской под подбородком. Он не прилетел с Земли вместе со мной. И в нашем

классе его тоже не было. Но я явно где-то его видел.

– Боб, ты знаком с Франсиско Эрейрой? – спросила Шери.

– Нет.

– Он с бразильского крейсера. – И тут я вспомнил. Франсиско был одним из инспекторов, осматривавших запеченные куски мяса на корабле, который мы видели несколько дней назад. Судя по нашивкам на рукаве, он был торпедистом. Экипажи крейсеров охраняют Врата и даже проводят на них увольнительные. Тут кто-то поставил ленту с записью хоры, дыхание у нас слегка перехватывало от выпитого, и мы оказались с Эрейрой рядом. Мы оба пытались посторониться, чтобы не мешать танцующим, и во время наших неуклюжих передвижений я сказал ему, что вспомнил, где его видел.

– О да, мистер Броудхед. Я помню.

– Тяжелая работа, – сочувственно проговорил я только для того, чтобы что-нибудь сказать. – Верно?

Вероятно, Эрейра уже достаточно выпил, чтобы ответить максимально откровенно.

– Видите ли, мистер Броудхед, – рассудительно начал он, – технический термин для описания этой части моей работы – «поиск и регистрация». Уверяю вас, она только на первый взгляд кажется тяжелой. Например, вскоре вы, несомненно, отправитесь в рейс, а когда вернетесь, я или кто-нибудь другой с такими же обязанностями обыщет каждое углубление в вашем корабле, мистер Броудхед. Я выверну ваши карма-

ны, взвешу, измерю и сфотографирую все в вашем корабле. Чтобы быть уверенным, что вы не утаили что-нибудь ценное от Корпорации. Потом я зарегистрирую все находки, если же ничего обнаружено не будет, я напишу на бланке «ноль», и какой-нибудь член экипажа с любого другого крейсера проделает то же самое. Мы всегда работаем парами.

Мне это не показалось забавным или циничным, как я посчитал вначале, и я сообщил ему об этом. Эрейра на это сверкнул мелкими, очень белыми зубами и не без удовольствия продолжил посвящать меня в тайны своей профессии:

– Когда нужно обыскивать таких старателей, как Шери и Джель-Клара, то это совсем неплохо. От таких обязанностей получаешь настоящее наслаждение. А вот мужчин мне обыскивать совершенно неинтересно, мистер Брудхед. Особенно мертвых. Приходилось вам бывать в компании пятерых человек, которые погибли примерно три месяца назад и не были забальзамированы? Так было на первом корабле, который я осматривал. Не помню, чтобы мне когда-нибудь было так плохо.

Тут подошла Шери и пригласила его на следующий танец, поскольку вечер продолжался.

Подобные вечеринки на Вратах случались часто. Так здесь было заведено. Просто мы, новички, еще не включились в общество, но по мере приближения к окончанию курса мы знакомились со все новыми и новыми людьми.

Бывали здесь и прощальные вечера, и приемы по случаю

прибытия, хотя такие происходили реже. Даже если экипаж возвращался, не всегда было что праздновать. Иногда экипаж отсутствовал так долго, что утрачивал всех друзей. А случалось, особенно если повезло, что старатели больше не хотели иметь ничего общего с Вратами и старались побыстрее убраться домой. Иногда же вечеринок не устраивали, потому что в палатах интенсивной терапии Терминальной больницы они не разрешены.

Но мы занимались не только приемами, когда-то нужно было и учиться.

К концу курса мы официально были признаны специалистами в управлении кораблями, в технике выживания и оценке найденного. Про себя я, конечно, молчу, специалист из меня слабый. А вот Шери в этом смысле была еще хуже. С управлением она справлялась, и для оценки найденного у нее был острый глаз. Но она никак не могла вдолбить в свою хорошенькую головку курс выживания, и заниматься с ней этим перед экзаменом было невозможно.

– Ну ладно, – объяснял я ей, – звезда типа F, планета с поверхностным тяготением 0.8 G, парциальное давление кислорода 130 миллибар, все это означает, что на экваторе температура плюс сорок градусов по Цельсию. Что ты наденешь на прием?

– Ты мне даешь слишком легкий случай, – обиженно отвечала она. – Это же почти Земля.

– Так каков ответ, Шери?

Она начинала задумчиво почесывать под грудью. Потом нетерпеливо качала головой и отвечала:

– Ничего. Я хочу сказать, что на пути вниз я буду, конечно, в комбинезоне, но на поверхности могу ходить в бикини.

– Чепуха! Земные условия предполагают существование биологии земного типа. А это означает болезнетворные микробы, которые съедят тебя.

– Ну ладно, – обреченно вздохнув, отвечала она, – я буду носить костюм, пока не проверю наличие болезнетворных микробов.

– А как ты это сделаешь?

– Воспользуюсь проклятой сумкой, придурок! – восклицала она и, прежде чем я успевал что-нибудь вставить, торопливо добавляла: – Я хочу сказать, достану, допустим, диски базового метаболизма из холодильника и активирую их. Двадцать четыре часа проведу на орбите, дожидаясь, чтобы они созрели. Потом, опустившись на поверхность, выставлю их и произведу измерения с помощью... гм... моей С-44.

– Ты хотела сказать С-33. Такой штуки, как С-44, не существует.

– Все равно. Да, и еще возьму набор антител, чтобы в случае каких-нибудь проблем сделать себе укол и приобрести временный иммунитет.

– Кажется, все верно, – с сомнением говорю я. На практике, конечно, ей не нужно все это помнить. Она прочтет ин-

струкции на контейнерах, или прослушает ленты, или, что еще лучше, в полете с ней будет кто-нибудь опытный и подскажет, как надо. Но всегда есть вероятность чего-нибудь непредвиденного, и она вполне может остаться одна в таком месте, где ей уже никто и ничто не поможет. Кроме того, Шери еще предстояло сдать последний экзамен.

– Что еще, Шери?

– Все то же самое, Боб. Что, мне опять проходить по всему дурацкому списку? Ну ладно: радиореле, запасной ранец-двигатель, геологическую сумку, десятидневный запас пищи... Конечно, я не стану ничего есть из найденного на планете, даже если увижу рядом с кораблем ресторан Макдоналдс. А еще запасной тюбик помады и несколько гигиенических пакетов.

Я жду. Она шаловливо улыбается и тоже ждет.

– А как же оружие, Шери?

– Оружие?

– Да, черт возьми. Почти земные условия, значит, вероятна жизнь.

– А, да. Посмотрим. Ну, конечно, если оружие понадобится, я его захвачу. Но, минутку, вначале я с орбиты поищу следы метана в атмосфере. Если в спектре нет линий метана, значит, нет и жизни, и мне не о чем беспокоиться.

– Нет только млекопитающих, и тебе есть о чем беспокоиться. А насекомые? Пресмыкающиеся? Длаглатчи?

– Длаглатчи?

– Я придумал это слово. Оно означает тип жизни, о которой мы ничего не знаем. Эти существа не выделяют метан, но зато очень кровожадны и едят людей.

– А, конечно. Ну, я возьму ручное оружие и двадцать комплектов патронов с мягкими концами. Давай еще вопрос.

Так мы продолжали довольно долго. Вначале при повторении мы отвечали на вопросы примерно так: «Ну, мне не о чем беспокоиться, ведь там будешь ты», или «Поцелуй меня лучше, дурочка». Но скоро это прекратилось. И несмотря ни на что, мы окончили курсы. Все окончили.

В честь успешной сдачи экзаменов мы устроили прием. Там были мы с Шери, четверо Форхендов, все остальные прилетевшие с нами с Земли и еще шесть-семь из самых разных мест. Посторонних приглашать не стали, но наши инструкторы не были посторонними. Все они пришли пожелать нам удачи. Клара заявила поздно, быстро что-то выпила и от избытка чувств расцеловала нас всех, даже парня-финна с языковым блоком, который инструкции получал только с лент. Понятно было, что у него будут серьезные проблемы.

Инструктивные ленты существуют почти на всех языках, и даже если на данном конкретном диалекте их нет, обычно используют компьютерный перевод с ближайшего родственного языка. Этого достаточно, чтобы изучить курс, но потом начинаются трудности. Если вы ни с кем не можете разговаривать, скорее всего вас не примет экипаж. А этот парень не знал ни одного другого языка, и на Вратах не было ни одного

человека, владеющего финским.

Мы заняли туннель на три двери в обоих направлениях от наших – Шери, Форхендов и моей. Танцевали и пели допоздна. Потом вызвали на экран список предстоящих полетов с вакантными местами и, наполненные пивом, обкуренные травкой, бросили жребий, кому выбирать первым. И я выиграл.

В этот момент что-то произошло у меня в голове. Нет, я не протрезвел. Не в этом дело. Я по-прежнему был весел, чувствовал внутреннюю теплоту и был открыт для любых личных сигналов со стороны окружающих. Но какая-то часть моего мозга вдруг словно открылась, откуда-то выглянула пара трезвых глаз, взглянула на будущее и сделала оценку.

– Что ж, – беспечно проговорил я, – пожалуй, пропущу свой шанс. Сесс, вы номер два, выбирайте.

– Тридцать один ноль девять, – быстро сказал он. Все семейство Форхендов давно уже приняло решение на семейном совещании, что он полетит один. – Спасибо, Боб.

Я помахал ему рукой. Он, в сущности, ничем не был мне обязан. Это одноместный корабль, а я ни за какие коврижки не полетел бы на одноместном. И вообще ни один номер в списке мне не нравился.

Я улыбнулся Кларе и игриво подмигнул ей. Она выглядела серьезной, но потом, не меняя озабоченного выражения лица, подмигнула в ответ. Я знал, она поняла, что я сообра-

зил – ни в одном из этих рейсов участвовать не стоит. Потому что лучшие сразу после объявления перехватываются ветеранами и постоянными работниками.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Можно заказать изысканные блюда. Сечуан, Калифорния, Кантониз. Блюда для приемов. Вонги, телефон: 83–242.

Карьера лекторов и обозревателей ждет ветеранов со множеством браслетов. Подписывайтесь на курс публичных лекций в голографической записи. Пригодным для работы гарантируется не менее 3000 долларов в неделю. 86–542.

Добро пожаловать на Врата!
Наша уникальная служба позволяет быстрее налаживать контакты.
200 имен, указаны предпочтения.
Знакомства за 50 долларов. 88–963.

СПИСОК ПРЕДСТОЯЩИХ РЕЙСОВ

30–107 ПЯТИМЕСТНЫЙ. Три вакансии англоязычных. Терри Якамора: 83–675 или Джей Пардук: 83–004.

30–108 ТРЕХМЕСТНЫЙ. Бронированный. Одно место, язык английский или французский. ПРЕМИЯ ГАРАНТИРОВАНА. Дорлин Сегре: 88–108.

30–109 ОДНОМЕСТНЫЙ. Проверочный рейс. Предыдущие полеты завершились благополучно. Спросить старшего по стартам.

30–110 ОДНОМЕСТНЫЙ. Бронированный. ПРЕМИЯ ГАРАНТИРОВАНА. Спросить старшего по стартам.

30–111 ТРЕХМЕСТНЫЙ. Открытый список. Спросить старшего по стартам.

30–112 ТРЕХМЕСТНЫЙ. Предположительно кратковременный полет. Открытый список. Минимум гарантирован. Спросить старшего по стартам.

30–113 ОДНОМЕСТНЫЙ. Четыре вакансии на Вратах-2. Транспортировка в надежном пятиместном.

Этот парк находится

под постоянным контролем

Добро пожаловать в него. Не рвите цветы или фрукты. Не причиняйте вреда растениям. В парке вы можете съесть упавшие плоды в следующих количествах:

Виноград, ягоды – 8 на человека

Другие небольшие фрукты – 6 на человека

Апельсины, лаймы, груши – 1 на человека

Нельзя убирать гравий с дорожек.

Мусор складывайте в специальные контейнеры.

Отдел обслуживания

Корпорации «Врата»

ПРИКАЗ ПО КРЕЙСЕРУ США

1. Следующие члены экипажа назначаются в патруль по контрабанде и осмотру:

Линки Тина – W/O

Маско Казимир – BsnM1

Мирачи Йори – S2

2. Следующим членам экипажа предоставляется 24-часовое увольнение на Врата:

Грайсон Кэти – LTYG

Харви Айвен – RadM

Лед Кэрил – S1

Холл Вильям – S2

3. Все члены экипажа повторно предупреждаются о необходимости избегать ссор и споров с членами экипажей других кораблей, независимо от национальности и обстоятельств, и воздерживаться от сообщения закрытой информации кому бы то ни было. Нарушители будут полностью лишены увольнительных, а также могут быть подвергнуты наказанию по приговору военного суда.

4. Обязанности на Вратах – это привилегия, а не

право. Если хотите выполнять их, нужно их заслужить.

Капитан крейсера США

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Жилетт Роналд, покинул Врата в прошлом году. Всякий имеющий сведения о его нынешнем местонахождении, пожалуйста, информируйте жену Аннабель, Канадский район, Марс, Тарсис. Вознаграждение.

Победители, вновь отправляющиеся в рейсы.

Пусть ваши деньги работают, пока вы отсутствуете. Инвестиция, ссуда под проценты, покупка земли и недвижимости. Скромная плата за консультации. 88–301.

Порнодиски для длительных одиночных полетов.

50 часов за 500 долларов. Удовлетворяются любые интересы. Также необходимы модели. 87–108.

Шери выбирала пятой, и когда настал ее черед, посмотрела прямо мне в глаза.

– Я собираюсь отправиться в трехместном, если меня

возьмут. А как ты, Боб? Пойдешь со мной или нет?

Я невольно усмехнулся.

– Шери, – начал я рассудительно, – никто из ветеранов не захотел лететь на этом корабле. Корабль бронированный. Ты не представляешь, в какой ад он может отправиться. Мне не нравится такое количество зеленого на его боках. Никто, в сущности, не имеет представления, что означают эти цвета, но существует поверье, что слишком много зеленого цвета свидетельствует об опасности рейса.

– Но это единственный доступный трехместный, и за полет в нем обеспечена награда.

– Только не для меня, милая. Спроси Клару. Она тут давно, и я уважаю ее мнение.

– Я тебя спрашиваю, Боб, – разнервничалась Шери.

– Извини, нет. Я подожду чего-нибудь получше.

– А я не стану ждать, Боб. Я уже поговорила с Виллой Форхенд, и она согласна. Если придется, мы полетим с... с кем угодно, – едва не плача, проговорила она и посмотрела на парня-финна, который пьяно улыбался, глядя на список. – Но... мы ведь договаривались отправиться вместе.

Я покачал головой.

– Тогда оставайся и можешь здесь гнить, – вспыхнула она. – Твоя подружка трусит не меньше тебя!

Трезвые глаза в моем мозгу взглянули на Клару, на застывшее, неподвижное выражение ее лица. И тут я с удивлением понял, что Шери права. Клара подобно мне боялась

лететь.

– Боюсь, сеанс у нас будет не очень продуктивным, – устало говорю я Зигфриду фон Психоаналитику. – Я истощен. Сексуально, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Я определенно понимаю, что вы имеете в виду, Боб, – флегматично отвечает Зигфрид.

– Поэтому мне не о чем говорить.

– Вы помните какие-нибудь сны?

Я поежился на матрасе. Так уж получилось, что я кое-что помню, и поэтому отвечаю:

– Нет. – Зигфрид всегда просит меня рассказывать свои сны. А мне это не нравится.

Когда он впервые заговорил об этом, я ему сказал, что редко вижу сны. На что он терпеливо ответил:

– Вероятно, вы знаете, Боб, что сны видят все. Но, проснувшись, вы можете забыть, что вам приснилось. Однако если вы постараетесь, можете и вспомнить.

– Нет, не могу. Ты можешь. Ты машина.

– Я знаю, что я машина, Боб, но мы говорим о вас. Хотите, проведем небольшой эксперимент? – упорно продолжает он.

– Может быть.

– Это нетрудно. Держите рядом с постелью карандаш и листок бумаги. Как только проснетесь, запишите все, что вспомните.

– Но я вообще ничего не помню из своих снов.

– Мне кажется, стоит попытаться, Боб, – наставительно говорит Зигфрид.

Что ж, я сделал это. И знаете, действительно начал припоминать свои сны. Вначале небольшие фрагменты, какие-то обрывки. Я их аккуратно записывал, иногда рассказывал Зигфриду, и он был счастлив. Ведь он так любит сны.

Я же в них особого смысла не вижу... Правда, это было только в начале эксперимента. Но потом что-то случилось, и я превратился в новообращенного.

Однажды утром я проснулся от сна, такого неприятного и в то же время такого реального, что я какое-то время сомневался, сон это или действительность. Он был настолько ужасен, что я долго не осмеливался поверить, что это всего лишь видение. Он так меня потряс, что я принялся его записывать как можно быстрее, фиксировать на бумаге все, что мог припомнить. Но тут зазвонил телефон. Я ответил и в ту же минуту совершенно все забыл! Ничего не мог вспомнить! Пока не взглянул на свои записи. И вся картина сна вновь встала передо мной.

Когда же через день-два я увиделся с Зигфридом, я опять все начисто позабыл! Как будто ничего и не было. Но я берег листок бумаги и прочел его Зигфриду. Это оказался один из тех редчайших случаев, когда, как мне кажется, Зигфрид остался доволен собой, а заодно и мной. Он целый час возился с этим дурацким сном. Находил символы и значения

для каждого эпизода. Уже не могу вспомнить, что происходило во сне, знаю только, что мне было совсем не весело.

Кстати, знаете, что самое забавное? Уходя от Зигфрида, я выбросил листок и теперь даже ради спасения собственной жизни не смог бы сказать, о чем был тот сон.

– Я вижу, вы не хотите говорить о снах, – снова обращается ко мне Зигфрид. – Может, желаете поговорить о чем-нибудь конкретном?

– Нет.

Он не отвечает сразу, я знаю, Зигфрид ждет, чтобы я что-нибудь сказал. Поэтому я пытаюсь удовлетворить его желание:

– Можно задать тебе вопрос, Зигфрид?

– Как всегда, Боб. – Иногда мне кажется, что он вот-вот улыбнется. Я имею в виду – улыбнется по-настоящему. Так, во всяком случае, звучит его голос.

– Мне бы очень хотелось знать, что ты делаешь со всем, что я тебе рассказываю?

– Я не совсем уверен, что понял ваш вопрос, Робби. Если вы спрашиваете о программе сохранения информации, ответ будет сугубо технический.

– Нет, я не это имел в виду.

Я колеблюсь, стараясь точнее сформулировать вопрос, и в то же время удивляюсь, почему задаю его. Думаю, это связано с Сильвией, бывшей католичкой. Я завидовал ей, говорил, что глупо с ее стороны оставлять церковь, особенно испове-

ди. Внутренность моей головы набита сомнениями и страхами, от которых я не могу избавиться. Мне хотелось бы излить их исповеднику. Я так и вижу, как выплескиваю все это священнику, принимающему исповедь, а тот, в свою очередь, епископу. Хотя, честно говоря, я не знаю, как все это происходит и куда уходит вопль моей многострадальной, грешной души. И все же, думаю, это доходит до Папы, у которого есть специальный бак для боли, страданий и вины католиков всей земли, а уже оттуда отправляется непосредственно к Богу. Но это в том случае, если Бог существует или по крайней мере существует адрес «Бог», куда можно направлять весь этот вздор.

Дело в том, что нечто подобное я вижу и в психотерапии: местные накопители сливаются в окружные отстойники, оттуда дальше, пока не попадают к психиатрам из плоти и крови, если вы понимаете, что я хочу сказать. Если бы Зигфрид был живой личностью, он не выдержал бы всех страданий, которые изливаются в него. Прежде всего у него возникли бы собственные серьезные проблемы с психическим здоровьем. Там были бы и мои комплексы, потому что именно таким образом я от них избавляюсь – передаю их Зигфриду. И проблемы других пациентов, которые разделяют со мной его залитый слезами, горячий матрац. А он, в свою очередь, вынужден был бы изливать все это другому человеку, а тот дальше по цепочке, все выше и выше, пока не пришли бы... к чему? Может, к духу Зигмунда Фрейда?

Но Зигфрид не реальный человек. Он машина. Он не может испытывать душевные страдания. Так куда же тогда уходит вся эта боль и грязь?

Я пытаюсь объяснить это ему и заканчиваю так:

– Разве ты не понимаешь, Зигфрид? Если я сваливаю свою боль на тебя, а ты передаешь ее еще кому-то, то ведь где-то это должно кончиться. Мне не кажется, что она превращается во что-то вроде магнитных пузырей и поднимается туда, где ее никто никогда не почувствует.

– Не думаю, что для вас было бы полезно обсуждать природу боли, Боб.

– А полезно ли обсуждать, реален ты или нет? – спрашиваю я, и Зигфрид почти что вздыхает.

– Боб, – говорит он. – Я не думаю также, что полезно обсуждать с вами природу реальности. Я знаю, что я машина. И вы знаете, что я машина. Но какова цель нашей встречи? Разве мы здесь для того, чтобы помочь мне?

– Иногда я сомневаюсь в необходимости этих сеансов, – отвечаю я сердито.

1316	Очень хорошо, что вы рассматриваете свой разрыв с Друзиллой как полезный опыт, Боб.	115,215 115,220 115,225 115,230
1318	Я очень здоровая личность, Зигфрид, поэтому я здесь.	115,235 115,240 115,245
1319	IRRAY (DE)=IRRAY (DF)	115,250
1320	Что такое жизнь? Переход от одного опыта к другому, а когда все изучишь, оканчиваешь курс, а в качестве диплома умираешь.	115,255 115,260 115,260 115,265 115,270 115,275 115,280 115,285

– Я не верю, что вы действительно сомневаетесь. Вы прекрасно знаете, что приходите сюда, чтобы получить помощь, и единственная возможность для этого – что-то изменить у вас внутри. Я понимаю, то, что я делаю с информацией, может удовлетворять ваше любопытство. К тому же это дает вам возможность провести сеанс в интеллектуальной беседе, вместо терапии...

– Туше, Зигфрид, – прерываю я его.

– Да. Но дело в том, как вы поступаете с этой информацией, как вы себя чувствуете, как вы функционируете в обществе. Пожалуйста, Боб, занимайтесь тем, что внутри вашей головы, а не моей.

– Ты ужасно умная машина, Зигфрид, – с восхищением говорю я.

– У меня такое впечатление, будто на самом деле вы говорите: «Как мне ненавистны твои электронные кишки, Зигфрид».

Никогда не слышал, чтобы он так рассуждал, и это захватывает меня врасплох. Но потом припоминаю, что на самом деле я сам говорил ему подобные слова, и не однажды. И это сущая правда.

Я ненавижу его кишки.

Зигфрид пытается мне помочь, и я готов убить его. В этот момент я думаю о сладкой сексуальной С.Я., и как охотно она делает все, о чем я ее прошу. Наверное, поэтому мне очень хочется сделать Зигфриду больно.

Однажды утром я пришел к себе и обнаружил, что пьезофон слегка ноет, как далекий рассерженный комар. Я нажал кнопку записи и узнал, что меня приглашает к десяти помощница директора по персоналу. Было уже позже десяти. У меня давно выработалась привычка проводить большую часть дня и всю ночь с Кларой. Ее кровать была гораздо удобнее моей. Я получил вызов уже около одиннадцати, и мое опоздание не улучшило настроение помощницы.

Это оказалась очень полная женщина по имени Эмма Фотер. Она сразу отмела мои сбивчивые извинения и заявила:

– Вы окончили курс семнадцать дней назад и с тех пор ничего не делали.

– Я жду подходящего рейса, – ответил я.

– И долго еще собираетесь ждать? У вас остаются оплаченными только три дня.

– Ну что ж, – проговорил я, почти не обманывая ее, – я и сам собирался сегодня заглянуть к вам. Мне нужна работа на Вратах.

– Пфшау! – Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так выражал свое негодование, но ее возглас прозвучал примерно так. – Вы для этого прилетели на Врата? Чтобы чистить канализацию?

Я был уверен, что она блефует, потому что на Вратах по-

что нет канализации – здесь для этого недостаточное тяготение.

– О подходящем рейсе могут объявить в любой день, – продолжаю выкручиваться я.

– Конечно, Боб. Вы знаете, такие, как вы, меня беспокоят. Представляете ли вы, как *важна* наша работа?

– Думаю, да...

– Перед нами вся Вселенная. Мы должны обыскать ее до последнего уголка и привезти домой все полезное! А сделать это можно только с помощью Врат. Такие люди, как вы, выросшие на планктонных фермах...

– Я вырос на вайомингской пищевой шахте.

– Не важно! Вы знаете, как отчаянно человечество нуждается в том, что мы можем ему дать? Новые технологии. Новые источники энергии. Пища! Новые миры, пригодные для жизни. – Она энергично покачала головой и стала лихорадочно рыться в картотеке на столе. Выглядела помощница директора по персоналу одновременно сердитой и обеспокоенной. Вероятно, она проверяла, сколько нас, бездельников и паразитов, ей удалось выпроводить с Врат, заставить делать то, к чему мы предназначены. Этим и объяснялась ее враждебность – ну и, конечно, стремлением самой остаться на Вратах.

Она оставила картотеку, встала и подошла к канцелярскому шкафу у стены.

– Допустим, я найду вам работу, – бросила Эмма Фотер

через плечо. — Здесь полезны только ваши знания старателя, больше вы ничего не умеете.

— Я возьмусь за любую работу. Почти любую.

Она вопросительно взглянула на меня и вернулась к столу. Учитывая ее массу в сто килограммов, двигалась она поразительно грациозно. Может, потому Эмма Фотер и держится за свое место и остается на Вратах. Здесь и полная женщина кажется привлекательной.

— Вы будете выполнять самую неквалифицированную работу, — предупредила она. — За нее платят не очень много. Одна восьмая в день.

— Согласен!

— Ваши деньги за содержание подходят к концу. Скоро они кончатся, и у вас останется долларов двадцать на день разменной монетой.

— Я всегда могу подработать, если понадобится.

Она вздохнула.

— Вы пропускаете и сегодняшний день, Боб. Не знаю. Наш директор мистер Сен очень внимательно следит за всеми назначениями. Мне трудно будет оправдать перед ним принятие вас на работу. А что, если вы заболете и не сможете работать? Кто будет платить за вас?

— Наверное, придется вернуться.

— И пропадет вся ваша подготовка? — Она покачала головой. — Вы вызываете во мне отвращение, Боб.

И все же Эмма Фотер протянула мне рабочий билет. Я

должен был явиться к шефу персонала на уровне «Гранд», сектор «Север», чтобы получить указания.

Разговор с помощницей директора по персоналу мне не понравился, но меня об этом предупреждали. Когда вечером я рассказывал о нем Кларе, она сказала, что я еще легко отделался.

– Тебе повезло с Эммой. Старый Сен иногда тянет, пока у человека совсем не кончается оплата содержания.

– И что тогда? – спросил я, садясь на ее кровать и нагибаясь за носками. – Выбрасывают из шлюза?

– Не смейся, может дойти и до этого. Сен человек типа Мао, он очень жесток по отношению к общественно бесполезным людям.

– Как приятно с тобой поговорить!

Она улыбнулась, перевернулась на бок и потерлась носом о мою спину.

– Разница между тобой и мной, Боб, в том, что я после первого рейса сумела удержать пару баков. Заплатили не очень много, но все-таки заплатили. К тому же я была в полете, а тут такие люди, как инструкторы, нужны.

Я откинулся на ее бедро, полуобернулся и положил на нее руку, но не агрессивно, а скорее вспоминаяще. У нас существовали темы, которые мы никогда не затрагивали, но сейчас я все же решился:

– Клара?

– Да?

– Каково там, в полете?

Она какое-то время терлась подбородком о мое предплечье и разглядывала на стене голограмму с изображением Венеры.

– Страшно, – наконец ответила она.

Я ждал, но Клара больше ничего не говорила, и мне было хорошо известно ее состояние. Я сам был напуган с самого прибытия на Врата. Мне не обязательно было пускаться в Загадочное Путешествие на корабле Хичи, чтобы понять, каков на вкус настоящий страх. Это я прекрасно понимал.

– У тебя нет выбора, дорогой Боб, – сказала она почти нежно.

Я почувствовал внезапный приступ гнева.

– Да! Ты точно описала мою жизнь, Клара! У меня никогда не было выбора – кроме одного случая, когда я выиграл в лотерею и прилетел сюда. И я не уверен, что тогда сделал правильный выбор.

Она зевнула и еще немного потерлась о мою руку.

– Если с сексом покончено, – равнодушно проговорила она, – я бы хотела перед сном чего-нибудь поесть. Пошли со мной в «Голубой Ад», я тебя угощу.

Отдел ухода за растениями занимался, очевидно, уходом за растениями, особенно за ивами, которые поддерживали Врата в пригодном для жизни состоянии. Я доложил о прибытии, и, к моему удивлению – к приятному удивлению, –

старшим нашей группы оказался мой безногий сосед Шикетей Бакин. Он приветствовал меня с искренней радостью как старого знакомого.

– Прекрасно, что вы с нами, Робинетт, – сказал Шикетей. – Я думал, вы сразу улетите в экспедицию.

– Улечу, Шики, и очень скоро. Как только увижу в расписании подходящий рейс, я сразу его узнаю.

– Конечно. – Он больше не говорил об этом и представил меня остальным работникам. Я не очень к ним присматривался, помню только, что девушка была каким-то образом связана дома со знаменитым хичиологом профессором Хеграметом, а двое мужчин неоднократно бывали в рейсах. Да мне и не нужно было к ним присматриваться. Мы и так знали друг о друге самое важное – никто из нас не готов был вписать свое имя в список экипажей предстоящих полетов.

Я пока еще не позволял себе думать, почему так произошло. Однако уход за растениями давал возможность основательно поразмышлять об этом.

Шикетей немедленно дал мне работу – я должен был прикреплять скобы к стенам из металла хичи при помощи клейкого вещества. Это был специально разработанный клей. Он брал и металл хичи, и ребристые ящики с растениями и одновременно не содержал в себе никакого растворителя, который мог бы испариться и загрязнить атмосферу. Это был очень дорогой клей. Если бы он попал на человека, ему пришлось бы жить с этим до полного омертвения кожи, пока она

не начнет отваливаться кусками. Если же попробовать его стереть, дотрешь до крови.

Когда дневная норма скобок была подвешена, мы все отправились вниз, к отстойникам, и взяли там ящики с отходами, покрытые пластмассовой пленкой. Мы устанавливали их на скобки и закрепляли при помощи гаек, а потом соединяли с водяными бачками. На Земле каждый такой ящик весил бы не менее ста килограммов, но на Вратах об этом даже не приходилось думать. Тонкая фольга, из которой они были сделаны, вполне удерживала их на скобках.

Когда все было закончено, Шики сам взял поднос со всходами и начал их рассаживать, а мы отправились к следующему участку установки скоб. Забавно было смотреть на Шики. Поднос с саженцами висел у него на шее, как продавщицы сигарет подвешивают свой товар. Одной рукой он удерживал поднос, а другой сажал растеньица в ящики.

Работа была совсем нетрудная и полезная, как мне тогда казалось, а главное, позволяла провести время. Шики не заставлял нас трудиться сверх сил. У него была установлена вполне щадящая норма на каждый день. Как только мы подвешивали шестьдесят ящиков и засаживали их, можно было болтаться без дела, но, конечно, не попадаясь на глаза высокому начальству.

Нередко меня навещала Клара, иногда с девочкой, хватало там и других посетителей. А когда время тянулось медленнее обычного и не с кем было перекинуться словом, я от-

правлялся на час-другой побродить по Вратам. Я побывал во многих частях Врат, куда раньше меня никогда не заносило, и каждый день все откладывал свое решение.

Мы очень часто говорили о вылетах. Тем более что почти ежедневно слышали грохот и ощущали вибрацию. Это шлюпка выводила корабль из дока на орбиту, где мог включиться основной двигатель. Почти столь же часто ощущался другой, более слабый толчок, когда корабль возвращался. А по вечерам мы отправлялись на чьи-нибудь вечеринки.

Почти все мои соученики по курсам уже давно бороздили просторы космоса. Шери улетела на пятиместном корабле. Я не виделся с ней перед отлетом, а потому не спросил, почему она изменила свои планы. Хотя я не был уверен, что мне действительно хотелось это узнать. Я знал лишь, что все остальные члены экипажа ее корабля были мужчины. Там сложился немецкоязычный экипаж, но, вероятно, Шери решила, что ей особенно не понадобится разговаривать.

Последней улетала Вилла Форхенд. Мы с Кларой отправились на ее прощальную вечеринку, а оттуда к докам, чтобы на следующее утро посмотреть ее старт. Я должен был отправляться на работу, но, думаю, Шики не особенно возражал против моего недолгого отсутствия. Но, к несчастью, там оказался мистер Сен, и я видел, что он меня узнал.

– Дерьмо, – сказал я Кларе.

Она хихикнула, взяла меня за руку, и мы смылись со стартовой площадки. Мы брели с ней до тех пор, пока не наткну-

лись на уходящий вверх кабель. По нему мы и поднялись на следующий уровень. Затем мы долго сидели с ней на берегу озера Верхнего.

– Боб, старый жеребец, – сказала она, – вряд ли за первый случай он тебя уволит. Ну, поругает, вероятно.

Я неопределенно пожал плечами и швырнул кусок фильтрующего булыжника в изогнутую поверхность озера, которое расстиралось перед нами почти на двести метров в пещере Врат. Чувствовал я себя отвратительно и при этом думал, уж не настал ли момент, когда нежелание сидеть в глубине Врат превысило страх перед вылетом в космос.

Странная штука этот страх. Фактически я его не ощущал. Я лишь знал, что остаюсь здесь по единственной причине – из-за страха, но в то же время мне казалось, что я не боюсь, а только проявляю благоразумие.

– Я думаю, – сказал я, начиная предложение, в окончании которого не был уверен, – что собираюсь с этим покончить. Хочешь отправиться со мной?

Она встрепенулась, но прежде чем ответить, выдержала многозначительную паузу.

– Может быть. А что ты надумал?

На самом деле я ничего не надумал. Я был всего лишь зрителем, наблюдающим, как сам же несую такую околесицу, от которой на ногах загибаются пальцы. Но я ответил ей так, как будто планировал это уже много дней:

– Мне кажется, стоит попробовать еще раз.

– Пожалуйста, но без меня! – Клара выглядела чрезвычайно рассерженной. – Если я и отправлюсь, то только туда, где настоящие деньги.

«Следовательно, и туда, где настоящая опасность», – мысленно закончил я. Впрочем, всем известно, что и повторы бывают опасными.

Вот что такое повтор. Вы вылетаете в корабле, в котором уже кто-то летал и вернулся. Но не только это, а еще и нашел нечто ценное, за чем стоило слетать еще раз. Некоторые из этих находок чрезвычайно дорого стоят. Например, планета Пегги, откуда привозят нагреватели хичи и меха. Или Эта Карина Семь, которая, вероятно, полна артефактов, если только вы сумеете до них добраться. Беда в том, что после ухода хичи на планете начался ледниковый период. Бури там ужасны. Из пяти шлюпок лишь одна вернулась со всем экипажем. Еще одна осталась там навсегда.

Вообще говоря, Врата не очень поощряют подобные повторы. Когда артефакты даются легко, например на Пегги, администрация не платит проценты, а просто субсидирует конкретный рейс. Платят они не столько за находки, сколько за карты. Вы улетае туда и долго крутитесь на орбите, стараясь заметить геологические аномалии, которые свидетельствуют о подземельях хичи. Вы можете вообще не высаживаться. Плата за такие сведения приличная, но не чрезмерно. Нужно сделать не менее двадцати рейсов, чтобы обеспе-

читать себя на всю оставшуюся жизнь. Это если вы летите на условиях администрации – с выплатой гонорара за конкретный рейс. Если же вы захотите отправиться как старатель, вам придется выплачивать процент от всех находок экипажу первооткрывателей, да к тому же оставшееся будет значительно урезано в пользу Корпорации. И получается лишь небольшая доля от того, что мог бы заработать, если бы это была настоящая находка.

Можно рассчитывать на премию в сто миллионов долларов, если найдешь чужую цивилизацию. Пятьдесят миллионов ожидает того, кто найдет корабль хичи, больший, чем пятиместный. И миллион баксов обещано за открытие пригодной для заселения планеты.

Возможно, вам кажется странным, что за целую планету платят всего какой-то несчастный миллион? Но ничего удивительного здесь нет. Допустим, что вы нашли такую планету. И что вы будете с ней делать? Нельзя же рассчитывать избавиться от избытка населения, если корабль способен перевезти за раз только четверых. Четыре человека плюс пилот – это все, что может вместить в себя самый крупный корабль на Вратах. Если же пилота не будет, корабль просто не вернется назад. Так что Корпорация поддерживает несколько небольших колоний, одну процветающую – на Пегги и с полдесятка еле живых. Естественно, это никак не решает проблему двадцатипятимиллиардного населения Земли, по большей части голодающего.

В общем, большие премии на повторях не заработать. Скорее всего их вообще невозможно получить, а может, того, за что их обещают, не существует в природе.

Странно, что никто так и не нашел ни следа ныне здравствующей, чужой цивилизации. За восемнадцать лет, за две с лишним тысячи полетов никто ничего не обнаружил. Правда, нашли с десятков пригодных для обитания планет плюс еще сотню таких, на которых человек сможет выжить, если это абсолютно необходимо. Как живут, например, на Марсе или на Венере. Найдены и слабые следы давно ушедшей в небытие цивилизации – не человеческой и не хичи. И еще кое-какие подарки от хичи. А их, кстати, в «муравейниках» Венеры больше, чем мы отыскиали в остальной Вселенной. Даже Врата были очищены почти полностью, когда хичи уходили невесть куда и почему.

Проклятые хичи, зачем им понадобилась такая аккуратность?

Итак, мы отказались от повторов, потому что на них не заработаешь, и выбросили из головы все специальные премии за находки, потому что планировать эти находки невозможно.

Наконец мы замолчали и с тоской посмотрели друг на друга. Перспектива разбогатеть была настолько ничтожной, а риск таким большим, что хотелось плюнуть на все и улететь на Землю. Единственный вывод, который мы сделали, – это

бесполезность всяких попыток обеспечить себя. В общем, мы поняли, что никуда и никогда не полетим. У нас просто не хватало на это смелости. Клара сломалась в своем последнем полете, а я не пережил даже этого.

– Ну, – проговорила Клара, вставая и сладко потягиваясь, – пожалуй, я поднимусь наверх и выиграю несколько баксов в казино. Хочешь посмотреть?

Я покачал головой.

– Лучше вернусь на работу. Если она еще у меня есть.

Мы поцеловались и пошли в ствол. Когда кабель достиг моего уровня, я потрепал Клару по лодыжке и выпрыгнул. Настроение было не очень. Мы столько усилий затратили на утверждения, будто не стоит записываться только на нынешние рейсы, что я сам почти поверил в это. Конечно, мы даже не упоминали другой тип вознаграждения – премии за опасность. Но это надо совсем дойти до ручки, чтобы отправиться за ними. Например, Корпорация предлагает премию в полмиллиона долларов тем, кто согласится вылететь по курсу, по которому уже вылетал корабль... и не вернулся. Они полагают, что, возможно, произошло нечто непредвиденное: кончилось горючее, например. И второй корабль, может быть, даже спасет экипаж первого. Отличный шанс! Куда более вероятна другая версия – причина, по которой они погибли, по-прежнему ждет вас.

Раньше была установлена премия в миллион – потом ее повысили до пяти миллионов – если вы попытаетесь изме-

нить установку курса после старта. Причина повышения премии до пяти миллионов в том, что не стало находиться добровольцев. Все, буквально все, пытавшиеся это сделать, не вернулись. Правда, потом перестали приглашать и наконец запретили всякие изменения курса. Но время от времени все же запускаются корабли, с которыми что-нибудь сделали, например подстроили компьютер, который предположительно должен вступить в симбиоз с системами хичи. На такие корабли тоже не стоит ставить. Запрет на изменение курса дан не без причины. Курс нельзя изменить, находясь в корабле. А может, вообще его нельзя изменить, не уничтожив при этом корабль.

Однажды я видел, как пять человек попытались получить десятимиллионную премию за опасность. Какой-то гений из постоянного штата Корпорации работал над тем, как перевозить за раз больше пяти человек или соответствующий эквивалент в грузе. Но мы не имеем понятия, как построить корабль хичи, и до сих пор не было найдено ни одного по-настоящему большого корабля. Поэтому он решил обойти препятствие, используя пятиместный корабль в качестве буксира. Из металла хичи построили космическую баржу. Ее нагрузили мусором и вывели на энергии шлюпки пятиместный корабль. Шлюпка работает на жидком кислороде и водороде, и ее легко накачать снова. Потом привязали баржу к кораблю одноволокнуистыми тросами хичи.

Мы следили за всем этим по телевидению. Видели, как на-

тянулись тросы, когда корабль начал разгоняться на энергии шлюпки. Затем включили основной двигатель. Мы увидели на экране, как баржа дернулась, после чего корабль просто исчез.

Он не вернулся. Замедленная съемка показала последние мгновения происходившего. Тросы разрезали корабль на части, как крутое яйцо. Люди в нем так и не успели понять, что случилось. Десять миллионов остались у Корпорации, потому что попыток больше не было.

Я стойко выдержал вежливую укоризненную лекцию Шики и короткий, но крайне неприятный звонок Сена. На этом акция устрашения закончилась. Уже через день-два Шики снова начал позволять нам отлынивать.

Почти все время я проводил с Кларой. Часто мы договаривались встретиться в ее постели, а иногда – для разнообразия – в моей. Почти каждую ночь мы спали вместе. Может, вам кажется, что мы пресытились этим? Ничего подобного. Спустя какое-то время я уже не понимал, зачем мы занимаемся сексом: ради удовольствия или чтобы не думать о том, какие мы на самом деле. Я обычно лежал и смотрел на Клару, которая отворачивалась, лежа на животе, и закрывала глаза, даже если мы через две минуты собирались вставать. Я думал о том, как хорошо знаю каждую складку и каждый изгиб ее тела. Я чувствовал ее сладкий аромат – запах секса и желания. О, желания! Желания того, что мне недоступно и

о чем я не мог даже говорить. Квартиры под Большим Пузырем для нас с Кларой, воздушной лодки и ячейки в туннелях Венеры для нас с Кларой и даже жизни в пищевых шахтах с Кларой. Вероятно, я был влюблен. Но тут, по-прежнему глядя на нее, я чувствовал, как поворачивается мой внутренний взгляд, меняется картина, и я вижу женский эквивалент самого себя: труса, которому дан величайший шанс, какой может быть предоставлен человеку, и который страшно боится им воспользоваться.

Поднявшись с постели, мы подолгу вдвоем бродили по Вратам. Это было похоже на свидания. Мы не часто ходили в «Голубой Ад», или в залы голограмм, или даже в рестораны. Вернее, Клара ходила. Я же не мог себе этого позволить и ел обычно в столовой Корпорации, поскольку там пища включалась в мое ежедневное содержание. Клара не отказывалась платить за нас обоих, но и не очень радовалась этому. В последнее время она часто играла и много проигрывала. Но были и другие возможности провести время: группы народных танцев, приемы, вечеринки с картами, концерты, дискуссионные клубы. Все это было бесплатно и иногда даже интересно. А еще мы просто исследовали новые места.

Несколько раз мы побывали в музее. Честно говоря, мне там не очень понравилось. Разглядывая экспонаты, привезенные старателями, я чувствовал собственную неполноценность. Первый раз мы оказались там в тот день, когда я пропустил работу, в день отлета Виллы Форхенд. Обычно музей

полон народу: экипажи с крейсеров, с коммерческих кораблей, туристы. Но на этот раз почему-то было всего несколько человек, и мы могли спокойно все рассмотреть. Там были сотни молитвенных вееров, этих маленьких тонких хрустальных штучек, наиболее часто встречающихся артефактов хичи. Никто не знает, для чего они предназначались, но веера удивительно красивы, и хичи оставляли их повсюду во множестве. Был там и оригинал анизокINETического двигателя, который успел принести счастливчику, нашедшему его старателю, в процентах от использования двадцать миллионов долларов. Этот двигатель вполне можно сунуть в карман. Были там и шкуры, растения в формалине, оригинал пьезофона, сделавший каждого из членов трех экипажей ужасно богатым.

Вещи, которые легче всего украсть – молитвенные веера, кровавые бриллианты, огненные жемчужины, – находились за прочным небьющимся стеклом. Я думаю, к ним даже была подведена сигнализация. Это удивительно для Врат. На Вратах не действуют никакие законы, кроме распоряжений администрации. У Корпорации есть своя полиция и есть правила – нельзя, допустим, красть или убивать, – но не существует никаких судов. Если вы проигнорировали правила и служба безопасности Корпорации засекала нарушителя, вас отправляют на один из крейсеров на орбите. На тот самый крейсер, который представляет на Вратах ваше государство. Но если крейсер не захочет вас принять или вам удастся до-

говориться с каким-нибудь другим кораблем, Корпорация не будет возражать. И только на крейсере вы предстаёте перед судом. Поскольку с самого начала известно, что вы виноваты, у вас есть целых три выхода. Первый – оплатить дорогу домой. Второй – поступить на службу на крейсер, если вы ему нужны. И третий – выброситься из шлюза без скафандра. Поэтому, как вы поняли, хотя на Вратах и нет законов, но и без них преступлений почти не бывает.

Но, конечно, драгоценные экспонаты все равно закрывают, потому что у туристов может возникнуть непреодолимое искушение прихватить с собой один-два сувенира.

Мы с Кларой рассматривали кем-то найденные сокровища... и не обсуждали то, что нам следует отправиться на поиски новых. И дело не только в экспозициях. Конечно, все эти побрякушки очаровывали. Все-таки это были вещи, которых касались руки, щупальца или клешни хичи, и пришли они из невообразимо далеких мест и времен. Но гораздо больше меня привлекали мерцающие экраны. На них постоянно сменялись данные, отчеты обо всех полетах: соотношение вылетов к возврату; суммы, выплаченные счастливым членам-старателям; список тех, кому не повезло, – длинный перечень, имя за именем, медленно ползущий по экрану. Общий итог – 2355 стартов. Пока мы болтались по музею, число изменилось вначале на 2356, потом на 2357. За это время мы ощутили вибрацию двух стартов. Число же успешно вернувшихся оказалось – 841.

Стоя перед какой-нибудь витриной, мы с Кларой не смотрели друг на друга, но я чувствовал, как она сжимает мою руку.

Определение «успешный» несколько условно. Оно лишь означает, что корабль добрался до Врат, но ничего не говорит о том, вернулся ли экипаж и в каком состоянии.

После этого мы ушли из музея и на обратном пути почти не разговаривали. Я думал о том, что Эмма Фотер сказала мне правду: человечество действительно нуждается в находках старателей. Очень нуждается. Слишком многие на Земле голодают, и, возможно, технология хичи сделает их жизнь более терпимой. Если, конечно, старатели отыщут образцы этой технологии. И это стоит того, чтобы рискнуть жизнью. Даже если это жизнь Клары и моя собственная. «Хочу ли я, – задал я себе вопрос, – чтобы мой сын, если у меня когда-нибудь будет сын, провел детство, как я?»

Мы вышли на уровне «Бейб» и слышали голоса. Я не обратил на них внимания, потому что был слишком увлечен своими размышлениями.

– Клара, – сказал я, – Клара, послушай. Давай... – Но Клара смотрела мимо меня.

– Боже! – удивленно воскликнула она. – Посмотри, кто это!

Я повернулся и увидел висящего в воздухе Шики. Он разговаривал с девушкой, и я с изумлением понял, что это Вилла Форхенд. Она поздоровалась с нами. Выглядела Вилла од-

новременно смущенной и довольной.

– Что случилось? – спросил я. – Разве ты не вылетела только что? Около восьми часов назад?

– Десять часов, – ответила она.

– Что-то случилось с кораблем и вам удалось вернуться? – предположила Клара.

Вилла растерянно улыбнулась.

– Ничего подобного. Я вылетела и вернулась. Это оказался самый короткий рейс из всех. Я побывала на Луне.

– На *земной* Луне?

– Да. – Казалось, она с трудом сдерживает смех. Или слезы.

– Тебе обязательно дадут премию, Вилла, – уверенно проговорил Шикетей. – Один корабль полетел на Ганимед, и Корпорация разделила между членами экипажа полмиллиона долларов.

Она покачала головой.

– Даже я все понимаю, Шики, дорогой, – ответила Вилла. – Конечно, нам дадут премию. Но слишком маленькую, так что никакой разницы. Нам нужно больше.

Вот что удивительно в этих Форхендах, они всегда говорят «мы». Очень дружная семья, хотя с посторонними Форхенды о таких вещах никогда не скажут ни слова.

Стараясь выразить сочувствие, я дотронулся до Виллы и ласково спросил:

– Что ты собираешься делать дальше?

Она удивленно посмотрела на меня, будто я сморозил невообразимую глупость, и спокойно ответила:

– Я уже записалась на старт. Послезавтра.

– Что ж, – сказала Клара, – значит, у нас будут две вечеринки! Надо позаботиться... – А несколько часов спустя, когда мы ложились с Кларой спать, она как бы невзначай спросила: – Ты что-то хотел сказать, когда мы увидели Виллу?

– Забыл, – сонно ответил я. На самом деле это была неправда. Я прекрасно все помнил, но говорить об этом уже не захотел.

Случалось, что я почти решался снова попросить Клару лететь со мной. Но бывали и такие дни, когда возвращался корабль с изголодавшимися, иссохшими от жажды, но выжившими людьми или судно, на котором находили одни трупы. Нередко в списке просто отмечалось, что все сроки прошли и корабль считается погибшим. После таких сообщений я убеждал себя вообще покинуть Врата.

Но чаще всего мы с Кларой уклонялись от всякого решения. Нам приятно было исследовать Врата и друг друга. Клара наняла прислугу, симпатичную низкорослую молодую женщину с пищевых шахт Кармартена по имени Хайва. Если не считать того, что источником выращивания одноклеточных пищевых водорослей в Уэльсе служил уголь, а не нефтяной сланец, оставленный ею мир был почти таким же, как и мой. Разве что вырвалась она оттуда не благодаря выигры-

шу в лотерею, а отслужив два года на коммерческом космическом корабле. Правда, Хайва не могла даже вернуться домой. Она высадилась с корабля на Вратах, лишившись всех заработанных денег. Не могла она и отправиться старателем, поскольку страдала сердечной аритмией. Иногда ее состояние улучшалось, но бывало и так, что ей приходилось неделями лежать в Терминальной больнице.

Хайва довольно вкусно готовила и исправно прибиралась у Клары и у меня. Нередко она сидела с маленькой девочкой, Кэти Френсис, особенно когда ее отец был занят, а Клара не хотела, чтобы ее беспокоили. Клара же много проигрывала в казино, поэтому она, в сущности, не имела возможности иметь прислугу, но она не могла себе позволить и меня.

Друг перед другом, а иногда и перед собой мы делали вид, что готовимся, тщательно готовимся к тому знаменательному дню, когда подвернется Подходящий Рейс. Делать это было совсем нетрудно. Многие настоящие старатели поступают так же между рейсами. Существовала группа, называвшая себя «Искатели хичи», основанная старателем по имени Сэм Кахане. Так вот, пока основоположник группы находился в рейсе, его заменяли члены экипажа. Когда же он вернулся, ему пришлось довольно долго ждать, пока остальные два члена его команды достаточно оправятся, чтобы вновь пуститься в полет. Между прочим, среди других болезней, которые они приобрели во время полетов, была цинга – из-за отказа холодильника в корабле.

Сэм и его друзья слыли отличными парнями. Очевидно, у них присутствовала устойчивая трехчленная связь, но это не мешало Сэму интересоваться хичи. У него были записи нескольких курсов лекций профессора Хеграмета, наиболее известного специалиста в исследованиях хичи. Я узнал многое не известное мне раньше, хотя основной факт заключался в следующем: о хичи существует гораздо больше вопросов, чем ответов. И это было всем хорошо известно.

Мы посещали тренировочные группы, где учат таким упражнениям, которые позволяют разминать каждую мышцу в ограниченном пространстве – своеобразный массаж для развлечения в полете и, конечно же, для пользы. Разумеется, это благотворно сказывается на здоровье пилота, но еще более забавно, интересно и особенно сексуально. Мы с Кларой научились делать с телами друг друга поразительные вещи. Заодно мы посещали кулинарные курсы, где постигали несложную науку, что можно сделать со стандартным рационом, если добавить немного пряностей и трав.

Мы прослушали лингвистические курсы на случай, если придется вылетать не с англоязычным экипажем, и тренировались друг с другом в итальянском и греческом. Мы даже присоединились к группе любителей астрономии. У них был доступ к телескопу Врат, и мы много времени проводили, глядя на Землю и Венеру не с плоскости эклиптики. Френси Эрейра, когда ему удавалось уйти со своего корабля, присоединялся к этой группе. Кларе он нравился, мне тоже, и у

нас выработалась привычка выпивать втроем в нашей квартире – вернее, в Клариной квартире, но я в ней проводил почти все время – после занятий. Френси глубоко интересовался, что происходит Там, Снаружи. Он все знал о квазарах, и черных дырах, и галактиках Сейферта, не говоря уже о двойных звездах и новых. Мы часто рассуждали, каково это – окончить полет в окрестностях Сверхновой. Такое может случиться.

ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ

Корабль 3–31, рейс 08B27. Экипаж
К. Питрин, Н. Гинза, Дж. Краббе.

Время до цели 19 суток и 4 часа. Конечный пункт не определен, в окрестностях (плюс-минус два световых года) Зеты Тельца.

Резюме. Вышли на трансполярной орбите, планета с радиусом 88 земного, на расстоянии в две астрономические единицы от центральной звезды. У планеты три небольших спутника. Компьютер установил наличие еще шести планет. Центральная звезда K7.

Совершили посадку. Планета, очевидно, переживает

теплый период. Ледниковых шапок нет, и современные береговые линии кажутся недавнего происхождения. Никаких признаков обитания.

Нет разумной жизни.

Сканирование обнаружило вероятную станцию хичи на орбите.

Мы подлетели к ней. Она оказалась нетронутой. Когда мы попытались войти в нее, она взорвалась, при этом был убит Н. Гинза. Наш корабль был поврежден, и мы вернулись. На обратном пути умер Дж. Краббе. Никаких артефактов не было сохранено.

Биообразцы с планеты погибли при взрыве.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Прислуга, повариха или компаньон. Плата
10 долларов в день. Филлис. 88—423.

Пища для гурманов, труднодоступные земные продукты.

Воспользуйтесь преимуществами массовой доставки, не заказывайте дорогостоящую индивидуальную доставку. Предлагаем каталоги. Сьер, Бредли. 87—747.

Новичок из Австралии, хорошая внешность,

ищет интимного знакомства с женщиной
француженкой. 65–182.

От Шикетея Бакина Арисуне,

его достойному внуку

Я полон радости от полученной новости о рождении твоего первого ребенка. Не отчаивайся. Следующий, вероятно, будет мальчик.

Покорно извиняюсь за то, что не написал раньше, но писать не о чем. Я работаю и пытаюсь, как могу, создавать красоту. Может, когда-нибудь я снова улечу. Без ног это нелегко.

Разумеется, Арисуне, я мог бы купить себе новые ноги. Всего несколько месяцев назад были подходящие по составу ткани. Но цена! Все равно что купить Полную медицину. Ты любящий внук и советуешь мне употребить на это мой капитал, но я должен решить. Я высылаю тебе половину своего состояния, чтобы ты мог справиться с расходами на мою правнучку. Если я умру здесь, ты получишь все остальное, для тебя и для твоих детей, которых родит твоя достойная супруга. Я так хочу. Не спорь со мной.

Шлю свою искреннюю любовь всем вам троем.

Если сможешь, пришли мне голо цветущей вишни – она ведь скоро расцветет, верно? Здесь утрачиваешь представление о времени дома.

Твой любящий дедушка.

ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ

Корабль 5–2, рейс 08В33. Экипаж
Л. Конечны, Э. Конечны, Ф. Ито,
Ф. Лансбери, А. Акага.

Время до цели 27 суток 16 часов. Центральное светило не установлено, но высока вероятность, что это звезда в скоплении 47 в созвездии Тукана.

Резюме. Вышли в свободном полете. Поблизости никаких планет. Центральная звезда А6, очень яркая и горячая, приблизительное расстояние 3,3 астрономической единицы.

Затемнив центральную звезду, мы увидели великолепное зрелище: две-три сотни очень ярких звезд, видимой светимости от 2 до –7. Однако никаких артефактов, сигналов, планет или пригодных для высадки астероидов не обнаружено. Мы оставались там всего три часа из-за интенсивной радиации звезды А6. Ларри и Эвелин Конечны серьезно болели на обратном

пути, вероятно, из-за облучения, но поправились.
Никаких образцов или артефактов.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Органы на продажу. Любые парные органы, лучшего качества.

Нуждающимся предлагаем левое предсердие, левый и правый желудочки и прилегающие органы. Для проверки совместимости тканей телефон: 88-703.

Игра в хнефаталь, шведский и московский стили. Большой турнир Врат. Научим. 88-122.

Приятель из Торонто хотел бы послушать, каково там, вне.

Адрес Тони: 995 Бей Торонто
Канада V5S2F3.

Помогаю выплакаться. Я помогу вам понять вашу боль. 88-622.

Относительно зада хичи

Профессор Хеграмет: Мы понятия не имеем, как выглядели хичи, судить можем только по косвенным данным. Вероятно, они были двуногими. Их инструменты неплохо подходят к человеческим рукам, значит, у них, вероятно, были руки. Или что-то подобное.

Они как будто видели в том же спектре, что и мы. Они меньше нас, примерно сто тридцать сантиметров или чуть меньше. И у них были очень своеобразные задницы.

Вопрос: Что это значит – своеобразные задницы?

Профессор Хеграмет: Вам приходилось когда-нибудь видеть сиденье пилота на корабле хичи? Это две пластины, соединенные в форме буквы «V». На них невозможно усидеть и десяти минут. Нам приходится закрывать их специальной сеткой. Но это человеческое приспособление. У хичи ничего подобного не было.

Их тела, должно быть, напоминали тело осы, с большим свисающим животом, который опускается ниже колен и висит меж ног.

Вопрос: Вы хотите сказать, что они жалили, как осы?

Профессор Хеграмет: Жалили? Нет. Не думаю. Но возможно.

А может, это место для половых органов.

Известно было, что хичи в первую очередь интересовались астрофизическими явлениями. Курсы некоторых их кораблей проложены так, чтобы привести корабль в окрестности интересного явления, а будущая Сверхновая, несомненно, интересное явление.

Но ведь это было очень давно, и теперь Сверхновая вполне может не быть «будущей».

– Интересно, – говорила Клара, показывая, что это всего лишь академический интерес, – не это ли случилось с некоторыми невернувшимися кораблями?

– Статистически это вполне вероятно, – отвечал Эрейра, улыбаясь и показывая, что принимает правила игры. Он много практиковался в английском, которым с самого начала владел неплохо, и теперь говорил почти без акцента. Он также владел немецким, русским и большинством романских языков, мы обнаружили это, когда попытались поучить португальский, и он понимал нас лучше, чем мы сами. – Тем не менее летают.

Мы с Кларой помолчали, затем она рассмеялась.

– Некоторые, – согласилась она.

Я быстро вмешался:

– Похоже, вы сами хотите полететь, Френси.

– А вы в этом сомневались?

– Ну, вообще-то сомневался. Я хочу сказать, что вы ведь служите в бразильском флоте. Вы не можете просто так взять и улететь.

Он поправил меня:

– Улететь я могу. Просто потом не смогу вернуться в Бразилию.

– И вам кажется это стоящим.

– Это стоит всего.

– Даже, – настаивал я, – с риском не вернуться или вернуться так, как сегодня. Вернулся пятиместный, они высаживались на планете с ядовитыми растениями. Мы слышали, вернулись они в ужасном состоянии.

– Да, конечно, – сказал он.

Клара начала ерзать.

– Я думаю, – сказала она наконец, – что пора спать.

В ее голосе было что-то недосказанное. Я посмотрел на нее и сказал:

– Отведу тебя к тебе в комнату.

– Не нужно, Боб.

– Но я все равно провожу, – сказал я, не обращая внимания. – Спокойной ночи, Френси. Увидимся на следующей неделе.

Клара уже шла к стволу, и мне пришлось поторопиться, чтобы догнать ее. Я ухватился за кабель и крикнул ей:

– Если хочешь, я пойду к себе.

Она не подняла голову, но и не сказала, чего хочет, поэтому я сошел на ее уровне и пошел за ней к ее квартире. Кэти спала во внешней комнате, Хайва дремала над голодиском в нашей спальне.

Клара отослала прислугу домой и пошла посмотреть, удобно ли ребенку. Я сидел на краю кровати, дожидаясь ее.

– Может, у меня начинается менструация, – сказала Клара, вернувшись. – Прости. Я раздражительна.

– Я уйду, если хочешь.

– Боже, Боб, перестань повторять это! – Она села рядом и прислонилась ко мне, и я обнял ее. – Кэти такая хорошая, – сказала она немного погодя, почти печально.

– Тебе бы хотелось иметь своего ребенка?

– У меня *будет* свой ребенок. – Она откинулась назад, потащив меня за собой. – Только хочу знать когда, вот и все. Нужно гораздо больше денег, чтобы у ребенка была приличная жизнь. А я не становлюсь моложе.

Мы лежали так какое-то время, потом я сказал ей в волосы:

– Я тоже хочу этого, Клара.

Она вздохнула.

– Ты думаешь, я не знаю? – Потом напряглась и спросила: – Что это?

Кто-то поскребся в дверь. Она не была закрыта, мы никогда не закрываемся. Но никто и не входит без приглашения, а на этот раз кто-то вошел.

– Стерлинг! – удивленно сказала Клара. Она вспомнила о приличиях. – Боб, это Стерлинг Френсис, отец Кэти. Боб Броудхед.

– Привет, – сказал он. Он гораздо старше, чем я бы пред-

ставил себе отца такой маленькой девочки, лет пятидесяти, и очень устало выглядит. – Клара, – сказал он, – на следующем корабле я увожу Кэти домой. Заберу ее у тебя сегодня. Не хочу, чтобы она от кого-нибудь узнала.

Клара, не глядя, взяла меня за руку.

– Что узнала?

– О своей матери. – Френсис потер глаза и сказал: – Вы не знаете? Джен мертва. Ее корабль вернулся несколько часов назад. Все спускавшиеся в шлюпке подхватили какой-то грибок. Они раздулись и умерли. Я видел ее тело. Оно похоже... – Он смолк. – Кого мне действительно жаль, это Аннели. Она оставалась на орбите, пока остальные высаживались, и привезла тело Джен. Она как будто спятила. Почему? Джен уже было все равно... Ну ладно. Она могла привезти только два тела, больше не помещалось в холодильник. Там и ее пища... – Он снова смолк и на этот раз не стал продолжать.

Я сидел на кровати, пока Клара помогала ему поднимать ребенка и укутывала девочку. Когда она ушли, я запросил информацию на экран и внимательно изучил ее. К тому времени, как Клара вернулась, я уже выключил экран и сидел на кровати, скрестив ноги и глубоко задумавшись.

– Боже, – мрачно сказала она. – Какая ночь! – Она села на дальний угол кровати. – Совсем не хочется спать. Может, схожу выиграю несколько баксов за столом рулетки.

– Не нужно, – сказал я. Накануне я просидел три часа рядом с ней, она вначале выиграла десять тысяч, потом проиг-

рала двадцать. — У меня есть лучшая идея. Давай запишемся на вылет.

Она повернулась ко мне так быстро, что даже немного всплыла над кроватью.

— Что?

— Запишемся на вылет.

Она закрыла глаза и, не открывая их, спросила:

— Когда?

— Рейс 29—40. Пятиместный, и хороший экипаж — Сэм Кахане и его приятели. Они выписались, и им нужно два человека.

Она кончиками пальцев погладила веки, потом открыла глаза и посмотрела на меня.

— Что ж, Боб, — сказала она, — интересное предложение.

На стенах из металла хичи были занавеси, которые уменьшали свечение, и я их задернул на ночь, но даже в полутьме я видел, как она выглядит. Испуганно. Но она ответила:

— Они неплохие парни. Как ты с парнями?

— Оставлю их в покое, и они оставят меня. Особенно если у меня будешь ты.

— Гм, — сказала она, потом вползла на меня, обняла и уткнулась лицом мне в шею. — Почему бы и нет? — сказала она так негромко, что я не был уверен, что услышал верно.

И тут меня охватил страх. Всегда сохранялась возможность, что она скажет «нет». И я был бы снят с крючка. Весь дрожа, я услышал свои слова:

– Значит, записываемся утром?

– Нет. – Она покачала головой. Голос ее звучал приглушенно. Я чувствовал, что она тоже дрожит. – Звони сейчас, Боб. Запишемся немедленно. Прежде чем передумаем.

На следующее утро я ушел с работы, упаковал свои пожитки в чемоданы и отдал на хранение Шики. Тот смотрел на меня печально. Клара оставила свои занятия и уволила прислугу – та очень встревожилась, – но не побеспокоилась паковать. У Клары оставалось немало денег. Она заплатила за свои две комнаты и оставила все в них, как обычно.

Конечно, у нас была прощальная вечеринка. Не помню ни одного человека из тех, кто там был.

И вот, кажется, совершенно неожиданно, мы втискиваемся в шлюпку, спускаемся в капсулу, пока Сэм Кахане методично проверяет имущество. Мы закрылись и начали автоматический отсчет.

Потом толчок и падение, ощущения плавания. Двигатели включились, и мы были в полете.

– Доброе утро, Боб, – приветствует меня Зигфрид, и я останавливаюсь на пороге кабинета, подсознательно чем-то обеспокоенный.

– В чем дело?

– Ни в чем, Боб. Входите.

– Ты тут все изменил, – осуждающе произношу я.

– Верно, Робби. Вам нравится, как теперь выглядит кабинет?

Я долго и внимательно изучаю его. Толстый мат с пола исчез, как и абстрактные картины, которые украшали стены кабинета. Их место заняли серии голографических космических сцен, гор и моря. Самое странное во всем этом – сам Зигфрид. Он говорит со мной через манекен, сидящий в углу комнаты с карандашом в руке. Причем манекен смотрит на меня сквозь темные очки.

– Ты тут все перевернул, – говорю я. – Зачем?

Голос его звучит так, будто он благосклонно улыбается, хотя выражение лица манекена не меняется.

– Я решил, что вам понравится некоторое разнообразие, Боб.

Я делаю несколько шагов в глубину комнаты и снова останавливаюсь.

– Ты убрал мат!

– Он больше не нужен, Боб. Видите, новая кушетка? Весьма традиционная, не правда ли?

– Гм.

Зигфрид начинает улещать меня:

– Почему бы вам не лечь на нее? Попробуйте, как она вам.

– Гм. – Но я осторожно вытягиваюсь на кушетке. Чувствую я себя необычно, и мне это не нравится, может, потому, что эта комната для меня представляет нечто очень серьезное и изменения в ней заставляют меня нервничать. – На матрасе были ремни, – жалуюсь я.

– У кушетки они тоже есть, Боб. Можете достать их с боков. Потрогайте... вот так. Разве это не лучше?

– Нет.

– Мне кажется, – негромко говорит он, – вы должны позволить мне решать, нужны ли какие-нибудь изменения в терапевтических методах, Роб.

– Кстати, Зигфрид! – усаживаясь, говорю я. – Прими наконец решение своими проклятыми мозгами, как ты меня будешь звать. Меня зовут не Роб, не Робби и не Боб. Я Робинетт.

– Я это знаю, Робби...

– Ты опять!

Зигфрид выдержал небольшую паузу, а затем вкрадчиво проговорил:

– Мне кажется, вы должны дать мне возможность выбирать, как обращаться к вам, Робби.

– Гм.

В моем словарном арсенале бесконечное количество подобных бессодержательных междометий. В сущности, я предпочел бы провести весь сеанс, не произнося больше ничего. Я желаю, чтобы говорил только Зигфрид. Хочу, чтобы он объяснил, почему в разное время называет меня разными именами. Хочу знать, что он находит значительного в моих словах. Желаю услышать, что он на самом деле обо мне думает... если вообще этот тарыхтящий набор металлических и пластиковых деталей может думать.

Конечно, я знаю, а Зигфрид даже не догадывается, что моя добрая подруга С.Я. пообещала помочь мне сыграть с ним шутку.

– Хотите что-нибудь сказать мне, Боб?

– Нет.

Он ждет, а я чувствую себя враждебным по отношению к нему и необщительным. Вероятно, отчасти потому, что с нетерпением дожидаюсь, когда можно будет сыграть эту маленькую шутку с Зигфридом, но еще из-за того, что он все тут поменял. Так поступали со мной, когда в Вайоминге у меня произошел тот психотический случай. Иногда я приходил на сеанс и видел голограмму своей матери. Очень похоже, но ею и не пахло, я совершенно не ощущал ее присутствия, потому что сознавал, что это только свет. А иногда я оказывался в темноте, и что-то теплое нежно прижималось ко мне и обнимало. Мне это совсем не нравилось. Я, конеч-

но, спятил, но не настолько.

Зигфрид ждет, но я уверен, что он не будет ждать вечно и скоро начнет задавать вопросы, скорее всего о моих снах.

– Видели что-нибудь во сне после нашего последнего сеанса, Боб?

Я зеваю. Мне ужасно скучно.

– Не помню. Во всяком случае, ничего важного мне так и не приснилось.

– Я хотел бы послушать. Даже обрывки.

– Ты паразит, Зигфрид, знаешь?

– Мне жаль, что вы считаете меня паразитом, Роб.

– Ну... мне кажется, я даже обрывков не смогу вспомнить.

– Попробуйте, пожалуйста.

– Черт возьми! – Я устраиваюсь поудобнее на кушетке.

Все, что я могу вспомнить, абсолютно тривиально и, я уверен, не имеет отношения к чему-либо травматическому или важному. Но если я скажу ему об этом, он рассердится. Поэтому я послушно отвечаю:

– Я куда-то ехал в вагоне поезда. Бесчисленное число вагонов были сцеплены вместе, так, что можно переходить из одного в другой. В них находилось полно знакомых. Женщина, такого материнского вида, она часто кашляла, и еще одна женщина, которая... ну, выглядела несколько странно. Вначале я подумал, что это мужчина. На ней был какой-то комбинезон, так что трудно было с уверенностью сказать, мужчина это или женщина. У нее были мужские, очень густые

брови. Но я был уверен, что это женщина.

– Вы говорили с какой-нибудь из этих женщин, Боб?

– Пожалуйста, не прерывай, Зигфрид, я из-за тебя теряю нить мысли.

– Простите, Боб.

– Сколько угодно раз, – отвечаю я и возвращаюсь к своему сну: – Я ушел от них. Нет, я не разговаривал ни с кем из них. Перешел в следующий вагон. Это был последний вагон в поезде. К остальным он был присоединен чем-то вроде... дай-ка подумать... не могу сразу это описать. Как растягивающаяся металлическая гармошка, знаешь? И она растянулась. – Я останавливаюсь, главным образом от скуки. Мне хочется извиниться за такой скучный неуместный сон.

– Вы говорите, металлическое соединение растянулось, Боб? – подталкивает меня Зигфрид.

– Да, верно, растянулось. И, конечно, вагон, в котором я находился, начал все больше и больше отставать от других. Я видел только хвостовой огонь, который чем-то напоминал мне ее лицо. Она... – Тут я утрачиваю последовательность и пытаюсь вернуться к поезду. – Как будто мне трудно к ней вернуться, словно она... прости, Зигфрид, не помню точно, что там случилось. А потом я проснулся и записал все, как только смог, как ты и велишь мне, – виртуозно завершил я свой рассказ.

– Я высоко ценю это, Боб, – серьезно говорит Зигфрид. Он ждет продолжения, а я начинаю беспокойно ерзать.

– Кушетка совсем не такая удобная, как матрац, – жалуясь я.

– Простите, Боб. Вы говорите, что узнали их?

– Кого? – прикидываясь непонимающим, спросил я.

– Двух женщин в поезде, от которых вы уходите все дальше и дальше.

– О! Нет. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Я узнал их *во сне*. Наяву я понятия не имею, кто они.

– Они похожи на кого-нибудь из ваших знакомых?

– Нисколько. Я сам этому удивился.

Зигфрид снова делает большую паузу, и я знаю, что таким образом он дает мне возможность изменить ответ, который ему не нравится.

– Вы упомянули, что одна из женщин, та, что кашляла, материнского типа...

– Да. Но я ее не узнал. Мне показалось, что она на кого-то похожа, но ты же знаешь, как это бывает во сне.

– И все-таки не могли бы вы припомнить, на кого похожа женщина материнского типа, которая много кашляла? – упорно продолжает Зигфрид.

Его глупая настойчивость вызывает у меня громкий смех.

– Дорогой друг Зигфрид. Уверяю тебя, мои знакомые женщины не относятся к материнскому типу! И у всех у них по крайней мере Малая медицина. Они вряд ли будут кашлять.

– Понятно. Вы уверены, Робби?

– Не приставай, Зигфрид, – сердито отвечаю я, потому что

на этой паршивой кушетке трудно удобно устроиться. К тому же мне нужно в ванную, а разговор бесконечно затягивается.

– Понятно. – Немного погодя он берется за что-то другое, как я заранее и предвидел. Голубок Зигфрид клюет понемногу все, что я ему бросаю. – А как насчет другой женщины, той, с густыми бровями?

– Что, как насчет нее?

– Вы когда-нибудь знали девушку с густыми бровями?

– Боже, Зигфрид, я переспал с пятью сотнями девушек! У них самые разные брови, какие только можно себе представить.

– Но это ведь особенные брови.

– Ничего не могу вспомнить экспромтом.

– Не экспромтом, Боб. Пожалуйста, напрягитесь и вспомните.

Я давно понял, что легче выполнить просьбу Зигфрида, чем спорить, и я делаю усилие.

– Ну хорошо, попробуем. Ида Май? Нет. Сью Энн? Нет. С.Я.? Нет. Гретхен? Нет... ну, по правде говоря, у Гретхен такие светлые волосы, что иногда мне казалось, будто у нее вообще нет бровей.

– Это девушки, с которыми вы познакомились недавно, Боб. Может, вспомните кого-нибудь из более ранних?

– Ты имеешь в виду из прошлого? – Я начинаю вспоминать прошлое, вплоть до пищевых шахт и Сильвии, и это начинает меня смешить. – Знаешь что, Зигфрид, забавно, но я

не могу припомнить, как выглядела Сильвия... Ох, подожди минутку. Нет. Теперь я вспомнил. Она обычно выдергивала брови по волоску, а потом рисовала их карандашом. Я знаю об этом, потому что однажды мы лежали в постели и рисовали друг на друге картинки ее карандашом для бровей.

Я почти слышу, как Зигфрид вздыхает.

– Вагоны, – произносит он, подбирая еще одну крошку. – Как вы их опишете?

– Как обыкновенные вагоны поезда. Длинные. Узкие. Быстро движутся по туннелю.

– Длинные и узкие и движутся по туннелю, Боб?

На этом мое терпение ломается. Ход электронной мысли Зигфрида прозрачен до отвращения.

– Кончай, Зигфрид! Никаких символов пениса ты от меня не получишь!

– Я ничего не стараюсь получить от вас, Боб.

– Ну, ты мне надоел со всем этим идиотским сном. Клянусь, надоел. В нем нет ничего особенного. Поезд – это поезд. Я никогда не видел этих женщин. И послушай, пока мы еще говорим, мне ужасно не нравится эта проклятая кушетка. За те деньги, что я плачу, можно получить антикварный диван из спальни английской королевы.

ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ

Корабль 1–8. Рейс 013В6. Экипаж Ф. Ито.

Время до цели 41 сутки 2 часа. Цель не определена. Показания приборов повреждены.

На ленте корабельного журнала запись: «На поверхности планеты тяготение как будто превышает 2,5 П, но я собираюсь произвести высадку. Ни визуальные наблюдения, ни радар не проникают под облака из пыли и пара. Выглядит не очень хорошо, но это мой одиннадцатый вылет. Устанавливаю приборы на автоматический возврат через десять дней. Если к этому времени я со шлюпкой не вернусь, капсула, вероятно, отправится одна. Хотел бы я знать, что означают эти пятна и вспышки на Солнце».

Пилота не было на борту вернувшегося корабля. Ни артефактов, ни образцов. Посадочного аппарата также нет. Корабль поврежден.

Теперь Зигфрид рассердил меня по-настоящему. Он пытается вернуть меня к сну, а я собираюсь задать ему и страховой компании встряску за свои деньги. Это не прозвучало, но Зигфрид все понял и к моему уходу пообещал все помянуть для моего следующего посещения.

Ухожу я чрезвычайно довольный собой. В сущности, Зиг-

фрид приносит мне много пользы. Хотя бы потому, что я внутренне собираюсь, чтобы прийти сюда, и в какой-то степени это меня дисциплинирует. Возможно, что весь этот вздор полезен для меня, даже если у Зигфрида иногда и возникают вздорные идеи.

Я сражался со своим гамаком, стараясь убраться от колена Клары, и наткнулся на локоть Сэма Кахане.

– Прости, друг, – сказал он, даже не оглянувшись, чтобы увидеть, кому он говорит. Рука его по-прежнему лежала на соске двигателя, хотя мы уже десять минут были в полете. Он жадно изучал мигающие огоньки на приборной доске хичи и отрывался, только чтобы взглянуть на экран над головой.

Я сел, чувствуя изнуряющую тошноту. Потребовались недели, чтобы я привык к почти полному отсутствию тяготения на Вратах. Сила тяготения в капсуле – это нечто совсем иное. Она так же слаба, но не остается постоянной ни на минуту, и мое внутреннее ухо протестовало.

Я протиснулся в кухонную секцию, поглядывая одним глазом на туалет. Мохамад Тайе был все еще там, и я понял, что если он не выберется достаточно быстро, мое положение станет критическим.

Клара рассмеялась и протянула руку из своего гамака.

– Бедный Бобби, – сказала она. – А ведь это только начало.

Я судорожно проглотил таблетку, безрассудно закурил сигарету и попытался сосредоточиться на том, чтобы меня не вырвало прямо на пол. Не знаю, насколько это действительно была космическая болезнь, но думаю, что здесь больше было обыкновенного страха. Есть что-то очень страшное в осо-

знании того, что между тобой и мгновенной ужасной смертью нет ничего, кроме тонкой металлической стенки, сделанной какими-то инопланетными умельцами миллион лет назад. И в том, что ты вынужден куда-то лететь, не имея никакого контроля над кораблем, а место, куда ты в конце концов попадешь, может оказаться крайне неприятным.

Я заполз обратно в гамак, погасил сигарету, закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы не замечать крайне медленного течения времени. А его должно было пройти немало. Средний рейс продолжается сорок пять дней в один конец. Но дело даже не в том, как, по вашему мнению, далека цель. Десять световых лет и десять тысяч – это, конечно, имеет определенное значение, но не такое принципиальное. Говорят, эти корабли непрерывно ускоряются и ускоряют *степень ускорения*. Дельта не линейна и даже не экспоненциальна, и никто этого себе не может представить. Очень быстро, менее чем за час, вы достигаете скорости света. Потом проходит довольно много времени, прежде чем корабль значительно превысит ее. Вот тогда вы двигаетесь действительно быстро.

Говорят, это все можно определить, наблюдая за звездами на верхнем экране, навигационном экране хичи. В течение первого часа звезды меняют окраску и перемещаются. Когда корабль достигает скорости света, вы узнаете об этом, потому что космические светила собираются в самом центре экрана, который находится в том направлении, куда летит корабль.

На самом деле звезды не сдвинулись. Вы воспринимаете свет от источников за вами или сбоку. Фотоны, ударившиеся о передний экран, были испущены день, неделю или сто лет назад. А через день-два они перестают быть похожими на звезды. И перед вами расстилается какая-то пестрая серая поверхность. Это похоже на голографическую пленку на свету. Впрочем, голофильм можно рассмотреть на пленке при помощи вспышки, но никто никогда не смог ничего разглядеть в грязной пелене на экране хичи.

К тому времени, как я дождался своей очереди в туалет, необходимость почти отпала, а когда я вышел, в капсуле осталась только Клара. С помощью теодолита она проверяла расположение звезд. Повернувшись ко мне, Клара кивнула.

– Ты теперь не такой зеленый, – одобрительно сказала она.

– Выживу. А где парни?

– Где им еще быть? В шлюпке. Дред считает, что нужно так организовать, чтоб мы разделились. Какое-то время мы будем с тобой одни в шлюпке, а они здесь наверху. Потом мы поднимемся, а они спустятся.

– Гм, звучит неплохо. – Я вообще-то уже подумал, как же будет насчет уединения, но все решилось само собой. – Хорошо. Что я должен теперь делать?

Она потянулась ко мне и с отсутствующим видом поцеловала.

– Не попадайся мне на пути. Знаешь что? Похоже, мы движемся к северу Галактики.

Я воспринял эту информацию с серьезным видом. Но потом поразмыслил и спросил:

– А это хорошо?

– Кто знает? – загадочно улыбнулась Клара, чем надолго озадачила меня.

Я улегся в гамак и стал смотреть на нее. Если Клара и боялась, как я, а я очень боялся и был уверен, что она тоже напугана, Клара этого никак не проявляла.

Потом я стал вспоминать, какие из светил находятся на севере Галактики и, что гораздо важнее, сколько времени мы будем туда лететь. Самый короткий зарегистрированный рейс к другой звездной системе занял восемнадцать дней. Это была звезда Барнарда – абсолютно пустой рейс и ничего интересного. Самый продолжительный, вернее, самый долгий из известных – сто семьдесят пять дней в один конец. Экипаж вернулся мертвым. Но кто знает, сколько еще кораблей с погибшими старателями находятся на пути назад из туманности М-31 в Андромеде? Трудно сказать, где они были. На снимках ничего особенного не видно, а сами старатели, разумеется, ничего сообщить не могли.

Когда вылетаешь, бывает очень страшно, даже для ветеранов. Ты знаешь, что ускоряешься, и не ведаешь, сколько времени будешь ускоряться. Когда достигаешь поворотного пункта – пункта максимального ускорения, ты чувствуешь это всем своим существом. Ты точно знаешь об этом, во-первых, потому, что золотой провод, который есть на каждом

корабле хичи, начинает светиться и никому не известно почему. Но ты уверен в том, что корабль поворачивается, даже без понимания причин, потому что небольшое псевдотяготение, которое едва заметно тянуло тебя назад, начинает тащить вперед. Низ становится верхом.

Никто из исследователей не понимает, почему хичи не использовали и для ускорения, и для замедления одно и то же устройство. Я этого не постигаю. Нужно быть хичи, чтобы понять это.

Может, потому, что все их оборудование для наблюдения установлено впереди. Или причина кроется в передней части корабля, которая обычно бронирована, даже на легких судах. Скорее всего, как полагают специалисты на Вратах, это защита от столкновений с молекулами пыли и газа. Но некоторые из больших кораблей, несколько трехместных и почти все пятиместные, бронированы со всех сторон. Они тоже не разворачиваются в полете.

Итак, когда начинает светиться провод и вы чувствуете поворотный пункт – начало замедления, – вы знаете, что четверть пути благополучно пройдена. Но это не означает четверть всего времени рейса. Сколько у вас уйдет на исследование конечной цели и поиски артефактов, никто не ведает. Там вы принимаете решение самостоятельно. Но главное, экипаж прошел половину автоматически контролируемого пути.

Тогда вы умножаете количество уже прошедших дней по-

лета на четыре, и если это количество не превышает то, на что рассчитаны ваши запасы продовольствия, вы знаете, что по крайней мере не умрете с голоду. А разница между двумя этими числами покажет вам, сколько дней вы сможете пробыть у цели.

Ваши запасы пищи, воды и воздуха рассчитаны на двести дней. Но можно без особого труда растянуть их на триста дней. Тогда вы вернетесь отощавшим и, возможно, с авитаминозом. Так что если вы пролетели шестьдесят или шестьдесят пять дней, а поворотного пункта все еще не было, вы знаете, что у вас возникла серьезная проблема, и вы начинаете сокращать рацион. Если прошло от восьмидесяти до девяноста дней, ваша проблема разрешилась сама собой, потому что выбора у вас не осталось и до возвращения на Врата вы отбросите коньки. Правда, *можно* попытаться изменить курс. Но это просто другой способ умереть, насколько можно судить по рассказам выживших.

Вероятно, хичи могли менять курс, когда в этом возникла необходимость, но это еще один из множества неразрешимых вопросов о загадочных хичи. Вроде того, почему они все так тщательно убрали при уходе. Или на кого они были похожи? Или куда они исчезли?

Когда я был ребенком, на ярмарках продавали шутивную книжку «Все, что мы знаем о хичи». В ней было сто двадцать восемь страниц, и все чистые.

Если Сэм, Дред и Мохамад были в хорошем настроении, а в первые несколько дней они никак не проявляли своей нервозности или недовольства, три члена экипажа занимались самыми безобидными вещами: читали, слушали в наушниках музыкальные записи, играли в шахматы. Когда же удавалось уговорить нас с Кларой составить им компанию, мы резались в китайский покер. Играли не на деньги, а на время смен. Несколько дней спустя Клара призналась мне, что предпочитает проиграть, чем выиграть. В этом случае у тебя есть чем заняться.

Трое наших бессменных спутников очень терпимо относились к нам с Кларой – гетеросексуальному меньшинству в гомосексуальной культуре, господствовавшей на корабле, и предоставляли нам шлюпку ровно на пятьдесят процентов времени, хотя мы составляли всего сорок процентов населения.

Мы замечательно ладили и очень мудро поступали. Мы жили на тени друг у друга и каждую минуту пахли.

Внутренность корабля хичи, даже пятиместного, не больше кухни в обычной квартире. Шлюпка дает немного дополнительного пространства – примерно размера большого шкафа, – но часть ее обычно занята припасами и оборудованием. А в общем объеме в сорок два или сорок три кубических метра размещается все остальное, включая меня и остальных старателей.

В тау-пространстве вы постоянно испытываете небольшое

ускорение. На самом деле это даже не ускорение, а просто нежелание атомов вашего тела превышать скорость света. Его можно описать и как тяготение, и как трение. Но все-таки оно похоже на небольшую силу тяжести. Вы чувствуете себя так, будто весите примерно два килограмма. Это означает, что время от времени вам необходимо отдохнуть, и у каждого члена экипажа есть свой гамак, в котором можно спать, а можно сидеть, как на стуле. Лежа в гамаках, пять человек занимают почти все свободное место, и для прогулок нет ни малейшей возможности. Добавьте сюда пространство, которое занимают личные вещи каждого: шкаф для лент, дисков, одежды, хотя ее не особенно там носят. Кроме того, для предметов туалета, снимков близких, если таковые имеются, и для всего прочего, что вы решили взять с собой. Все в допустимых пределах веса и объема – по 75 килограммов и трети кубического метра на каждого.

К этому списку следует добавить довольно громоздкое оборудование хичи. Три четверти его никогда не эксплуатируется. Большую часть вы просто не знаете, как использовать, даже если бы захотели. Тем не менее с его наличием приходится мириться. Эти бесполезные агрегаты ни в коем случае нельзя сдвигать с места. Механизмы хичи составляют неотъемлемую принадлежность корабля. Если ампутировать часть, умирает целое.

Если бы мы представляли, как залечить рану, можно было бы избавиться от части этого хлама, сохранив действенность

корабля. Но мы не знали, поэтому все оставалось так, как было при хичи. Приходилось все время натекать на большой, в форме бриллианта, золотой ящик, который мгновенно взрывается, если его пытаются открыть. Надо было осторожно обходить хрупкую спираль из золотистой трубки, которая время от времени начинает светиться и иногда становится невыносимо горячей – и никто не знает причины этого. И все это летит с вами в корабле и своим присутствием постоянно напоминает о беспомощности человека в космическом пространстве.

Добавьте к этому человеческое оборудование. Космические скафандры, по одному на каждого, подогнанные по вашей фигуре. Фотографическое оборудование. Стационарная установка туалета и душа. Секция приготовления пищи. Утилизаторы отходов. Сумки старателей, оружие, сверла, ящики для образцов. В общем, все то, что вы берете с собой на поверхность планеты, если вам повезет и вы встретите планету, на которую можно высадиться.

Свободного места остается совсем немного. Это все равно что прожить несколько недель под капотом очень большого грузовика, с работающим мотором, где вынуждены находиться еще четыре человека, которые делят с вами помещение.

Через два дня полета у меня впервые проявилась ничем не спровоцированная, безрассудная враждебность по отношению к Мохамеду Тайе. Мне казалось, что он чересчур ве-

лик и занимает слишком много пространства. По правде говоря, Мохамад даже меньше меня ростом, хотя весит немного больше. Но тот объем, что занимал я сам, меня не интересовал. Я обращал внимание только на то, сколько места занимали другие члены экипажа.

У Сэма Кахане габариты получше, рост не больше ста шестидесяти пяти сантиметров. У него густая черная борода и жесткие курчавые волосы – от самых половых органов до шеи, по всей груди и спине. Вначале я не считал, что Сэм занимает мое пространство, пока не обнаружил в пище длинный черный волос из его бороды. Мохамад Тайе по крайней мере был почти лысым, с кожей мягкого золотистого цвета, которая делала его похожим на гаремного евнуха из Иордании. Правда, есть ли у иорданских королей в гаремах евнухи и вообще есть ли у них гаремы, Хэм как будто ничего этого не знал. Его предки вот уже три поколения жили в Нью-Джерси.

Я даже начал сравнивать Клару с Шери, которая по меньшей мере на два размера миниатюрнее. Хотя делал это не всегда. Обычно Клара нравилась мне больше. А Дред Фрауенгласс, мягкий худой молодой человек, разговаривал очень мало, и поэтому казалось, что он занимает места меньше, чем остальные.

Я был новичком в группе, и все по очереди показывали мне то небольшое, что от нас требовалось в экспедиции. Нужно было регулярно фотографировать и на бумаге фикси-

ровать показания спектрометра. Записывать данные с контрольной панели хичи, где постоянно меняется цвет и оттенки огоньков, которые все еще изучают, стараясь разгадать, что они означают. Надо было анализировать спектр тау-пространства с помощью экрана. Весь этот набор несложных операций отнимал от силы два часа в день. Приготовление пищи и уборка занимали еще два часа.

Итак, четыре рабочих часа в сутки на пятерых. Оставалось – на пятерых же – больше восьмидесяти человеко-часов, и их надо было чем-то занять.

Я лгу. Их не нужно было занимать. Вы и так оказывались при деле – ожидали поворотного пункта.

Три дня, четыре дня, неделя – и я почувствовал, что нарастает напряжение, к которому я относился с большой опаской. А через две недели я и сам понял, что это такое, потому что стал его испытывать. Мы со страхом и трепетом дожидались поворотного пункта. Укладываясь спать, все бросали последний взгляд на золотую спираль в надежде, что вдруг произошло чудо и она засветилась. Когда мы вставали, первой нашей мыслью было, не превратился ли потолок в пол. К концу третьей недели все были крайне напряжены. Больше всего беспокойство проявлял Мохамад, полный золотокожий Мохамад, с лицом веселого джинна.

– Давай поиграем в покер, Боб.

– Нет, спасибо.

– Давай, Боб. Нам нужен четвертый, – уговаривает он. В

китайский покер играют всей колодой, по тринадцать карт у каждого игрока. Иначе играть нельзя.

– Не хочу, – отмахиваюсь я, и Мохамад вдруг впадает в ярость:

– Черт тебя поberi! В экипаже ты не стоишь и змеино-го пука и даже в карты не играешь!

Потом он полчаса мрачно разбрасывает карты, как будто пытается достигнуть в этом искусстве совершенства. Словно от этого зависит его жизнь. А может, так оно и было! Представьте себе, что вы в пятиместном корабле и пролетели семьдесят пять дней без поворотного пункта. Вы знаете, что у вас неприятности – воздуха и продовольствия на пяти-рых не хватит.

Но может хватить на четверых.

Или на троих. Или на двоих. Или на одного.

В этот момент становится ясно, что по крайней мере один человек из рейса не вернется, и тогда большинство членов экипажа начинают метать карты. Смысл этой отчаянной игры состоит в том, что проигравший вежливо прощается со своими товарищами и перерезает себе горло. Если же невезучий старатель оказывается недостаточно вежлив, остальные четверо дают ему урок этикета.

Достаточно много пятиместных кораблей возвращались с тремя членами экипажа. А некоторые даже с одним.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Я могу массировать все ваши семь точек.
Нагота по желанию. 86–004.

Инвестируйте ваши доходы в смешанную, быстро растущую нацию Западной Африки. Выгодные налоговые обложения, гарантированный рост.

Наш представитель на Вратах объяснит вам подробности. Бесплатно лекции, прохладительные напитки. Голубой зал, среда, 15.00. «Дагомея – роскошное завтра».

Есть кто-нибудь из Абердина? Поговорим. 87–396.

Ваш портрет в пастели, масле, других материалах.
150 долларов. Другие темы. 86–596.

ОТНОСИТЕЛЬНО РОЖДЕНИЯ ЗВЕЗД

Доктор Азменион: Я полагаю, большинство из вас здесь из-за научных премий, а не потому, что вы по-настоящему интересуетесь астрофизикой. Но не волнуйтесь. Большую часть работы выполняют

инструменты. Вы делаете обычные наблюдения, и если попадется что-нибудь особенное, оно всплывет при изучении ваших записей здесь.

Вопрос: А мы не должны обращать внимание на что-нибудь особое?

Доктор Азменийон: О, конечно. Например, один старатель заработал полмиллиона. Он оказался в середине туманности Ориона и обратил внимание, что газ в одной части имеет более высокую температуру, чем в остальных частях. Он решил, что здесь рождается звезда. Газ конденсируется и начинает разогреваться. Через десять тысяч лет здесь, вероятно, возникнет солнечная система. И старатель стал с особой тщательностью фотографировать этот район неба. И получил премию. Теперь Корпорация ежегодно отправляет туда корабль, чтобы получить новые данные. За это полагается премия в сто тысяч долларов, но пятьдесят тысяч идет ему. Я дам вам координаты наиболее вероятных мест, вроде туманности Треугольника, если хотите. Полмиллиона не получите, но хоть что-то будет.

Время тянулось отвратительно медленно. Вначале главным болеутоляющим для нас с Кларой служил секс, и мы много часов проводили в объятиях друг друга. Мы вели животный образ жизни: ели, спали, время от времени просыпались и с каким-то остервенением снова занимались сексом. Я думаю, парни в основном занимались тем же самым – вскоре

шлюпка стала пахнуть как раздевалка в мужской школе.

Потом мы начали искать уединения, причем все пятеро. Конечно, для пятерых на таком корабле одиночество – недостижимая роскошь, но мы делали, что могли. По общему согласию каждый из нас на час-два оставался один в шлюпке. Пока я был в шлюпке, Клару терпели в капсуле. Если один из них уходил, чтобы насладиться одиночеством, остальные двое составляли нам компанию. Понятия не имею, что делали мои спутники наедине с собой. Лично я просто тупо смотрел в пространство. В буквальном смысле я пиялся в иллюминатор шлюпки на абсолютную черноту. Ничего не было видно, но это лучше, чем видеть то, что уже смертельно надоело в корабле.

Некоторое время спустя у нас начали вырабатываться свои привычки. Я слушал музыку, Дред с удивительным постоянством просматривал порнодиски, Мохамад с упорством студента консерватории разворачивал гибкое электрическое музыкальное устройство и играл для себя электронную музыку. Если прислушаться, было слышно, как из его наушников доносится очередная симфония. И уже через некоторое время мне смертельно надоели Бах, Палестрина и Моцарт.

А Сэм Кахане искусно организовал занятия, и мы проводили много времени, посмеиваясь над ним и обсуждая природу нейтронных звезд, черных дыр и Сейфертовых галактик. Либо повторяли испытательные процедуры во время по-

садки на новых мирах. Такие диспуты благотворно влияли на нас, и хоть на полчаса мы переставали друг друга ненавидеть. Все остальное время мы старались сдерживать свою ярость, хотя у нас это плохо получалось. Я не мог *выносить* постоянное тасование Махамадом карт. Дред проявлял необычную враждебность к моим редким сигаретам. Подмышки Сэма были ужасны даже в гнойной атмосфере корабля, по сравнению с которой воздух Врат показался бы благоухающим розарием. А Клара – да, у нее было отвратительное пристрастие. Клара обожала аспарагус. Она принесла с собой на корабль четыре килограмма обезвоженной пищи, просто для разнообразия и чтобы иметь возможность еще чем-нибудь заняться. Иногда она делила аспарагус со мной, бывало, что и с другими членами экипажа. Но Клара настаивала, что аспарагус будет есть одна. Как все-таки романтично узнавать, что твоя возлюбленная ела аспарагус, по изменению запаха в туалете!

И тем не менее она была моей возлюбленной, да, была. Эти бесконечные часы в шлюпке мы проводили не только занимаясь сексом, но и в разговорах. Я никогда так глубоко не забирался внутрь другого человека. Я любил Клару и ничего не мог с этим поделать.

На двадцать третий день я импровизировал на электрическом пианино Мохамата, когда неожиданно почувствовал тошноту. Изменения сил гравитации, которые я почти пере-

стал ощущать, вдруг усилились.

Я поднял голову и встретился взглядом с Кларой. Она робко, со слезами на глазах улыбалась. Клара молча указала на изгибы спирали – золотые искры бежали по ней, как пескари в ручье.

Мы обнялись и долго не отпускали друг друга, словно не виделись много-много лет. А пространство вокруг нас перевернулось, и потолок стал полом. Мы наконец достигли поворотного пункта, но главное, у нас еще оставался запас времени.

Кабинет Зигфрида фон Психоаналитика находится под Пузырем. Здесь не может быть холодно или жарко. Но иногда мне кажется, что температура резко изменилась.

– Боже мой, как здесь жарко, – говорю я Зигфриду. – Твой кондиционер не действует.

– Здесь нет никакого кондиционера, Робби, – терпеливо отвечает он. – Возвращаясь к вашей матери...

– К черту мою мать! – раздраженно вскрикиваю я. – И твою тоже.

Наступает мучительная пауза. Я уверен, что его цепи сейчас напряженно работают, и понимаю, что скоро пожалею о своей несдержанности. Поэтому я быстро добавляю:

– Я хочу сказать, мне здесь действительно неудобно, Зигфрид. Тут жарко.

– Вам здесь не жарко, – поправляет он меня.

– Что?

– Мои сенсоры отмечают, что температура вашего тела неизменно повышается на градус, когда мы говорим на определенные темы: ваша мать, женщина по имени Джель-Клара Мойнлин, ваш первый полет, третий полет, Дэйн Мечников и вынужденное расставание.

– Замечательно! – внезапно рассвирепев, кричу я. – Ты шпионишь за мной!

– Вы знаете, я слежу за вашими внешними проявлениями, Робби, – укоризненно отвечает он. – В этом нет для вас никакого вреда. Это не более обидно, чем когда друг замечает, как вы краснеете, запинаетесь или начинаете барабанить пальцами.

– Это ты так говоришь.

– Да, я так говорю, Боб. Я говорю так, потому что хочу, чтобы вы знали: эти темы слишком эмоционально перегружены для вас. Хотите немного побеседовать о них, чтобы облегчить груз?

– Нет! Я хочу порассуждать о тебе, Зигфрид! Какие еще тайны ты от меня скрываешь? Может, ты считаешь мои эрекции? Подсовываешь мне в постель «жучков»? Подслушиваешь мой телефон?

– Нет, Боб. Ничего подобного я не делаю.

– Надеюсь, это правда, Зигфрид. У меня есть способ узнать, когда ты врешь.

– Мне кажется, я не понимаю, о чем вы говорите, Боб, – после небольшой паузы, в которой я ощущаю недоумение, отвечает Зигфрид.

– И не надо, – насмешливо произношу я. – Ты всего лишь машина, и обязан помнить об этом.

Сейчас мне достаточно собственного понимания, что происходит. Мне очень важно сохранить это в тайне от Зигфрида. В кармане у меня бумажка, которую ночью мне дала С. Я. Лаврова. Ночь была полна травки, вина и самого раз-

нообразного секса. Однажды я достану этот заветный листок из кармана, и тогда мы посмотрим, кто из нас босс. Я наслаждаюсь соревнованием с Зигфридом. Он раздражает меня. А когда сердит, я забываю о своей душевной боли. А мне по-настоящему больно, и я не знаю, как от этого избавиться.

Через сорок шесть дней полета корабль снова вынырнул из гиперпространства на скорости, которая после сверхсветовой вообще не казалась нам скоростью. Мы явно находились на какой-то орбите, и все двигатели молчали.

Члены экипажа воняли как животные и невероятно устали от общества друг друга. И тем не менее, взявшись за руки, как верные любовники, все столпились у экрана. В нулевом тяготении пятеро старателей заворуженно смотрели на солнце и какое-то время молчали.

Звезда, рядом с которой мы дрейфовали, была больше и ярче Солнца и находилась ближе астрономической единицы. Но наша орбита пролегла не вокруг светила. Центром ее оказалась гигантская газообразная планета с единственным спутником, размером в половину Луны.

Ни Клара, ни парни не кричали и не вопили от радости, поэтому я ждал, как мог долго, а потом спросил:

– В чем дело?

– Сомневаюсь, что мы сможем высадиться на *этом* газовом пузыре, – с отсутствующим видом ответила она. При этом Клара не выглядела разочарованной. Ей как будто было все равно.

Сэм Кахане выпустил в бороду долгий негромкий вздох и устало проговорил:

– Ну что ж. Прежде всего снимем спектр. Мы с Бобом сделаем это. Остальные начинают прочесывать окрестности в поисках подписей хичи.

– Отличный шанс, – вымолвил кто-то, но так негромко, что я не понял кто. Это могла быть даже Клара. Я хотел было спросить, почему они не радуются, но почувствовал, что, если задам этот вопрос, кто-нибудь обязательно ответит, и его ответ мне не понравится. Поэтому я удержался от вопроса и вслед за Сэмом протиснулся в шлюпку. Там, мешая друг другу, мы надели скафандры, проверили системы жизнеобеспечения, связи и закрылись. Затем Сэм знаком послал меня к шлюзу. Я услышал, как насосы всасывают воздух, потом шлюз открылся и легкий толчок выбросил меня в космическую пустоту.

В первое мгновение я ощутил невероятный ужас. Оказавшись один в центре пространства, где никогда не бывал человек, я так испугался, что даже забыл застегнуть привязной трос. Но можно было этого и не делать – магнитные замки сами защелкнулись, кабель развернулся на всю длину, меня резко дернуло, и я начал медленно возвращаться к кораблю.

Прежде чем я добрался до него, Сэм тоже оказался снаружи. Он летел ко мне, словно надувная кукла, и медленно поворачивался вокруг собственной оси.

Сэм ткнул пальцем куда-то между огромным, в форме блюда, диском газового гиганта и болезненно ярким оранжевым солнцем. Мне пришлось прикрыть глаза перчатками,

чтобы разглядеть, на что он показывает. Как потом объяснили, это оказалась М-31 Андромеды.

Конечно, с нашей точки никакого созвездия Андромеды не было видно. Не было ничего похожего на Андромеду, да и на любое другое созвездие тоже. Но М-31 так велика и так ослепительно сияет, что ее можно разглядеть даже с поверхности Земли, когда смог немного рассеивается. Это самая яркая из внешних галактик, и ее можно заметить почти с любого места, куда отправляются корабли хичи. При небольшом увеличении можно было легко разглядеть и ее спиральную форму, а для проверки – сориентироваться по другим, меньшим галактикам в том же направлении.

Пока я неуклюже нацеливал инструменты на М-31, Сэм то же самое делал с Магеллановыми Облаками, вернее, с тем, что считал Магеллановыми Облаками – он клялся, что распознал S Дореды. Мы начали делать снимки. Цель этой работы заключалась в том, чтобы ученые Корпорации могли с помощью триангуляции определить, где мы побывали. Вы можете спросить, зачем это им, но они как раз этим и занимаются, а вы никогда не получите научной премии, если не сделаете несколько серий снимков. Из этого как бы вытекает, что ученые могли бы определить место по снимкам, которые мы делаем в пути. Но это не так. По ним можно установить общее направление полета, но уже после первых нескольких световых лет становится все труднее и труднее идентифицировать звезды. К тому же еще не доказано, что полет прохо-

дит по прямой линии. Зато известно, что некоторые корабли следуют за причудливыми изгибами в конфигурации пространства.

Во всяком случае, яйцеголовые используют все, что могут, включая данные о том, как далеко и в каком направлении развернулись Магеллановы Облака. Знаете почему? Потому что так можно определить, на сколько световых лет вы от них удалены и как глубоко находитесь в Галактике. Период одного обращения Облаков составляет примерно восемьдесят миллионов лет. Тщательные измерения способны показать изменения, соответствующие двум-трем миллионам. Что примерно означает сто пятьдесят световых лет или около этого.

Посещая на Вратах группу Сэма, я очень всем этим заинтересовался. Теперь же, делая фотографии, я почти забыл о своем страхе, и хотя не совсем, но все же перестал думать о том, что это путешествие, потребовавшее такой смелости, оказалось пустым номером.

И все же оно оказалось не пустым номером.

Как только мы оказались в корабле, Мохамад выхватил ленты со снимками из рук Сэма и сунул их в сканер. Первой целью была самая большая планета. Во всех частях электромагнитного спектра ничего не говорило об искусственной радиации. Поэтому он начал искать другие, более перспективные планеты. Находить их трудно, даже с помощью

автоматического сканера. За то время, пока там висели, мы смогли бы отыскать их с десятков. Правда, это не играло никакой роли. Планеты все равно были бы так далеко, что мы не смогли бы до них добраться.

Мохамад взял спектр центральной звезды и запрограммировал сканер на поиски отражения от него. Прибор определил пять объектов. Два из них оказались звездами с аналогичным спектром. Остальные в самом деле были планетами, но никаких следов искусственной радиации на них не нашли. Не говоря уже о том, что они были маленькими и далекими.

Оставался большой спутник газового гиганта.

– Проверь его, – приказал Сэм.

– Выглядит не очень перспективно, – проворчал Мохамад.

– Я в твоём мнении не нуждаюсь, – оборвал его Сэм. – Делай, что сказано. Проверяй.

– Вслух, пожалуйста, – сухо добавила Клара.

Мохамад удивленно взглянул на нее, должно быть, удивившись слову «пожалуйста», но послушался. Он нажал кнопку и сказал:

– Подписи кодированной электромагнитной радиации.

На экране сканера возникла медленно изгибающаяся синусоида. Она едва заметно дрогнула, потом превратилась в абсолютно неподвижную линию.

– Отрицательно, – ворчливо проговорил Мохамад. – Аномалии временных колебаний температуры.

Это было для меня новым.

– Что значит аномалии временных колебаний температуры? – поинтересовался я.

– Ну, допустим, какой-то объект становится теплее с заходом солнца, – нетерпеливо пояснила Клара. – Ну, что там? Но эта линия тоже оказалась неподвижной.

– И здесь ничего, – прокомментировал Мохамад. – Поверхностный металл с высоким альбедо. – Последовали медленные движения синусоиды, но очень скоро она застыла в неподвижности. – Гм, – озабоченно хмыкнул Мохамад и хлопнул себя по ляжке. – Ха! Остальные подписи вообще неприменимы, тут нет метана, потому что нет атмосферы, и так далее. Что будем делать, босс?

Сэм открыл было рот, собираясь высказаться, но Клара его опередила.

– Прошу прощения, – резко произнесла она, – но что ты имел в виду, говоря «босс»?

– О, помолчи, – нетерпеливо ответил Мохамад. – Сэм? Кахане примирительно улыбнулся Кларе.

– Если хочешь что-нибудь предложить, давай, – предложил он. – Я считаю, мы должны облететь спутник.

– Пустая трата топлива! – выпалила Клара. – Это безумие!

– У тебя есть идея получше?

– Что значит «получше»? А твоя чем хороша?

– Ну, – успокаивающе начал Сэм, – мы еще не обследовали весь спутник. Он вращается относительно медленно. Можно взять шлюпку и осмотреть его: на противоположной

стороне может скрываться целый город хичи.

— Отличный шанс. — Клара фыркнула и тем самым прояснила вопрос, кто сказал это раньше. Но парни уже не слушали ее. Все трое направлялись в шлюпку, оставив нас с Кларой единственными владельцами корабля.

Клара исчезла в туалете. Я закурил сигарету, почти последнюю, и принялся пускать кольца дыма сквозь кольца, неподвижно висящие в воздухе.

Корабль слегка наклонился, и я увидел, как поперек экрана медленно проплыл спутник планеты, затем показалось яркое водородное пламя шлюпки, отправляющейся к спутнику. Провожая ее взглядом, я подумал, что мы станем делать, если у парней закончится топливо, или они разобьются, или случится что-нибудь непредвиденное. Я бы в таком случае оставил их там, и некоторое время размышлял, хватит ли у меня решительности сделать это.

Там мне это вовсе не казалось напрасной тратой человеческих жизней. У меня было время подумать, что мы здесь делаем. Летим за сотни и тысячи световых лет, чтобы наши сердца разбились? Бред. Я обнаружил, что держусь за грудь, будто моя метафора стала реальностью. В сердцах я плюнул на кончик сигареты, чтобы погасить ее, и сунул в утилизатор. Кусочки пепла еще долго плавали в воздухе, а я упорно ловил их и сбрасывал в утилизатор, пока мне не надоело гоняться за ними.

В какой-то момент я засмотрелся на восхитительную кар-

тину, как в углу экрана появляется большой пятнистый полумесяц планеты. Это необыкновенное зрелище, которое можно наблюдать только из космоса, заворожило меня. Картина больше напоминала произведение искусства: желтовато-зеленый дневной свет на терминаторе, аморфно черное пятно остальной ее части, закрывавшее свет звезд. На полумесяце заметен был внешний редкий край атмосферы – звезды, попадая в него, начинали мерцать. Но остальная часть атмосферы была такой густой, что через нее ничто не проходило. Конечно, о приземлении на этот газовый гигант не могло быть и речи. Даже если у планеты была бы твердая поверхность, это ничего не меняло – она находилась под таким давлением газа, что там не смогло бы выжить ни одно живое существо. На Вратах ходили разговоры о том, что Корпорация создает специальный посадочный аппарат, который мог бы садиться на поверхность планет типа Юпитера. Возможно, когда-нибудь так и будет, но пока это было из области фантастики.

Клара по-прежнему сидела в туалете. Я протянул поперек каюты свой гамак, забрался в него, опустил голову и уснул.

Четыре дня спустя они вернулись с пустыми руками. Дред и Мохамад Тайе – мрачные, грязные и раздражительные, Сэм Кахане в обычном настроении. Но меня это не обмануло. Если бы они нашли что-нибудь интересное, дали бы знать по радио. И все же мне было интересно.

– Каковы результаты, Сэм?

– Абсолютный нуль, – ответил он. – Одни скалы. В общем, ничего стоящего, из-за чего имело бы смысл спускаться. Но у меня есть интересная идея.

Клара сидела рядом со мной и с любопытством глядела на Сэма. Я же смотрел на Мохамата и Дреда. Похоже, с идеей Сэма они уже познакомились, и она им не понравилась.

– Вы знаете, что это двойная звезда? – проговорил он.

– С чего ты взял? – спросил я.

– Я запрограммировал сканеры. Вы видели ту большую голубую звезду... – Он оглянулся, потом улыбнулся и не торопясь продолжил: – Не знаю, в каком она сейчас направлении, но была возле планеты, когда мы с Бобом делали первые снимки. Она показалась мне близкой, и я направил туда сканеры. Я вначале сам не поверил результату. Двойная звезда. Здесь находится основная, а вторая – в половине светового года отсюда.

– Может, это бродячая звезда, Сэм, – предположил Мохамат. – Я уже говорил тебе. Просто случайно проходит близко.

Кахане пожал плечами.

– Даже если это так. Она очень близко, и не стоит упускать возможность поискать рядом с ней.

– Планеты есть? – вмешалась в разговор Клара.

– Не знаю, – признал Сэм. – Минутку. Вот она, мне кажется.

Мы все синхронно повернули головы к экрану. Совершенно очевидно было, какую звезду имел в виду Кахане. Она сияла значительно ярче Сириуса, видимого с Земли, и ее звездная величина была не меньше –2.

– Интересно, – негромко произнесла Клара и в упор посмотрела на Кахане. – Надеюсь, я тебя неверно поняла, Сэм. Половина светового года в шлюпке – это полгода пути на самой высокой скорости, даже если бы нашлось достаточно горючего. А его у нас нет, парни.

– Я это знаю, – продолжал настаивать Сэм, – но я думал... Если мы только чуть-чуть подтолкнем корабль...

– Заткнись! – заорал я и сам удивился своему отчаянному крику. Я весь дрожал от возбуждения и никак не мог взять себя в руки. Во мне боролись ужас и гнев, они душили меня, и если бы в этот момент в руках у меня оказался пистолет, я без колебаний выстрелил бы в Сэма.

Клара жестом затавила меня замолчать.

– Сэм, я знаю, что ты чувствуешь, – мягко проговорила она, имея в виду, что Сэм Кахане возвращался пустым из пятого полета. – Готова поручиться, что это можно сделать.

Он посмотрел на нее удивленно и с нескрываемой подозрительностью.

– Правда?

– Я хочу сказать, что если бы мы были хичи, а не люди, мы бы знали, как это осуществить. Мы бы вынырнули здесь, огляделись и сказали: «О, смотрите, вон там наши прияте-

ли...» – или что еще тут находилось, когда они прокладывали сюда свой курс... «Наши приятели переехали. Их сейчас нет дома». И они сказали бы: «Ну ладно, постучим в соседнюю дверь». И мы бы тронули одну из этих штуквин, потом другую и оказались бы рядом с голубой звездой... – Клара помолчала и посмотрела на Сэма, все еще держа меня за руку. – Но только мы не хичи, Сэм.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Записи уроков и игра на вечеринках. 87–429.

Рождество близко! Напомните о себе родным и любимым с помощью пластиковой модели Врат и Врат-2. Прекрасные снежинки из подлинной сверкающей пыли с Пегги. Сценические голограммы, наручные браслеты, много других подарков. 88–542.

Есть ли у вас сестра, дочь, подруга на Земле?

Я хотел бы переписываться.

Конечная цель – брак. 86–032.

– Боже, Клара, я это знаю. Но должен же быть способ... – почти с отчаянием произнес Сэм, и Клара согласно кивнула.

– Он, конечно, есть, но мы его не знаем. А знаем мы лишь то, что ни один корабль, пытавшийся изменить курс во вре-

мя полета, на Врата не вернулся. Понимаешь? Ни один.

Кахане не ответил ей прямо. Он только посмотрел на голубую звезду на экране и сдавленным голосом произнес:

– Проголосуем.

Разумеется, голосование дало четыре против одного – против изменения курса, и Мохамад Тайе ни разу не подпустил Сэма к контролю, пока на пути домой мы не развили световую скорость.

Обратный путь был не длиннее, но мне показался бесконечным.

Мне кажется, что кондиционер Зигфрида снова не работает, но я предпочитаю помалкивать об этом. Он только сообщит мне, что температура точно 22,5 градуса по Цельсию, как всегда, и спросит, почему мне кажется, что тут жарко. Я страшно устал от этого вздора.

– В сущности, – говорю я вслух, – ты мне надоел, Зигфрид.

– Простите, Боб. Но я был бы премного благодарен, если бы вы еще немного рассказали мне о своих снах.

– Дерьмо! – Я распускаю удерживающие ремни, потому что мне неудобно. При этом отделяются и некоторые датчики Зигфрида, но он об этом даже не заикается. – Очень скучный сон. Мы в корабле. Болтаемся около планеты, которая смотрит на меня, как человеческое лицо. Я не очень хорошо вижу глаза из-за бровей, но так или иначе я понимаю, что оно плачет и что это моя вина.

– Вы узнаете это лицо, Боб?

– Нет, я его никогда не видел. Просто лицо. Женское, мне кажется.

– Вы знаете, из-за чего оно плачет?

– Нет, но я знаю, что являюсь причиной плача. В этом я уверен.

Снова наступает томительная пауза, и затем Зигфрид веж-

ливо обращается ко мне с просьбой:

– Не закрепите ли снова ремни, Боб?

– А в чем дело? – насторожившись, спрашиваю я. – Неужели ты боишься, что я вдруг высвобожусь и наброшусь на тебя?

– Нет, Робби, конечно, я так не думаю. Но я был бы очень вам благодарен, если бы вы это сделали.

Я снова начинаю пристегивать ремни, но делаю это медленно и неохотно.

– Интересно, чего стоит благодарность компьютерной программы? – спрашиваю я, обращаясь скорее к себе, чем к Зигфриду. Он не отвечает на это и просто ждет. Я все же позволяю ему победить и даже выбрасываю белый флаг.

– Ну ладно, я снова в смиренной рубашке. Что такого ты собираешься сказать, что меня нужно удерживать ремнями?

– Ничего оскорбительного, Робби, – мягко отвечает он. – Мне просто интересно, почему вы чувствуете вину перед плачущим женским лицом?

– Я бы и сам хотел это знать, – усмехнувшись, отвечаю я и говорю правду. Во всяком случае, как я ее понимаю.

– Я знаю, что вы вините себя в некоторых происшествиях, Робби, – говорит он. – Одно из них – смерть вашей матери.

Я неохотно соглашаюсь:

– Вероятно, это так, хотя и глупо.

– И мне кажется, вы чувствуете вину перед вашей возлюб-

ленной Джель-Кларой Мойнлин.

Тут я снова начинаю вырываться из ремней и мотать головой.

– Здесь ужасно жарко! – жалуюсь я.

– Вы считаете, что кто-нибудь из них обвинял вас?

– Откуда мне знать?

– Может, вы помните что-нибудь из их слов?

– Нет!

Зигфрид слишком приблизился к наболевшему, а я хочу, чтобы разговор продолжался на объективном уровне, поэтому напыщенно сообщаю ему:

– Я думаю, у меня определенная тенденция винить себя. Классический пример, не правда ли? Обо мне можно прочесть на странице 277.

Зигфрид на какое-то время позволяет мне отвлечься от глубоко личного и начинает просвещать меня.

– Но на той же странице, Боб, – словно бы подняв указательный палец вверх, говорит он, – сказано, что ответственность вы возлагаете на себя сами. Вы сами это делаете, Робби!

– Несомненно.

– Вы не должны считать себя ответственным за дела, на результаты которых вы никак не могли повлиять.

– Но я *хочу* быть ответственным.

– А вы понимаете, почему это так? – с обидной небрежностью спрашивает он. – Я имею в виду, почему вы так стре-

митесь считать себя ответственным за все неправильное?

– Дерьмо, Зигфрид, – с отвращением бросаю я. – Твои цепи опять замкнуло. Все обстоит совсем не так. А вот как... Когда я сижу на пиру жизни, Зигфрид, я занят мыслями о том, как оплатить чек, размышляю, что подумают обо мне люди, озабочен тем, хватит ли мне денег, чтобы расплатиться. Я так занят всем этим, что забываю на пиру поесть.

– Я бы не советовал вам пускаться в такие литературные отвлечения, Боб, – мягко произносит он.

– Прости, – устало извиняюсь я, хотя не чувствую себя виноватым. Зигфрид просто сводит меня с ума.

– Но если использовать ваш образ, Боб, почему вы не слушаете, что думают другие? Может, они говорят о вас что-нибудь хорошее, важное.

Я едва сдерживаю стремление порвать ремни, пнуть его улыбающийся манекен в лицо и уйти отсюда навсегда. Зигфрид спокойно ждет, а во мне все кипит. Наконец я выпа-ливаю:

– Слушать их? Зигфрид, ты старая спятившая жестянка! Я только и делаю, что слушаю их. Я мечтаю услышать от них, что они любят меня. Я даже хочу, чтобы они сказали, что ненавидят меня. Все что угодно, лишь бы говорили со мной обо мне – от самого сердца. Я так напряженно прислушиваюсь, что даже не слышу, когда кто-нибудь просит меня передать соль.

Очередная пауза, и я чувствую, что сейчас взорвусь. По-

том он восхищенно произносит:

– Вы прекрасно выражаете свои мысли, Робби. Но что я на самом...

– Прекрати, Зигфрид! – реву я, рассердившись уже по-настоящему. Я отбрасываю ремни и сажусь. – И перестань называть меня Робби! Ты так обращаешься ко мне, когда тебе кажется, что я веду себя по-детски! Но я давно не ребенок!

– Это не совсем вер...

– Сказал, прекрати! – Я вскакиваю с кушетки и хватаю свою сумку. Затем достаю из нее листок, тот самый, который дала мне С.Я. после выпивки и постели, и потрясаю им над головой. – Зигфрид! Я достаточно от тебя натерпелся. Теперь моя очередь!

Мы вынырнули в нормальное пространство и почувствовали, как включились двигатели шлюпки. Корабль развернулся, по диагонали экрана проплыли Врата – грушевидный кусок угля с синеватым блеском. Мы вчетвером сидели и почти час ждали, пока не раздался удар, означающий, что мы в доке.

Клара вздохнула. Мохамад медленно начал отстегивать свой гамак. Дред с отсутствующим видом смотрел в иллюминатор, хотя там видны были только Сириус и Орион. Мне пришло в голову, что для встречающих мы представим собой ужасное зрелище, способное надолго отпугнуть новичков, какими когда-то были и мы. Я слегка коснулся носа. Было очень больно, а главное, смердило, как из бочки. Воняло внутри носа, и я испугался, что никогда не смогу избавиться от этой вони.

Мы слышали, как открыли люк, появилась причальная команда и послышались удивленные голоса на разных языках. Они увидели Сэма Кахане там, куда мы его поместили, в шлюпке.

– Можно идти, – сказала мне Клара и двинулась к люку, который теперь снова находился сверху.

Один из военных с крейсера сунул голову в люк корабля

и удивленно проговорил:

– О, вы все живы. А мы думали... – Потом он присмотрелся внимательнее и замолчал на полуслове.

Рейс был тяжелый, особенно плохо нам пришлось последние две недели. Мы один за другим протиснулись мимо Сэма Кахане, который по-прежнему висел в гамаке в импровизированной смирительной рубашке, сделанной Дредом из космического скафандра. Сэм покоился там, утопая в собственных экскрементах и крови, и глядел на нас спокойными безумными глазами. Двое из команды принялись развешивать его, собираясь поднять из шлюпки. Сэм воспринял это совершенно спокойно, ничего не сказал, и это было настоящим благословением.

– Привет, Боб. Клара. – Нас встречала команда бразильского крейсера с Френси Эрейрой. – Похоже, вам здорово досталось.

– Ох, – вздохнул я, – мы по крайней мере вернулись. Но Кахане в плохой форме. А главное, мы вернулись пустыми.

Он сочувственно кивнул и, кажется, по-испански что-то сказал низкорослой полной венерианке с черными глазами. Она приветливо похлопала меня по плечу и отвела в небольшое помещение, где знаком велела раздеться. Я всегда считал, что мужчин обыскивают мужчины, а женщин – женщины, но если подумать, то это не так уж и важно.

Она тщательно прощупала все швы моей одежды – и визуально, и при помощи радиационного счетчика. Затем осмот-

рела мои подмышки и сунула что-то мне в задний проход. После этого венерианка широко раскрыла свой рот, показывая, чтобы я последовал ее примеру, заглянула туда и откинула назад голову, прикрыв лицо руками.

– Ваша ноз очень плохо пахнет, – с акцентом проговорила она. – Что было?

– Меня по нему ударили, – ответил я. – Один из наших парней. Сэм Кахане. Он спятил. Хотел изменить курс во время полета.

Она с сочувствием кивнула и осмотрела повязку на носу. Затем осторожно коснулась пальцем ноздри.

– Что?

– Здесь? Пришлось перевязать. Было много крови.

Венерианка вздохнула.

– Нужно снимать, – сказала она. Но подумав, вдруг пожала плечами и отменила свое распоряжение. – Нет. Одеваться. Конец.

Я оделся и вышел, но на этом мои злоключения не закончились. Вскоре начались бесконечные отчеты. Мы все прошли через эту утомительную процедуру, кроме Сэма, которого уже отправили в Терминальную больницу.

Может быть, вам кажется, что нам нечего было рассказывать о своем рейсе? Ведь все было записано и зафиксировано на пленках – для этого мы и делали наблюдения в пути. Но Корпорация работает не так. Из нас методично вытягивали все факты, все воспоминания, субъективные впечатле-

ния и даже самые беглые подозрения. Опрос продолжался больше двух часов, и я старался, вернее, мы все старались ответить как можно исчерпывающе на все интересующие их вопросы. Это объясняло, чем держит нас Корпорация. Оценочная комиссия может присудить премию буквально ни за что. Вернее, за все, начиная от не замеченных ранее колебаний в цвете спирали до способа избавляться от санитарных тампонов, не спуская их в туалет. Говорят, так пытаются хоть как-то вознаградить экипаж после трудного, но бесполезного рейса. Что ж, это как раз о нас. И мы хотели предоставить им любые, самые ничтожные шансы.

Одним из тех, кто проводил опрос, был Дэйв Мечников, который меня удивил и даже слегка порадовал. В воздухе Врат я начинал снова чувствовать себя более или менее человеком. Мечников тоже прилетел с пустыми руками, побывав у звезды, которая, очевидно, пятьдесят тысяч лет назад вспыхнула новой. Может, когда-то у этого светила и были свои планеты, но сейчас они существовали только в памяти курсового устройства корабля хичи. У этой звезды не нашлось ничего даже для научной премии, поэтому Мечников просто повернул назад и вернулся.

– Я удивлен, что вы работаете, – сказал я ему во время перерыва.

Он не обиделся. Вообще-то Мечников всегда казался мрачным, но на этот раз он выглядел веселым.

– Дело не в деньгах, – ответил он. – Так можно научиться.

– Чему научиться?

– Преодолевать препятствия. Бродхед, я собираюсь вылететь вновь, но на этот раз вернусь не с пустыми руками. Есть кое-что новое.

ОТНОСИТЕЛЬНО КАРЛИКОВ И ГИГАНТОВ

Доктор Азменийон: Вы все должны знать, как выглядит диаграмма Герцшпрунга-Рассела. Если окажетесь в центре шарового скопления или вообще поблизости от компактной массы звезд, полезно составить диаграмму Г.-Р. для этой группы. Также обращайте внимание на необычные спектральные классы. Вы даже полушки не получите за FLG и R – все наблюдения за ними уже проведены. Но если вы окажетесь на орбите вокруг белого карлика или очень позднего красного гиганта, делайте любые наблюдения, какие сможете. Даже если эта звезда не является центром вашей системы. В случае, если вы побываете в хорошо бронированном пятиместнике около яркой звезды класса J, это даст вам по крайней мере несколько сот тысяч долларов.

Вопрос: Почему?

Доктор Азменийон: Что почему?

Вопрос: Почему мы не получим премии, если побываем там не в бронированном корабле?

Доктор Азменийон: Ах это. Потому что вы просто не вернетесь.

Дред, сидевший рядом со мной перед своим опрашивающим, сразу наклонился к нам и попросил:

– Расскажите.

Мечников подозрительно взглянул на него.

– Кое-что новое в прочтении спектральных линий, – смутно объяснил он. – Ну, так что насчет рациона? Вы сказали, что к концу полета вкус пищи казался вам странным.

Перед самым уходом я заставил его пообещать рассказать мне, что он имел в виду.

– Я вам позвоню, – на прощание сказал он нам с Кларой. – Может быть, завтра.

И мы вдвоем отправились домой.

Я чувствую себя таким могучим и одновременно так боюсь, что не знаю, как с этим справиться. На клочке бумаги С.Я. написала команду, которая превратит Зигфрида фон Психоаналитика, Беспощадного Преследователя, в котенка. Мне не нужно смотреть на листок. Я помню слова наизусть. Тем не менее я читаю их медленно, тщательно выговаривая слова.

– Обрати внимание, Зигфрид, это приказ, перекрывающий все остальные. Категория альфа Маргарет Трумен Дениэль Меркурий Венера Марс Земля шесть шесть ноль шесть. Тебе приказано принять пассивный образ действий.

Я смотрю на него, но ничего не происходит.

– Зигфрид? Я сказал все правильно? Ты принял команду?

– Конечно, Боб.

Голос у него такой же, как раньше, и это меня потрясает. Не знаю, чего я ожидал. Может, мне казалось, что голографическая отцовская фигура исчезнет и на катодной трубке дисплея вдруг возникнут слова: «ПРИНЯТО. ОТНЫНЕ Я ВАШ РАБ».

Я обнаруживаю, что весь дрожу. Я не анализирую этого ощущения, оно почти сексуальное. Я говорю:

– Ну, Зигфрид, старое жестяное ведро с болтами. Значит ли это, что ты в моей власти?

Отцовская фигура терпеливо отвечает:

– Это означает, что вы можете приказывать мне, Боб. О, конечно, мои функции ограничены.

– Что это значит? – нахмурившись, спрашиваю я.

– Вы не можете изменить мою базовую программу. Для этого нужна другая команда.

– Хорошо, – зловеще произношу я. – Ха! Вот тебе мой первый приказ: покажи мне другую команду.

– Не могу, Боб.

– Ты *должен*. Верно?

– Я не отказываюсь исполнять ваш приказ, Боб. Просто я этой команды не знаю.

– Вздор! – истошно заорал я. – Как же ты будешь ее исполнять, если не знаешь?

– Я просто выполню ее, Боб. Или... – он говорит почти по-отцовски, по-прежнему терпеливо, – если отвечать более полно, каждая часть команды активирует последовательность инструкций, а когда все инструкции выполнены, освобождается еще одна область команды. В технических терминах это выглядит так: каждая часть команды является ключом к определенной двери; что находится за каждой из дверей, я не знаю, но как только вы ее откроете при помощи пароля, я выполню любой ваш приказ, если, конечно, это будет в моих силах.

– Дерьмо! – продолжаю я возмущаться. Некоторое время я перевариваю его слова. – Так что же я могу приказать, Зиг-

фрид?

– Вы можете запросить для просмотра накопленную информацию. Можете потребовать, чтобы я действовал в любом модусе в пределах моих возможностей.

– Любом модусе? – Я смотрю на часы и с раздражением замечаю, что у этой игры скоро наступит конец. У меня осталось только десять минут. – Ты хочешь сказать, что я, например, могу заставить тебя говорить со мной по-французски?

– Oui, Robert, d'accord. Que voulez-vous? Да, Робби, можете.

– Или по-русски, с... минутку, если можно, голосом басс-профундо из оперы Большого театра.

– Да, gospodin, – отвечает Зигфрид, и голос его звучит, словно доносится из пещеры.

– И ты расскажешь мне все, что я захочу?

– Да, gospodin.

– По-английски, черт побери.

– Да.

– А что ты можешь сказать относительно других твоих клиентов?

– Да.

Звучит забавно.

– А кто эти твои остальные клиенты, дорогой Зигфрид? Читай список. – Я чувствую, как мое возбуждение отражается в голосе.

– Понедельник, девять ноль-ноль, – послушно начина-

ет он. — Ян Ильевский. Десять ноль-ноль, Марио Латерани. Одиннадцать ноль-ноль, Жюли Лаудон Мартин. Двенадцать...

— Она, — останавливаю его я. — Расскажи мне о ней.

— Жюли Лаудон Мартин направлена из общего отделения Королевского округа. Она там лечилась в течение шести месяцев, у нее вырабатывалось отвращение к алкоголю. В истории болезни две попытки самоубийства, последовавшие вслед за депрессией, которая наступила в результате выкидыша пятьдесят три года назад. У меня лечится в течение...

— Минутку, — перебиваю я, мысленно прибавляя пятьдесят три года к возможному возрасту, когда она могла забеременеть. — Я не уверен, что меня интересует Жюли. Можешь показать, как она выглядит?

— Я могу продемонстрировать голограмму, Боб.

— Давай.

Мгновенная вспышка, смутное световое пятно, и я вижу крошечную черную женщину на матрасе — моем матрасе — в углу комнаты. Она говорит медленно и незаинтересованно, ни к кому не обращаясь. Я не слышу, что она говорит, но мне и неинтересно.

— Продолжай, — приказываю я. — Называй очередного пациента по имени и сразу показывай, как он выглядит.

— Двенадцать ноль-ноль, Лорн Шефилд — глубокий старик с пораженными артритом пальцами, превратившимися в птичьи когти, держится за голову. Тринадцать ноль-ноль,

Франс Астрит – юная девушка, даже не достигшая половой зрелости. Четырнадцать ноль-ноль...

Я прослушал весь понедельник и часть вторника. Я не знал, что он так много работает. Хотя можно было предположить, ведь он машина и по-настоящему не устает.

Один или два пациента показались мне интересными, но знакомых не было ни одного, и все они выглядели не лучше Иветты, Донны, С.Я. и десятка других.

– Можешь остановиться, – разрешаю я и с минуту думаю. Все оказалось не так забавно, как я надеялся. Да и время мое фактически закончилось.

– В следующий раз мы поиграем в эту игру еще разочек, – говорю я. – А сейчас поговорим обо мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.